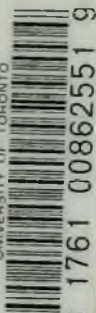

UNIVERSITY OF TORONTO

3 1761 00862551 9

Н. С. ЛЪСКОВЪ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

ИЗДАНИЕ ВЪ МАРСѢ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

*Лѣсковъ, Николай Семеновичъ
///*

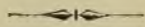
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

Polnoe sobranie

СОЧИНЕНІЙ

sochineniy

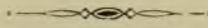
Н. С. ЛѢСКОВА.

12d 3

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. П. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

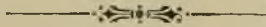

L. 9212

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

551033

27 10 52

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1902.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

НЕКУДА.

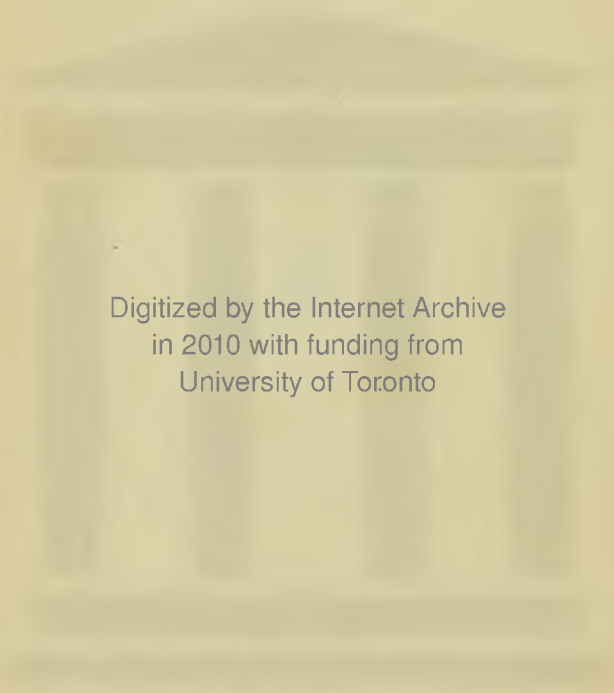
РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ КНИЖКАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

(Окончаніе).

II

КНИГА ВТОРАЯ.

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

КНИГА ПЕРВАЯ. ВЪ ПРОВИНЦІИ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Два внутренніе міра.

1.

Какъ всегда бываетъ въ жизни, что смиренными и тихими людьми занимаются меньше, чѣмъ людьми смѣло заявляющими о своемъ существованіи, такъ, кажется, идетъ и въ нашемъ романѣ. Мы до сихъ поръ только слегка занимались Женею и гораздо невнимательнѣе входили въ ея жизнь, чѣмъ въ жизнь Лизы Бахаревой, тогда какъ она, по плану романа, имѣетъ не меньшее право на наше вниманіе. Мы должны были въ послѣднихъ главахъ показать ея обстановку для того, чтобы не возвращаться къ прошлому и, не рисуя читателю мелкихъ и неинтересныхъ сценъ однообразной уѣздной жизни, выяснить, при какихъ декораціяхъ и мотивахъ спокойная головка Женни доходила до составленія себѣ ясныхъ и совершенно самостоятельныхъ понятій о людяхъ и ихъ дѣятельности, о себѣ, о своихъ силахъ, о своемъ призваніи и обязанностяхъ, налагаемыхъ на нее долгомъ въ дѣйствительномъ размѣрѣ ея силъ. Наконецъ, мы должны теперь хотя на нѣсколько мннуть еще ближе подойти къ этой нашей героинѣ, потому что, едва знакомые съ нею, мы скоро потеряемъ ее изъ виду надолго, и встрѣтимся съ нею уже въ иныхъ мѣстахъ и при иныхъ обстоятельствахъ.

Въ своей черезчуръ скромной обстановкѣ, Женни, одна-

одннешенька, додумалась до многого. Въ ней она рѣшила, что ея отецъ простой, очень честный и очень добрый человекъ, но не герой, точно такъ же, какъ не злодѣй; что она для него дороже всего на свѣтѣ, и что потому она станетъ жить только такимъ образомъ, чтобы залатить старику самой теплою любовью за его любовь и освѣтить его закатывающуюся жизнь. Все другое на второмъ планѣ, думала Женни.

Уѣздное общество ей было положительно гадко, и она весьма тщательно старалась избѣгать всякаго съ нимъ сближенія, но дѣлала это чрезвычайно осторожно, во-первыхъ, чтобы не огорчить отца, прожившаго въ этомъ обществѣ свой вѣкъ, а, во-вторыхъ, и потому, что терпимость и мягкость были преобладающими чертами ея добраго нрава.

Кружокъ своихъ близкихъ людей она тоже понимала. Заринцынъ ей представлялся добрымъ, простодушнымъ парнемъ, съ которымъ можно легко жить въ добрыхъ отношеніяхъ, но она его находила немножко фразеромъ, немножко лгуномъ, немножко человекомъ смѣшнымъ и до крайности флюгернымъ. Онъ ей ни разу не приснился ночью, и она никогда не подумала, какое впечатлѣніе онъ произвелъ бы на нее, сидя съ нею *tête-à-tête* за ея утреннимъ чаемъ.

Дьякона Александровскаго и его хорошенькую жену Женни считала очень добрыми людьми, и ей было бы больно всякое ихъ несчастіе.

Доктора она отличала отъ многихъ. Никто изъ близкихъ уѣздныхъ знакомыхъ не рисовался такъ часто надъ туманной пеленою луга. Говорятъ, подлость есть сила. Надо прибавить: скандалъ тоже есть сила. Особенно скандалъ извѣстнаго рода есть сила у женщинъ и притомъ у самыхъ лучшихъ, у самыхъ теплыхъ женщинъ. Докторъ былъ кругомъ оскандализированъ. Въ него метали грязью и плуты, и дураки, среди которыхъ онъ грызся съ судьбою. Его не упрекали темными дѣяніями по службѣ. Онъ постоянно самъ рассказывалъ, что ему безъ взятокъ прожить нельзя, но не изъ этихъ взятокъ свивался кнутъ, которымъ хлестала его уѣздная мораль. Напротивъ, и исправникъ, и судья, и городничій, и эскадронный командиръ находили, что Розановъ «тонерь», что выражало нѣкоторую, такъ сказать, пренебрежительность доктора къ благамъ міра сего и непріятную для многихъ его разборчивость на *подъ*

взятки. Докторъ бралъ десятую часть того, что онъ могъ бы взять на своемъ мѣстѣ, и не шелъ въ стачки тамъ, гдѣ другимъ было нужно покрыть его медицинскою подписью свою юридически административную неправду. Мстили ему болѣе собственно за эту строптивую черту его характера, но поставивъ ее въ прямую вину доктору и ею бить его по чемъ ни попало—было невозможно. Одинъ чиновный чудакъ повелъ семью голодать на литературномъ запощеваньѣ и изобразилъ «Полицію виѣ полиціи»; надворный совѣтникъ Щедринъ началъ рассказывать такія вещи, что снова прошелъ слухъ, будто бы родился антихристъ и «дѣйствуетъ въ совѣтницкомъ чинѣ». По газетамъ и другимъ журналамъ законопилились обличители. Неловко было старымъ взяточникамъ и обираламъ въ такое время открыто говорить доктору, что ты подлець за то, что ты не съ нами, и мы тебѣ дадимъ почувствовать.

Нужно было стегать доктора другимъ кнутомъ, и кнутъ этотъ не замедлили свить нѣжныя, женскія ручки слабопервнхъ уѣздныхъ барынь и барышень, а товкие, гнуткіе ремешки для него выкроила не менѣе нѣжная ручка нимфообразной дочери купца Тихонина. Эта слабонервная дѣвица, возложившая въ первый же годъ, по пріѣздѣ доктора въ городъ, честный вѣнецъ на главу его, на третій день послѣ свадьбы пожаловалась на него своему отцу, на четвертый—замужней сестрѣ, а на пятый—женѣ уѣзднаго казначея, одѣлявшаго каждое первое число пенсіономъ всѣхъ чиновныхъ вдовушекъ города, и понамарю Ефиму, расквашивавшему каждое воскресенье желѣзный языкъ громогласнаго соборнаго колокола.

Дивное было твореніе Божіе эта Оля Тихонина.

Дивно оно для насъ тѣмъ болѣе, что всѣ ее видали въ послѣднее время въ Москвѣ, Сумахъ, Петербургѣ, Бѣлевѣ и Одессѣ, но никто, даже самъ Островскій, катаясь по темному царству, не запримѣтилъ Оли Тихонинной, и не сри-совалъ ее въ свой безцифный, мастерской альбомъ.

Во время благопотребное, тоже не здѣсь и не при здѣшней обстановкѣ, мы встрѣтимся съ этимъ простодушно-подлымъ типомъ нашей цивилизаціи, а теперь не станемъ на немъ останавливаться и пойдѣмъ далѣе.

Женни знала, что докторъ очень несчастенъ въ своей семейной жизни. Она знала, что его винять только въ двухъ

порокахъ: въ склонности къ разгулу и въ какомъ-то неделкатномъ обращеніи съ женою. Она знала также, что все это идетъ о немъ изъ его же спальни. Она знала, наконецъ, что докторъ страстно, нѣжно и безпредѣльно любитъ свою пятилѣтнюю дочь и, по первому мягкому слову, все прощаетъ своей женѣ, забывая всю дрянъ и нечисть, которую она подняла на него. Женни видѣла, что онъ уменъ, горячь сердцемъ, искрененъ до дерзости, и она его искренно жалѣла.

«Можетъ ли быть, — думала она, глядя на поле, засѣянное чечевицей, — чтобы добрая, разумная женщина не сдѣлала его на цѣлый вѣкъ такимъ, какимъ онъ сидитъ передо мною? Не можетъ быть этого. — А пьянство?.. Да другіе еще болѣе его пьютъ.. И развѣ женщина, если захочетъ, не замѣнитъ собою вина? Хмель — забвеніе: около женщины еще легче забываться.»

Иголка все щелкала и щелкала въ рукахъ Женни, когда она, размышляя о докторѣ, рѣшала, что ей болѣе всего жаль его; что такого человѣка воскресить и приподнять для болѣе трезвой жизни было бы отличною цѣлью для женщины.

И Женни дружилась съ докторомъ и искренно сожалѣла о его печальной судьбѣ, которой, по ея мнѣнію, помочь ужъ было невозможно.

«И зачѣмъ онъ женился?» — съ неудовольствіемъ и упрекомъ думала Женни, быстро дергая вверхъ и внизъ свою стальную иглку.

Вязмитинова она очень уважала и не видѣла въ немъ ни одной слабости, ни одного порока. Въ ея глазахъ это былъ человѣкъ, какимъ, по ея мнѣнію, слѣдовало быть человѣку.

Ее плѣняли и Гретхенъ, и пушкинская Татьяна, и мать Гракховъ, и та женщина, кормящая своею грудью отца, для которой она могла служить едва ли не лучшей натурщицей въ цѣломъ мірѣ.

Она не умѣла мыслить политически, хотя и сочувствовала Корде и брала въ идеалы мать Гракховъ.

Ей хотѣлось, чтобы всѣмъ было хорошо.

— «Пусть всѣмъ хорошо будетъ».

Вотъ былъ ея идеаль.

— Ну, а какъ достичь этого скромнаго желанія?

«Жить каждому въ своемъ домикъ»,—рѣшила Женни, не заходя далеко и не спрашивая, какъ бы это отучить родъ людской отъ черезчуръ корыстныхъ притязаній и дать другъ другу собственные домики.

А уѣздныя дамы все-таки лгали, называя ее дурочкой.

Она только не знала, что нельзя всѣмъ постронть собственные домики и безмятежно жить въ нихъ, пока двужильный старикъ Захватъ Ивановичъ сидитъ на большой коробѣ да похваливается, а свободная человѣчья душа ему молится: научи, молъ, меня, батюшка Захватъ Ивановичъ, какъ самому мнѣ Захватомъ стать!

Не говоря о докторѣ, Вязмитиновъ больше всѣхъ прочихъ отвѣчалъ симпатіямъ Женни. Въ немъ ей нравилась скромность, спокойствіе возрѣній на жизнь и сердечное сожалѣніе о людяхъ лишнихъ на пиру жизни и о людяхъ, ворующихъ пироги съ жизненнаго пира.

«Скромнень, разумень и трудолюбивъ...»—думала Женни.

— Не красавецъ, и не уродъ, — договаривало ей женское чувство.

А что она думала о Лизѣ? То-есть, что она стала думать въ послѣднее время?

— Лиза умница,—говорила себѣ Женни, смотря на колыхающийся початникъ.—Она героиня, она выйдетъ силой, а я... я...

Тутъ мѣшались Вязмитиновъ, отецъ, даже иногда докторъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего, Татьяна и мать Гракховъ, Корде и Пелагея съ вопросомъ о соусѣ, который особенно любилъ Петръ Лукичъ.

— Вязмитиновъ много знаетъ, трудится, онъ живой человѣкъ, кругозоръ его шире, чѣмъ кругозоръ моего отца, и вѣрнѣе осмотрѣитъ, чѣмъ кругозоръ Зарницына, — разсуждала Женни.

— А докторъ?

«Да, ему ужъ помочь нельзя», — думала она и шла къ Пелагеѣ заправлять соусъ, который особенно любилъ Петръ Лукичъ, всегда возвращающійся мученикомъ изъ своей смотрительской камеры.

— Лиза что! — размышляла Женни, заправивъ соусъ и снова сѣвъ подъ своимъ окошкомъ:—Лизѣ все бы это ни на что не годилось, и ничто ее не остановило бы. Она только

напрасно думала когда-то, что моя жизнь на что-нибудь ей пригодилась бы.

«Эта жизнь ничѣмъ се не удовлетворила бы и ни отъ чего ее не избавила бы», — подумала Женни, глядя, послѣ своей поѣздки къ Лизѣ, на просвирнину гусыню, тянущую изъ послѣдлаго початника послѣдняго растительнаго гренадера.

2.

Внутренній міръ Лизы совершенно не похожъ былъ на міръ Женни.

Не было міра въ этой душѣ. Рвалась она на волю, томилась предчувствіями, изнывала въ темныхъ шарадахъ своего и чужого разума.

Мертва казалась ей книга природы; на ея вопросы не давали ей отвѣта темные люди темнаго царства.

Она страдала и искала повсюду разгадки для живыхъ, поющихъ вопросовъ, неумолчно вызвавшихъ о скорѣйшемъ рѣшеніи.

Ей тоже хотѣлось правды. Но этой правды она искала не такъ, какъ искала ея Женни.

Она искала мира, когда мира не было въ ея костяхъ.

Семья не поняла ея чистыхъ порывовъ; люди ихъ перетолковывали; друзья старались ихъ усыпить; мать кошекъ чесала; отецъ младенчествовалъ. Все обрывалось, *некуда* было дѣться.

Женни не взяла ее къ себѣ по искренней, дѣтской просьбѣ. «Нельзя», говорила. — Мать Агнія тоже говорила «опомнись»; а опомниться нужно было тамъ же, въ томъ же вертепѣ, гдѣ кошекъ чешутъ и злятъ регулярными приемами черезъ чась по ложкѣ.

Нельзя въ такихъ мѣстахъ опомниться.

Живыхъ людей по мысли не находилось, и началось безпорядочное чтеніе.

Выборъ недовольныхъ¹ всегда падаетъ на книги протестующія, и чѣмъ сдержаннѣе, чѣмъ темнѣе выражается протестъ, тѣмъ онъ кажется серьезнѣе и даже справедливѣе.

Лиза, отъ природы пѣжная, пытливая и впечатлительная, не нашла дома ничего, такъ ровно ничего, кромѣ странной, почти дѣтской ласки отца, аристократическаго вниманія тетки и мягкаго бичеванія отъ всѣхъ прочихъ членовъ своей семьи.

Врожденныя симпатіи еще влекли ее въ семью Гловацкихъ, но куда же годились эти мечтанія?

Ей хотѣлось много понимать, учиться.

Ее повезли на балы.

Все это шло противъ ея желаній.

Она искала сочувствія и нашла это сочувствіе въ книгахъ, гдѣ личность отвергалась во имя общества, и во имя общества освобождалась личность.

И стали смѣшны ей прежнія плачевныя сцены, и сентиментально-глупа показалась собственная просьба къ Женни—увезти ее отсюда.

Застыдившись своего невиннаго прошлаго, она застыдилась и памятниковъ этого прошлаго.

Все близкіе къ ней по своему положенію люди стояли памятниками прошедшихъ привязанностей.

Они были ясны и въ нихъ нечего было доискиваться; а темные намеки манили невѣдомымъ счастьемъ, шириною свободной дѣятельности.

Привязанности были принесены въ жертву стремленіямъ.

Живые люди казались мразью. Духъ виталъ въ мірѣ пныхъ людей, въ мірѣ, износившемъ вѣще глаголы, въ средѣ людей чести, безкорыстія и свободы.

Все живыя связи съ прошедшимъ мельчали и рвались.

Безпечальное будущее народовъ рисовалось въ лучезарномъ свѣтѣ. Недомолвки расширяли эти лучи и простыя человѣческія чувства становились буржуазны, мелки, недостойны.

Лиза порѣшила, что окружающіе ее люди — «мразь», и опредѣлила, что настоящіе ея дни есть приготовительный терминъ ко вступленію въ жизнь съ настоящими представителями безкорыстнаго человѣчества, живущаго единственно для водворенія общей высокой правды.

Иногда ей бывало жалко Женни и вообще даже жалко всего этого простенькаго мірка; но что же былъ этотъ мірокъ передъ *миромъ*, который гдѣ-то послѣя передъ нею, міръ обаятельный, свободный и правдивый?

Лизѣ самой было смѣшно, что она еще такъ недавно могла выходить изъ себя за вздоры и биться изъ-за ничтожныхъ уступокъ въ своемъ семейномъ быту.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Что на русской землѣ бываетъ.

Въ понедѣльникъ на четвертой недѣлѣ Великаго поста, когда во всѣхъ церквахъ города зазвонили къ часамъ, Вязмитиновъ, по обыкновенію, зашелъ на минуточку къ Женни.

Женни сидѣла на своемъ всегдашнемъ мѣстѣ и работала.

— Знаете, какую новость я вамъ могу сообщить?—спросила она Вязмитинова, когда тотъ присѣлъ за ея столикомъ, и, не дождавшись его отвѣта, тотчасъ же добавила:—сегодня къ намъ Лиза будетъ.

— Вотъ какъ!

— Да и еще на цѣлую недѣлю.

— Что за благодать такая?

— Няня непременно хочетъ говѣть на этой недѣлѣ.

— И Лизавета Егоровна тоже?

— Да ужъ, вѣрно, и она будетъ вмѣстѣ говѣть; тамъ, вѣдь, у нихъ церковь далеко, да и холодная.

— И вы, пожалуй, тоже?

— Я хотѣла на Страстной говѣть, но ужъ тоже отговѣюсь ими.

— Значитъ, теперь къ вамъ и глазъ не показывай.

— Отчего же это?

— Да спастись будете.

— Это одно другому нимало не мѣшаетъ. Напротивъ, приходите почаще, чтобъ Лиза не скучала. Она сегодня прійдетъ къ вечеру, вы вечеромъ и приходите, и Зарницыну скажите, чтобы припшелъ.

— Хорошо-съ,—сказалъ Вязмитиновъ:—теперь пора въ классы,—добавилъ онъ, взглянувъ на часы.

— До свиданія.

— До свиданія, Евгенія Петровна.

— Вы не знаете, докторъ въ городѣ?

— Нѣтъ, кажется нѣтъ; а зайти развѣ за нимъ?

— Да, если это васъ не затруднитъ, зайдите, пожалуйста.

Въ три часа Женни увидала изъ своего окна бахаревскія сани, на которыхъ сидѣла Лиза и старуха Абрамовна.

Лиза смѣялась и, замѣтивъ въ окнѣ Женни, весело кивнула ей головой.

Гловацкая тотчасъ встала и вышла на крыльцо, въ ту же минуту, какъ передъ нимъ остановились сани.

— Ну же, ну, выльзай, няня, вытаскивай свой прахъ-то,—говорила, смѣясь, Женни.

Абрамовна медленно высвобождалась изъ саней и ничего не отвѣчала.

— Чего ты, Лиза, смѣешься?—спросила Женни.

— Да вотъ няня всю дорогу смѣшитъ.

Няня молча вынимала подушки. Она была очень недовольна, а молодой садовникъ, отряженный состоять Лизинимъ зимнимъ кучеромъ, поглядывая на барышню, лукаво улыбался.

— Чтò вы няню обижаете, право,—ласково замѣтила Гловацкая.

— Да чтò имъ, матушка, дѣлать-то, какъ не зубоскалить,—отвѣчала разсерженная старуха.

— Я вотъ хочу, Женни, вѣру перемѣнить, чтобы не говѣть никогда,—подмигнувъ глазомъ, сказала Лиза.—Правда, что и ты это одобришь? Борисъ вонъ тоже согласенъ со мною: хотимъ въ нѣмцы идти.

Абрамовна плюнула и полѣзла на крыльцо; Лиза и ея кучеръ засмѣялись, и даже Женни не могла удержаться отъ улыбки, глядя на смѣшной гнѣвъ старухи.

Прошло пять дней. Женни, Лиза и няня отговѣли. Въ эти дни ихъ навѣщали Вязмитиновъ и Зарницынъ. Доктора не было въ городѣ. Лиза была весела, спокойна, охотно разсуждала о самыхъ обыденныхъ вещахъ и даже нерѣдко шутила и смѣялась.

Женни опять казалось, что Лиза словно та же самая, что и была до отъѣзда на зиму въ городъ.

— Какъ вамъ кажется Лиза?—спрашивала она отца.

— Ничего. Я не знаю, чтò вы о ней сочинили себѣ: она такая же—какъ была. Посолиднѣла только, и больше ничего.

Вязмитиновъ на такой же вопросъ отвѣчалъ, что Лиза ужасно подвинулась впередъ въ познаніяхъ, но что все это у нея какъ-то мѣшается. Видно, что читается чтò попало,—заклчить онъ свое мнѣніе.

Ни съ кѣмъ другимъ Женни не говорила о Лизѣ.

Въ субботу говѣльщицы причащались за ранней обѣдней. Въ этотъ день онѣ рано встали къ заутренѣ; уморились

и, возвратясь домой, тотчасъ послѣ чаю заснули, потомъ пообѣдали и пошли къ вечернѣ.

Зарницынъ и Вязмитиновъ зашли въ церковь, чтобы поздравить причащеницъ и проводить ихъ, кстати, оттуда домой.

Погода была теплая и немножко сырая. Дулъ южный вѣтерокъ, съ крышъ канали капли, дорожки по улицамъ чернѣли и маслялись, но западъ неба окрашивался холоднымъ розовымъ свѣтомъ и маленькія облачка, съ розовыми окраинами, слѣша обгоняли другъ друга.

— Будетъ морозецъ,—говорили люди, выходи отъ вечерни.

— И съ вѣтромъ,—добавляли другіе.

Посреди улицы, по мягкой, но довольно скользкой отъ саннаго натора дорожкѣ шли Женни и Лиза. Возлѣ нихъ съ обѣихъ сторонъ шли Вязмитиновъ и Зарницынъ. Няня шла сзади. Несмотря на безцеремонность и короткость своего обхожденія съ барышнями, она никогда не позволяла себѣ идти съ ними рядомъ по улицѣ.

У поворота на набережную, компанія лицомъ къ лицу встрѣтилась съ докторомъ.

Онъ велъ за руку свою дочку.

— Докторъ! докторъ! здравствуйте! — заговорили почти всѣ разомъ.

— Здравствуйте, здравствуйте,—проговорилъ докторъ съ радостью, но какъ будто отчего-то растерявшись.

Около нихъ прошла довольно стройная молодая дама въ песцовомъ салопѣ. Она вскользь, но внимательно взглянула на Женни и на Лизу, съ болѣе чѣмъ вѣжливой улыбкой отвѣтила на поклонъ учителей и, прищуривъ глаза, пошла своею дорогою.

Это была докторова жена, которую онъ поджидалъ, тащась съ ноги на ногу съ своимъ ребенкомъ.

— Къ намъ, докторъ, сегодня,—приглашала Розанова Женни.— Мы, вотъ, всѣ идемъ къ намъ; приходите и вы.

— Хорошо, постараюсь.

— Нѣтъ, непременно приходите; мы будемъ васъ ждать.

— Ну, хорошо.

— Придете?

— Приду, приду непременно; вотъ только заведу домой дочку. Пойдемъ, Варюшка,—отнесся онъ къ ребенку, и они расстались.

— Такъ вотъ это его жена?—спросила Лиза.

— Эга,—отвѣчала Зарницынъ.

— Не нравится она мнѣ.

— Вы ее не разсмотрѣли: она еще недавно была очень недурна.

— Я не о томъ говорю, а что-то нехорошо у нея лицо: эти разлетающіяся брови... собранный ротикъ, дерзкіе глазки... что-то фальшивое, эстетическое есть въ этомъ лицѣ. Нѣтъ, не нравится,—а тебѣ, Женни?

— Что-жъ, я одну минуту ее видѣла, пока мы дали ей дорогу, но мнѣ ее лицо тоже не понравилось.

Въ передней ихъ встрѣтили Петръ Лукичъ и дьяконъ съ женою.

— Какъ это мы васъ обогнали?—спрашивалъ дьяконъ, снимая съ Женни салонъ, между тѣмъ какъ его жена цѣловала дѣвицъ своими пунцовыми губками.

— Мы тихо шли и по большой улицѣ,—отвѣчала Женни.

Въ комнатѣ были пріятныя сумерки.

Дѣвицы и дьяконица вышли въ Женнину комнату; дьяконъ открылъ фортепіано, нащупалъ октаву и, взявъ два аккорда, протяжно запѣлъ довольно пріятнымъ басомъ:

Ахъ, о чемъ ты проливаешь
Слезы горькія тайкомъ,
И украдкой утираешь
Ихъ кисейнымъ рукавомъ?

Подали свѣчи и самоваръ. Всѣ усѣлись за столомъ въ залѣ.

Доктора долго ждали, но онъ не приходилъ.

Отпивши чай, всѣ перешли въ гостиную: дѣвушки и дьяконица сѣли на диванъ, а мужчины на стульяхъ, около стола, на которомъ горѣла довольно хорошая, но очень старинная лампа.

— Пѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Василій Ивановичъ, будто вашего новаго секретаря фамилія Дюмафисъ?—спрашивалъ Зарницынъ.

— Увѣряю васъ, что Дюмафисъ,—серьезно отвѣчалъ дьяконъ.

— Чтò это такое? Этого не можетъ быть.

— А почему бы это, по-вашему, не можетъ быть?

— Да какъ же, помилуйте: какой изъ духовнаго званія можетъ быть Дюмафисъ?

— Стало-быть можетъ, когда есть уже.

Вошелъ докторъ и Помада.

— A! excellentissime, illustrissime atque sapientissime doctor!—привѣтствовалъ Александровскій Розанова.

Докторъ со всѣми поздоровался радушно, но довольно сухо.

Женни съ Лизою посмотрѣли на его лицо, плохо скрывающее душевное разстройство, и въ одно и то же время подумали о его женѣ.

— О чемъ вы это спорили?—спросилъ докторъ.

— Да, вотъ и кстати! Докторъ, можетъ ли быть у секретаря консисторіи фамилія Дюмафись?—спросилъ Зарницынъ.

— Это въ православной консисторіи или въ католической?

— Въ православной.

— Отчего же? Въ православной очень можетъ.

— А, что!—подразнилъ дьяконъ.

— Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго.

— Разумѣется. Я вѣдь вотъ вамъ сейчасъ могу рассказать, какъ у насъ происходятъ фамиліи, такъ вы и поймете, что это можетъ быть. У насъ это на шесть категорій подраздѣляется. Первое, теперь фамиліи по праздникамъ: Рождественскій, Благовѣщенскій, Богоявленскій; второе, по высокимъ свойствамъ духа: Любомудровъ, Остромысленскій; третье, по древнимъ мужамъ: Демосееновъ, Мильгядскій, Платоновъ; четвертое, по латинскимъ качествамъ: Сашентовъ, Аморовъ; пятое, по помѣщикамъ: помѣщикъ села, положимъ, Говоровъ, дьячокъ сына назоветъ Говоровскій; помѣщикъ будетъ Красинъ, ну, дьячокъ сынъ Красинскій. Вотъ наша помѣщица была Александрова, я, въ честь ея, Александровскій. А то, шестое, ужъ по владычней милости: Мольеровъ, Рассиновъ, Мильтоновъ, Боссюэтовъ. Такъ и Дюмафись. Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго. Просто по владычней милости фамилія, въ честь французскому писателю, да и все тутъ.

Доктору и Помадѣ подали чай.

— Что вы, будто какъ невеселы, нашъ милый докторъ?—съ участіемъ спросилъ, проходя къ столу, Петръ Лукичъ.

Розановъ провелъ рукой по лбу и, вздохнувъ, сказалъ:

— Ничего, Петръ Лукичъ, усталъ очень, не такъ-то здорвится.

— Медуку стыдно жаловаться на нездоровье,—замѣтила дьяконица.

Докторъ взглянулъ на нее и ничего не отвѣтилъ.

Женни съ Лизою опять переглянулись и опять почему-то обѣ подумали о докторшѣ.

— Вы гдѣ это побывали цѣлую недѣлку-то?

— Сегодня утромъ вернулся изъ Коробина.

— Что тамъ, Катерина Ивановна нездорова?

— Что ей дѣлается! Нѣтъ, тамъ ужасное происшествіе.

— Что такое?

— Да жена мужа убила.

— Крестьянка?

— Да, молоденькая бабочка, всего другой годъ замужемъ.

— Какъ же это она его?

— Да не одного его, а двоихъ.

— Двоихъ?

— Ахъ, ты Боже мой!

— Сссс!—раздалось съ разныхъ сторонъ.

— Ну-съ, расскажите, докторъ.

— Да бабочка была такая, молоденькая и хорошенькая, другой годъ, какъ говорю вамъ, всего замужемъ еще. Сталъ мужъ къ ней съ полгода неласковъ, биваль ея. Сосѣдки стали запримѣчать, что онъ тамъ за одной солдаткой молодой ухаживаетъ, ну, и рассказали ей. Она все плакала, грустила, а онъ ее, какъ водится, все еще усердиѣе, да усердиѣе за эти слезы поколачивать сталъ. Была ярмарка; люди видѣли, какъ онъ платокъ купилъ. Баба ждетъ, что вотъ, молъ, мужъ сжалился надо мною, платокъ купилъ, а платокъ въ воскресенье у солдатки на головѣ очутился. Она опять плакать; онъ ее опять колотить. На прошлой недѣлѣ пошелъ онъ въ половень копылья тесать, а топоръ позабылъ дома. Жена видитъ топоръ, да и думаетъ: что же онъ такъ пошелъ, должно-быть, забылъ; взяла топоръ, да и несетъ мужу. Приходить въ половень — мужа нѣтъ; туда, сюда глянула—нѣтъ нигдѣ. А тутъ въ половнѣ такъ есть плетневая загородочка для ухаботья. Тамъ всего въ поясъ вышины, или даже ниже. Она подошла къ этой перегородкѣ, да только глянула черезъ нее, а мужъ-то тамъ съ солдаткой пританцвись и лежитъ. Какъ она ихъ увидала, ни одной секунды не думала. Топоръ разъ-разъ, и пошла валять.

— Ахъ!

— Га!

— Фуй!

— Боже ты мой!—раздались восклицанія.

— Обоихъ и убилъ?

— Только мозгъ съ ухаботьемъ перемѣшанный остался.

— Ужасное дѣло.

— Вотъ драма-то,—замѣтилъ Вязмитиновъ.

— Да. Но, вотъ видите, — вотъ старыи нашъ споръ и на сцену, — вещь ужасная, борьба страстей, любовь, ревность, убійство, все есть, а драмы нѣтъ. — съ многозначительной миной проговорилъ Зарницынъ.

— А отчего же драмы нѣтъ?

— Да какая жъ драма? Что жъ, вы на сценѣ изобразите какъ онъ жену билъ, какъ та выла, гляючи на красный платокъ солдатки, а потомъ головы имъ разнесла? Какъ же это ставить на сцену! Да и борьбы-то нравственной здѣсь не представите, потому что все грубо, коротко. Все не борется, а... рѣшается. Въ такомъ быту народа у него нѣтъ своей драмы, да и быть не можетъ: у него есть уголовныя дѣла, но ужъ никакъ не драмы.

— Ну, это еще старуха на-двое гадала,—замѣтилъ сквозь зубы докторъ.

— По-вашему, что жъ, есть драма?

— Да, по-моему есть ихъ собственная драма. Повѣрьте, бабы коробынскія отлично входятъ въ борьбу убійцы, а мы въ нее не можемъ войти.

— Да, но искусство не того требуетъ: у искусства есть свои условія.

— А имъ очень нужно ваше искусство и его условія. Вы говорите, что пришлось бы допустить побой на сценѣ, что жъ, если таково дѣло, такъ и допускайте. Только если увидать, что актеръ не больно бьетъ, такъ расхохочутся. А о борьбѣ-то не безпокойтесь; борьба есть, только разсказать мы про ту борьбу не сумѣемъ.

— А они сумѣютъ?

— Себѣ они это разъясняютъ толково, а намъ груба ихъ борьба,—вотъ и все.

— Да вѣдь преступленіе послѣдній шагъ, пятый актъ. Явленіе-то вѣдь стоитъ не на своихъ ногахъ, имѣетъ основаніе не въ самомъ себѣ, а въ другомъ. Происхожденіе явленій совершается при безирерывномъ и безконечномъ посредствѣ самобытнаго элемента,—проговорилъ Вязмитиновъ.

Докторъ посмотрѣлъ на него и опять ничего не сказалъ.

— А по-моему, снова повторяю, въ народной жизни нѣтъ драмы,—наставалъ Зарницынъ.

— Да, удобной для воспроизведенія на сценѣ, пожалуй; по вѣдь вонъ Островскій и Писемскій нашли же драму.

— Все уголовныя дѣла.

— Напримѣръ, въ *Грозы*-то?

— Вездѣ.

— А по-вашему, что же, такъ у насъ нѣтъ ужъ и само-бытныхъ драматическихъ элементовъ?

— Конечно; цивилизація равняетъ страсти, нивелируетъ стремленія.

— Нивелируетъ стремленія?

— Разумѣется.

— О, да! Всемѣрно такъ: всѣ ступуемся, сгладимся и будемъ одного поля ягода. Не знаю, Николай Степановичъ, что на это отвѣтитъ Гегель, а по-моему нелѣно это, не меньше теоріи крайняго національнаго обособленія.

— Однакоже, вы не станете отвергать общечеловѣческаго драматизма въ сочиненіяхъ Шекспира?

— Нѣтъ-съ, не стану. Зачѣмъ же мнѣ его отвергать?

— У всѣхъ людей натуры больше или меньше одинаковы. Воспитывайте ихъ одинаково и будетъ солидарность въ стремленіяхъ.

— Вотъ вамъ и шишка на носу тунисскаго бея!

— Да, это ужъ парадоксъ,—подтвердилъ Взмитиновъ.

— Что жъ, стало-быть, такъ и у каждаго народа своя философія?

— Ну, еще что выдумаете! Что тутъ о философіи. Говоря о философіи-то, я ужъ тоже позаиму у Николая Степановича гегелевской ереси да гегелевскими словами отвѣчу вамъ, что философія невозможна тамъ, гдѣ жизнь поглощена вседневыми нуждами. Зри рѣчь ученаго мужа Гегеля, произнесенную въ Берлинѣ, если не ошибаюсь, осенью 1828 года. Такъ, Николай Степановичъ?

Взмитиновъ качнулъ утвердительно головою.

— Это по философіи,—продолжалъ докторъ:—а я вотъ вамъ еще докажу это своей методой. Можетъ-быть, *c'est quelque chose de moujique*, ну, да и я вѣдь не имѣю времени заниматься гуманитарными науками, а такъ сырыми мозгами размышляю. Вы вотъ говорите, что у необразованныхъ

людей драматической борьбы нѣтъ. А я вамъ доложу, что она есть, и есть она у каждаго такого народа своя, съ своимъ складомъ, хоть ее на театрѣ представлять, эту борьбу, и неловко. Возьмите, напримѣръ, орловскую мѣщаночку Матрешу, или Гашу, въ томъ положеніи, когда на нихъ сестру шляпу надѣваютъ, и возьмите Мину, Иду, или Бертю изъ Митавы въ соответственномъ же положеніи. Миночка сейчасъ свою комнатку уберетъ, распятіе повѣситъ и Гете въ золотообрѣзномъ переплетѣ на полку поставитъ, да станетъ опускать деньги въ бронзовую копилочку. И воровствомъ, или другими мастерствами она пренебрегаетъ, а ея положеніе ей не претитъ. А наша пить станетъ, сторублевыми платьями со стола пролитое пиво стираетъ, материнскій образокъ къ стѣнѣ лицомъ завернетъ или совсѣмъ вынесетъ и умретъ голодная и холодная, потому что душа ея ни на одну минуту не успокаивается, ни на одну минуту не смиряется, и драматическая борьба-то идетъ къ ней цѣлый вѣкъ. Это черта или нѣтъ?

— Давно указанная и вовсе ненужная.

Зарницынъ былъ шокированъ темами докторскаго разсказа и всѣмъ было неловко выслушивать это при дѣвицахъ. Одинъ докторъ, увлеченный пылкостью своей желчной натуры, не обращалъ на это никакого вниманія.

— Вы все драматическихъ этюдовъ отыскиваете, — продолжалъ онъ. — Влѣзьте вонъ въ сердце наемщику-рекруту, да и посмотрите, что тамъ порою дѣлается. Въ простой, несложной жизни, разумѣется, борьба проста, и видны только одни конечныя проявленія, входящія въ область уголовного дѣла, но это совсѣмъ не значитъ, что въ жизни вовсе нѣтъ драмы.

— Я готовъ перестать спорить, — отвѣчалъ Зарницынъ: — я утверждаю только, что у образованныхъ людей всѣхъ націй драматическое въ жизни общее, и это вѣрно.

— И это невѣрно и сто тысячъ разъ невѣрно. «Гроза» не случится у француженки; ну, да это изъ того слоя, которому вы еще, по его невѣжеству, позволяете имѣть нѣкоторыя національныя особенности характера, а я вотъ вамъ возьму драму изъ того слоя, который сравненъ цивилизаціею-то съ Парижемъ и, пожалуй, съ Лондономъ. Я пять лѣтъ знаю эту драму, и теперь, когда послѣдняго ея актера, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, гложутъ черви, я ее раз-

скажу. Если бы я былъ писатель, я показалъ бы не вамъ однимъ, какъ происходитъ у насъ дикія, вѣроятно, у насъ однихъ только и возможные, драмы, да еще въ кружкѣ, который и по русски-то не больно хорошо знаетъ. А я вамъ уступлю это задаромъ: въ десяти словахъ расскажу. Была барыня молодая, умная, красавица, богатая; жила эта барыня не такъ далеко отсюда. Была у нея мать старушка, аристократка коренная, женщина отличнѣйшая, несмотря на свой аристократизмъ. Былъ у молодой барыни мужъ, ужъ такой былъ человѣкъ, что и сказать не могу,— просто прелесть, что за баринъ. Поженилась эта парочка по любви и жили они душа въ душу. Барыня была женщина преданная, самоотверженная, но кипучая, огневая была натура. Пріѣхала къ ней по сосѣдству кузина изъ этихъ московскихъ, съ строгими правилами: что все о морали разговариваютъ. Мужъ у нея мышей не топталъ; восемьдесятъ лѣтъ, что ли, ему было, изъ ума уже выжилъ совсѣмъ. Ну, она и приласкала кузининаго муженька, а тотъ, какъ водится, растаялъ. Попили у нихъ шуры да муры. Жена плакать, онъ клясться, что все клевета да неправда, ничего, говоритъ, нѣтъ. Жена говоритъ: сознайся и перестань, я тебѣ все прощу,—не признается. Ну, смотри, говоритъ барыня, если мнѣ ты лжешь и я убѣжусь, что ты меня обманываешь, я себя не пощажу, но я тебя накажу такъ, что у тебя въ жизни минуты покойной не будетъ.— А прощу васъ ни на минуту не забывать, что она его любить до безумія; готова на крестъ за него взойти.— Жилъ у нихъ отставной пѣхотный капитанъ, такъ, въ родѣ придворнаго шута его мужъ содержалъ. Дуракъ, солдафонъ, гадкій, ну, однимъ словомъ, мерзость. Онъ ухаживалъ за барыней: цвѣты полевые ей приносилъ, записки любовныя писалъ. Все это всѣ знали и дурачились, потѣшались надъ нимъ. Назначила кузина барину rendez-vous ночью. Жена это узнала и ни слова никому. Мужъ легъ въ кабинетъ, да какъ все въ домѣ заснуло, онъ тягу. Жена услышала, какъ скрипнула дверь и входитъ со свѣчею въ кабинетъ. Никого. Пустая кровать. Она съела и зарыдала. Рыдала, рыдала до истерики. Никто не входитъ. Вдругъ капитанъ этотъ проснулся и является. Брызгаетъ ее, утѣшаетъ. Она смотритъ на эту гадину и вдругъ перестала плакать. Да что было-то? Мужъ воромъ лѣзетъ

въ дверь, да шишкомъ укладывается въ кровать, а жена въ одномъ бѣльѣ со свѣчей изъ капитановой комнаты выходитъ. «Теперь, говорить, мы квиты. Я вамъ говорила, что я себя не пощажу, вотъ вамъ и исполненіе», да и упала тутъ же замертво.

— Это французская мелодрама,—замѣтилъ Зарницынъ.

— Да какъ не мелодрама. Французская мелодрама на берегахъ Саванки. По-вашему, вѣдь, вонъ въ духовномъ вѣдомствѣ человѣкъ съ фамиліею Дюмафисъ невозможенъ, что же съ вами дѣлать. Я не виноватъ, что происшествіе, которое какой-нибудь Сарду изъ своего мозга не выколу-палъ бы, на моихъ глазахъ разыгралось. Да-съ, *на моихъ глазахъ*. Вотъ эти руки кровь пускали изъ несчастныхъ рукъ, налегшихъ на собственную жизнь *изъ-за любви*, мнѣ сдается. Я сумасшедшую три года навѣщалъ, когда она въ темной комнатѣ безвыходно сидѣла; я ополоумѣвшую мать училъ выговорить хоть одно слово, кромѣ «дочь моя! да дочь моя!» Я всю эту драму просмотрѣлъ, — такъ ужъ это вышло тогда. Я видѣлъ этого несчастнаго въ послѣднюю минуту въ своемъ домѣ. Какъ онъ молилъ жену хоть солгать ему, что ничего не было. Вы знаете, что она сказала: *было все*, и захохотала тѣмъ хохотомъ, послѣ котораго людей въ матрацы сажаютъ, чтобъ головы себѣ не расшибли. Вотъ вамъ и мелодрама!

Всѣ смотрѣли въ полъ или на свои ногти. Женни была красна до ушей: въ ней говорила дѣвчья стыдливость, и только няня, молча, глядѣла на доктора, стоя у притолки. Она очень любила и самого его, и его рассказы. Да Лиза, положивъ на ладонь подбородокъ, прямо и твердо смотрѣла въ глаза рассказчику.

— Это ужасно! — проговорилъ, наконецъ, Гловацкій. — Ужасный рассказъ вашъ, докторъ! Чтобы переменить впечатлѣніе, не запитъ ли его водочкой? Женничка, распорядись, мой другъ!

— Пейте, а я ко двору.

— Что жъ это, докторъ!

— Да нѣтъ ужъ не удерживайте, пожалуйста; я этого не выношу въ нѣкоторыя минуты.

— Ну, Богъ съ вами.

— Да. Прощайте.

— Послѣзавтра Лиза уѣзжаетъ; я надѣюсь, вы завтра придете къ намъ, — сказала, прощаясь съ докторомъ, Женни.

— Приду, — отвѣчалъ докторъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Кадриль въ двѣ пары.

Лиза крѣпко пожала докторову руку, встрѣтивъ его на другой день при входѣ въ залу Гловацкихъ. Это было воскресенье и двенадесятый праздникъ съ разрѣшеніемъ рыбы, едя, вина и прочихъ житейскихъ льготъ.

— Докторъ! — сказала Лиза, ставъ послѣ чаю у одного окна:—какіе выводы дѣлаете вы изъ вашей вчерашней исторіи и вообще изъ всего того, что вы встрѣчаете въ вашей жизни, кажется, очень богатой самыми разнообразными столкновеніями? Я все думала объ этомъ и желаю, чтобы вы мнѣ отвѣтили, потому что меня это очень занимаетъ.

— Да какіе жъ выводы, Лизавета Егоровна? Если бъ я изобрѣлъ мазь для рашенія волосъ,—употребляю слово мазь для того, чтобы не изобрѣсть помаду при Помадѣ, — то я былъ бы богаче Ротшильда; а если бы я зналъ, какъ людямъ выйти изъ ужасныхъ положеній безкровной драмы, мое имя поставили бы на челѣ человѣчества.

— Да, но у васъ есть же какая-нибудь теорія жизни?

— Нѣтъ, Лизавета Егоровна, и не хочу я имѣть ее. Теоріи-то эти, по моему мнѣнію, погубили и губятъ людей.

— Какъ же, вѣдь есть же теоріи правильныя, вѣрныя?

— Не знаю такихъ и смѣю дерзостно думать, что до сихъ поръ нѣтъ ихъ.

Лиза задумалась.

— Нынѣшняя теорія не гарантируетъ счастья.

— Не гарантируетъ, Лизавета Егоровна.

— А есть другія?

— И тѣ не гарантируютъ.

— Значитъ, теоріи невѣрны?

— Выходитъ такъ.

— А, можетъ-быть, только люди слишкомъ неспособны жить умѣе?

— Вотъ это всего вѣрнѣе. Кто умѣетъ жить, тотъ уживется во всякой рамкѣ, а если бъ побольше было умѣлыхъ, такъ и неумѣлые поняли бы, что имъ дѣлать.

— Это такъ.

— Такъ мнѣ кажется. Мы вѣдь всѣ неумѣлые.

Лиза пристально на него посмотрѣла.

— Ну, а ваша теорія?—спросила она.

— Я вамъ сказала: моя теорія — жить независимо отъ теорій, только не ходить по ногамъ людямъ.

— А это не разладъ съ жизнью?

— Напротивъ, никогда такъ не легко ладить съ жизнью, какъ слушааясь ея и присматриваясь къ ней. Хотите непремѣнно имѣть знамя, ну, напишите на немъ «испытуй и виждь», да и живите.

— Что жъ, по-вашему выйдетъ, что всѣ заблуждаются?

— Бедламъ, Лизавета Егоровна. Давно сказано, что свѣтъ Бедламъ.

— Такъ и мы вѣдь въ этомъ Бедламѣ, — смѣясь замѣтила Лиза.

— И мы тоже.

— Значить, чѣмъ же вѣрнѣе ваша теорія?

— Вы слышали, Лизавета Егоровна, про разбойника Прокрусту?

— Нѣтъ, не слыхала.

— Ну, такъ я вамъ расскажу. У Прокрусты была кровать. Кого бы онъ ни поймалъ, онъ клалъ на эту кровать. Если человекъ выходилъ какъ разъ въ мѣру этой кровати, то его спускали съ нея и отпускали; если же коротокъ, то вытягивали какъ разъ въ ея мѣру, а длиненъ, такъ обрубали, тоже какъ разъ въ ея мѣру. Разумѣется, и выходило, что всякаго либо повиытянуть, либо обрубятъ. Вотъ и эти теоріи-то то же самое Прокрустово ложе. Онѣ надождятъ всѣмъ; повѣрьте, придетъ время, когда онѣ всѣмъ надождятъ и какъ бы теоретики ни украшали свои кровати, люди отъ нихъ бѣгать станутъ. Это ужъ теперь видно. Мужчины еще и туда, и сюда. У нихъ дѣла выдуманнаго очень много. А женщины, которымъ главные, простые-то интересы въ жизни ближе, посмотрите, въ какой онѣ омутъ ихъ загоняетъ. Либо ужъ тѣ соскочутъ, да сами такую еще георію отхватываютъ, что только ахнемъ.

— Ну... постоите же еще. Я хотѣла бы знать, какъ вы смотрите на поступокъ этой женщины, о которой вы вчера рассказывали?

— Это какое-то дикое, противоестественное изступленіе, которое, однако, у нашихъ женщинъ прорывается. Богъ ихъ знаетъ, какъ у нихъ тамъ выходитъ, а выходитъ. Ухаживаетъ парень за дѣвкой, а она на него не смотритъ, другого любитъ. Вдругъ тотъ ее обманулъ, она плачетъ-

плачетъ, да разомъ въ поги другому. «Отколошмать, просить, ты его, моего лиходѣя; вымажь ей, разлушницѣ, дегтемъ ворота—и тебя, ей-Богу, любить стану». И вѣдь станетъ любить. На зло ли это дѣлается, или какъ иначе, а уже черта своеобразная, какъ хотите. — Я на вчерашнюю исторію такъ и смотрю, Лизавета Егоровна, какъ на несчастье. Потому-то я предпочитаю мою теорію, что въ ней нѣтъ ни шарлатанства, ни самоувѣренности. Мнѣ одно понятно, что всѣ эти теоріи или вытягиваютъ чувства, или обрубаютъ разумъ, а я вѣрю, что человѣчество не будетъ счастливо, пока не открыто будетъ средство жить по чистому разуму, не подавляя присущаго нашей натурѣ чувства. Вотъ почему, что бы со мною ни случилось въ жизни, я никогда не стану укладывать ся на Прокрустово ложе и надѣюсь, что зато мнѣ не отчего станетъ ни бѣжать, ни пятиться.

— Докторъ! мы всѣ на васъ въ претензіи, — сказала, подходя къ нимъ, Женни: — вы философствуете здѣсь съ Лизой, а мы хотѣли бы обоихъ васъ видѣть тамъ.

— Повинуюсь, — отвѣчалъ докторъ и пошелъ въ гостиную. Черезъ нѣсколько минутъ туда вошла и Лиза.

Дьяконъ всталъ, обнялъ жену и сказалъ:

— Ну-ка, мать дьяконица, побренчи мнѣ для праздника на фортоплясъ.

Духовная чета вышла, и черезъ минуту въ залѣ раздался довольно смѣлый аккомпанементъ, подъ который дьяконъ запѣлъ:

Прихожу къ тому ручью,
Съ милой гдѣ гулялъ я.
Онъ бѣжитъ, я слезы лью,
Счастье убѣжало.
Томно ручеекъ журчить,
Дѣлитъ грусть со мною,
И какъ будто говорить:
Нѣтъ ея съ тобою.

— «Нѣтъ ея съ тобою», — дребезжащимъ голосомъ подтянулъ Петръ Лукичъ, подходя къ старому фортепяно, надъ которымъ висѣлъ портретъ, подтверждавшій, что игуменья была совершенно права, находя Женни живымъ подобіемъ своей матери.

Дьяконица перемѣнила музыку и взяла другой, веселый аккордъ, подъ который дьяконъ тотчасъ запѣлъ:

Въ залѣ жарко, въ залѣ тѣсно,
Невозможно тамъ дышать:
А въ саду теперь прелестно
Пить, гулять и танцовать.

— Да, теперь тамъ очень прелестно пить, гулять и особенно танцовать по колѣно въ снѣгу,—острилъ Зарницынъ, выходя въ залу.

За нимъ вышли Женни и Вязмитиновъ.

Дьяконица заиграла вальсъ.

Зарницынъ подавъ руку Евгеніи Петровнѣ, всѣ посторонились, и пара замелькала по залѣ.

— Позвольте просить васъ,—отнесся Зарницынъ, входя въ гостиную, гдѣ оставалась въ раздумьи Бахарева.

Лиза тихо поднялась съ мѣста и молча подала свою руку Зарницыну.

По залѣ замелькала вторая пара.

— Папа! кадрили съ вами.—сказала Женни.

— Что ты, матушка, Богъ съ тобой. У меня ужъ ноги не ходятъ, а она въ кадрили меня тянетъ. Вонъ, бери молодыхъ.

— Докторъ, съ вами?

— Помилуйте, Евгенія Петровна, я сто лѣтъ ужъ не танцовалъ.

— Пожалуйста!

— Сдѣлайте милость, увольте.

— Фуй! дѣвушка васъ проситъ, а вы отказываетесь.

— Юстинъ Феликсовичъ, вы?

— Извольте,—отвѣчалъ Помада.

— Лиза, а ты бери Николая Степановича.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ, я, какъ докторъ, забылъ ужъ какъ и танцуютъ.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше. Смѣшнѣе будетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, нуте-ка ихъ пару неумѣлыхъ, доктора съ Николаемъ Степановичемъ, въ кадрили. Такъ и будетъ кадрили неспособныхъ,—шутилъ Петръ Лукичъ.

— Бери, Лиза. Играйте, душка, Александра Васильевна! Женни расшалилась.

Дьяконица сыграла ригурнель.

— Ангажируйте же, господи!—крикнулъ Зарницынъ.

— Нѣтъ, позвольте, позвольте! Это вотъ какъ нужно сдѣлать,—заговорилъ дьяконъ:—вотъ мой платокъ, завяжи-

ваю на одномъ уголкѣ узелочекъ; теперь, господа, извольте тянуть, кто кому достанется. Узелочекъ будетъ хотъ Лизавета Егоровна. Ну-съ, смѣйте тяните, докторъ: кто кому достанется?

Дѣвушки стояли рядомъ.

Отступленіе было невозможно, всѣмъ хотѣлось веселиться.

Докторъ взялъ за уголокъ платка и потянулъ. На уголкѣ быть узелочекъ.

— Господа!—весело крикнуть дьяконъ:—по мудрому рѣшенію самой судьбы, доктору Розанову достается Лизавета Егоровна Бахарева, а Николаю Степановичу Вязмитинову—Евгенія Петровна Гловацкая.

Обѣ пары стали на мѣста. У дверей показались Абрамовна, Паланя и Яковлевичъ.

«Чортъ знаетъ, что это такое!»—размышлялъ оставшійся за штатомъ Помада, укладывая въ карманъ чистый платокъ, которымъ намѣревался обернуть руку.

Случайности не забывали кандидата.

— Шэнъ! шэнъ! вырабатывайте шэнъ. Николай Степановичъ, — кричалъ Вязмитинову докторъ, отплясывая съ Лизой.

Кадриль часто путалась и, наконецъ, по милости шэновъ, тандоры совсѣмъ спутались и стали.

Всѣ смѣялись; всѣмъ было весело.

Женни вспомнила о дьяконицѣ и сказала:

— Господа, составляйте другую кадриль, я буду играть.

— Нѣтъ, пусти, я, а ты танцуй,—возразила Лиза и сѣла за фортепяно.

Заряницынъ танцевалъ съ Женни, Помада, обернувъ платкомъ вѣчно потѣвшія у него руки, съ дьяконицей.

Окончивъ кадриль. Лиза заиграла вальсъ.

Заряницынъ понесся съ дьяконицей, а Помада съ Женни.

Докторъ подошелъ къ Абрамовнѣ, нагнулся къ ея уху, какъ бы желая шепнуть ей что-то по секрету и, неожиданно схвативъ старуху за талію, началъ вертѣть ее по залѣ, напѣвая: о мейнъ либеръ Августень, Августень, Августень!

Лиза едва могла играть. Обернувшись лицомъ къ оригинальной парѣ, она помрала со смѣха, такъ же какъ и вся остальная компанія.

Дьяконъ, выѣвая ладонями тактъ, совсѣмъ спустился на полъ и какъ-то пицалъ отъ хохота.

У Лизы отъ смѣха глаза были полны слезъ, и она кричала:

— Прахъ, прахъ танцуетъ, вотъ онъ настоящій-то прахъ!

Къ довершенію сцены, докторъ, таская упирающуюся старуху, споткнулся на Помаду, сбиль его съ ногъ и всѣ втроемъ полетѣли на полъ.

Музыка прекратилась. Лиза легла на клавиши и въ цѣломъ домѣ нѣсколько мнуть раздавалось:

— Охъ! ха, ха, ха! охъ, ха, ха, ха!

Няня была слишкомъ умна, чтобы сердиться, но и не хотѣла не заявить, хоть шутя, своего неудовольствія доктору. Поднимаясь, она сказала:

— Вотъ тебѣ, вертопрахъ ты этакой!

П дала весьма изрядную затрещину подвернувшемуся Юстину Помадѣ.

— О чортъ возьми, однако, что же это такое въ самомъ дѣлѣ? — вскрикнулъ Помада, выходя изъ роли комическаго лица въ балетѣ.

Общій хохотъ возобновился.

— Прости, батюшка, я, вѣдь, совсѣмъ не тебя хотѣла, — говорила старуха, обнимая и цѣлуя ни въ чемъ неповиннаго Помаду.

За полночь уже, съ шапкою въ рукѣ, дьяконъ, проходя мимо фортепяно, не вытерпѣлъ, еще присѣлъ и запѣлъ, самъ себѣ аккомпанируя:

Служу на бекетѣ,
Вижу все на свѣтѣ.
О, Зевесъ! помилуй меня и ее!

— «О, Зевесъ! помилуй меня и ее!» — подхватили всѣ хоромъ.

Дьяконъ допѣлъ всю эту пѣсенку съ хоральнымъ припѣвомъ и, при послѣднемъ куплетѣ, измѣнивъ этотъ припѣвъ въ слова: «О, Зевесъ! помилуй Сашеньку мою!» поцѣловаль у жены руку и рѣшительно закрылъ фортепяно.

— Полно, набѣсились, — сказалъ онъ.

Всѣ стали прощаться.

— Прощайте, — сказалъ докторъ, протягивая руку Бахаревой.

Лиза отвѣтила:

— До свиданія, докторъ, — и пожала его руку такъ, какъ

женщины умѣютъ это дѣлать, когда хотять рукою сказать: будемъ друзьями.

Никто никогда не видалъ Лизы такою оживленною и дѣтски-веселою, какъ она была въ этотъ вечеръ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Глава безъ названія.

Постъ кончался, была Страстная недѣля. Погода стояла прекрасная: дни свѣтлые, тихіе и теплые. Снѣгъ весь подернулся чернымъ тюлемъ и мѣстами показались большія прогалины, особенно по взлобочкамъ. Проходныя дорожки, съ которыхъ зимою изрѣдка сгребали лишній снѣгъ, совсѣмъ почернѣли и лежали черными лентами. Но зато шагъ со двора и окунешься въ воду, которою взялся снѣгъ. Ѣздить можно было только по шоссе. Мужички копались на дворахъ, ладя бороны да сохи, ребятишки пропускали ручейки, которыми стекали въ рѣчку всѣ плодотворные соки изъ наваленныхъ посреди двора навозныхъ кучъ. Запахъ навоза стоялъ надъ деревьями. Среди дня, казалось, что дворы томятся — такъ густы были поднимавшіяся съ нихъ испаренія. Но это никому не вредило, ни людямъ, ни животнымъ, а пѣтухи, стоя на самомъ верху кучъ теплаго, дымящагося навоза, воображали себя какими-то жрецами. Они важно топорщили свои перья, потряхивали красными гребнями и, важно закинувъ головы, возглашали: «да здравствуетъ весна, да здравствуютъ куры!»

— Изъ этого кочета прокъ будетъ; ты его, этого кочета, береги, опираясь на вилы, говорилъ женѣ мужикъ, показывая на гуляющаго по парному навозу пѣтуха. — Это настоящая птица, ласковая къ курамъ, а того ряблякаго-то безпремѣнно надуть его зарѣзать къ празднику: какъ есть онъ пустой пѣтухъ совсѣмъ, все по угламъ одинъ слоняется.

И мужикъ, плюнувъ на руки, снова ковырялъ вилами; баба, пошевеливая плечами и понявой, шла въ сѣни, а обреченный въ лапшу стоикъ поправлялъ свои бурды.

Отлично чувствуешь себя въ эту пору въ деревнѣ, хотя и живешь, зная, что за ворота двора ступить некуда. Природа облагаетъ человѣка зазорами и, по народному выраженію, не рѣка уже топить, а лужа.

Была такая пора въ Меревѣ. Рѣка Саванка поднялась, вспучилась, но ледъ еще не трогался.

Всѣ ставни въ бахаревскомъ домѣ были открыты и въ нѣкоторыхъ окнахъ отворены форточки.

На дворѣ вечерѣло. Няня отправилась ставить самоварь. Лиза стояла у окна. Заложивъ назадъ свои ручки, она глядѣла на покрывавшееся вечернимъ румянцемъ небо и о чемъ-то думала; а кругомъ тишь ненарушимая.

Бахаревскій кабинетъ, въ которомъ обитала Лиза послѣ своего бѣгства, теперь снова не напоминалъ жилого покоя. Въ немъ среди пола стоялъ уложенный чемоданъ, дорожный сакъ и нѣсколько узелочковъ. Подушки, всегда покопившіяся на отоманкахъ, скинули свои бѣлыя рубашечки, и, надѣвъ ситцевые капоты песочнаго цвѣта съ лиловымъ горошкомъ, лежали какъ толстыя барыни. Онѣ своимъ глупо-важнымъ видомъ говорили: прощайте; мы теперь путешественницы. На насъ завтра сядутъ и мы будемъ вояжировать, будемъ любоваться природой и дышать чистымъ воздухомъ.

— Здравствуйте, Лизавета Егоровна! — сказалъ кто-то зади погруженной въ себя Лизы.

Дѣвушка вздрогнула отъ нечаянности и оглянулась: передъ нею стоялъ докторъ.

— Вотъ сюрпризъ-то! — сказала она привѣтливо, протягивая ему свою руку.

— Что, вы уѣзжаете?

— Да, завтра ѣду къ своимъ.

— Надолго?

— Я думаю, ужъ съ ними вмѣстѣ возвращусь. Какъ это вы догадались заѣхать?

— Ъхалъ мимо изъ Лужковъ.

— Что, опять людей рѣзали?

— Да, опять одного человѣчка порѣзали и зашили.

Докторъ и Лиза разсмѣялись.

— Какъ вы поѣдете? Дорогъ нѣтъ совсѣмъ. Я верхомъ на своей пристяжной, да и то совсѣмъ-было и себя, и лошадь утопилъ въ зажорѣ за вашимъ садомъ.

— Да мнѣ, вѣдь, по шоссе.

— И то правда. — Вы меня чайкомъ напоите, Лизавета Егоровна?

— Какъ же, какъ же! Няня сейчасъ принесетъ самоварь.

— Что это на васъ за страшный нарядъ?

— Какъ страшный?

— Вы точно турчанка.

Лиза была въ темномъ марселиновомъ платьѣ, безъ кринолина, и въ домашней длинной мѣховой шубкѣ съ горностаевымъ воротникомъ и горностаевой опушкой. Этотъ нарядъ очень шелъ къ Лизѣ.

Она оглянула себя и сказала:

— Я завтра ѣду, все уложено: это мой дорожный нарядъ. Сегодня открыли домъ, день былъ такой хорошій, я все ходила по пустымъ комнатамъ, такъ славно. Вы знаете весь нашъ домъ?

— Нѣтъ, всего не знаю.

— Хотите, пойдѣмте, пока еще свѣтло. Я вамъ покажу свою комнату.

Солнце, совсѣмъ спускаясь къ закату, слабо освѣщало блѣдно-оранжевымъ свѣтомъ окна и трепетно отражалось на противоположныхъ стѣнахъ. Однѣ комнаты были совершенно пусты, въ другихъ оставалась кое-какая мебель, закрытая или простынями, или просто рогожами. Только однѣ кровати не были ничѣмъ покрыты и производили неприятное впечатлѣніе своими пустыми досками.

— Вотъ и моя комната,—сказала Лиза.

— Хорошенькая комнатка.

— Да, прежде я жила вотъ въ этой; тутъ гадко и затвориться даже нельзя было. Я тутъ очень много плакала.

— Оттого, что комната нехороша?

— Нѣтъ, оттого, что глуна была.

Докторъ съ Лизой обошли весь домъ и возвратились въ залу, гдѣ Абрамовна уже наливала чай.

Старуха въ шутку избрала доктора за вертопрашество, а потомъ сказала:

— Ты вотъ дай мнѣ, а не то хоть припиши въ аптеку какой-нибудь масти, чтобы можно мнѣ промежь крыль себя ею мазать. Смерть какъ у меня промежду вотъ этихъ вотъ крыль-то, смерть, какъ ломить съ вечера.

И докторъ, и Лиза были очень въ духѣ. Напившись чаю, Розановъ сталъ прощаться.

— Посидите еще,—сказала Лиза.

— Нѣтъ, не могу, Лизавета Егоровна. Если бъ могъ, я бы и самъ отъ васъ не торопился.

Совсѣмъ свечерѣло, и блѣдная луна освѣтила голубую великолѣпную ночь.

Быль легонькій вешній морозецъ, покрывшіи проталины тонкою, хрупкою слюдой.

Гость и хозяйка вышли на крыльцо. Докторъ взялъ у садовника поводъ своей лошади и протянулъ руку Лизѣ.

— Хотите, я васъ провожу до околицы,—спросила Лиза, кладя свою ручку въ протянутую ей руку доктора.

— Отказываться отъ такого милаго вниманія не смѣю, но чтобъ вы не простудились...

— Ничего, тутъ дорожка вся оттаяла, земля одна, да и я же сейчасъ надѣну калоши.

Не дожидаясь отвѣта, Лиза порхнула за дверь и черезъ минуту вышла на крыльцо въ калошахъ и большомъ мериносовомъ платкѣ.

Они пошли рядомъ; сзади ихъ, опустя голову, потягивая ноздрями воздухъ, шла на поводу осѣдланная розановская лошадь.

Какія этой поройъ бывають ночи прелестныя, нельзя сказать тому, кто не видалъ ихъ, или, видѣвши, не чувствовалъ крѣпкаго, могучаго и обаятельнаго ихъ вліянія. Въ эти ночи, когда подъ ногою хруститъ бѣленькая слюда, раскинутая по чернымъ талинамъ, нельзя размышлять ни о грозномъ часѣ послѣдняго расчета съ жизнью, ни о ловкомъ обходѣ подводныхъ камней моря житейскаго. Даже сама досужая старушка-нужда забывается легкимъ сномъ и не слышино ея ворчливыхъ соображеній насчетъ завтрашняго дня.

Надеждъ! надеждъ! сколько темныхъ и неясныхъ, но благотворныхъ и здоровыхъ надеждъ слетаютъ къ человѣку, когда онъ дышитъ воздухомъ голубой, свѣтлой ночи, наступающей послѣ теплаго дня въ концѣ марта. «Августъ теплѣе марта», говоритъ пословица. Точно, жарки и сладострастны нѣмыя ночи августа, но нѣтъ у нихъ того таинственнаго могущества, которымъ мартовская ночь cadaго смертнаго хотя на нѣсколько мгновеній обращаетъ въ кандидата правъ Юстина Помаду.

— Какая чудесная ночь! — невольно воскликнула Лиза, выходя съ докторомъ за уголъ сада.

— Поэтическая ночь! — замѣтилъ докторъ, дыша полною грудью.

— А вы вѣрите, докторъ, въ поэзію?

— Какъ же, Лизавета Егоровна, не вѣрить въ то, что существуетъ?

— Странно! доктора всѣ матеріалисты. По крайней мѣрѣ, мнѣ они всегда такими представлялись.

— Это обнаруживаетъ въ васъ большую наблюдательность. Больше или меньше мы, дѣйствительно, всѣ матеріалисты, да и врядъ ли можно идеальничать, возясь со скальпелемъ въ разлагающейся машинѣ, именуемой человѣкомъ.

— То-то я и удивляюсь, что вы восторгаетесь ночью, точно какъ Юстинъ Феликсовичъ.

Докторъ засмѣялся.

— Странны, право, бываютъ въ обществѣ многія понятія, но ужъ страннѣе того, которое досталось этому несчастному матеріализму, и придумать нельзя. Думаютъ, матеріализмъ — это ужъ могила всѣмъ радостямъ земнымъ, а наипаче радостямъ чистымъ, возвышающимъ и укрѣпляющимъ душу. Да, я говорю: *душу*. Вы не забудьте, Лизавета Егоровна, что въ ряду медицинскихъ наукъ есть психіатрія, — наука, можетъ-быть, самая поэтическая и имѣющая дѣло исключительно съ тѣмъ, что отличаетъ насъ отъ ближнихъ и дальнихъ кузеновъ нашей общей родственницы Юліи Пастраны. Странно, право, — продолжалъ онъ, помолчавъ: — будто ужъ за то, что я понимаю, какъ дѣйствуютъ на меня нѣкоторыя внѣшнія условія, я ужъ и не могу чувствовать прекраснаго. Положимъ, Юстину Помадѣ сдается, что онъ въ такую ночь вотъ безпричинно хорошо себя чувствуетъ, а еще кому-нибудь кажется, что тамъ вонъ по проталинкамъ сидятъ такіе гномики, обязанные веселить его сердце; а я думаю, что мнѣ хорошо потому, что этотъ здоровый воздухъ сильнѣе гонитъ мою кровь, и всѣ мы все-таки чувствуемъ эту прелесть. А поэзію какъ же я стану отвергать, когда я чувствую ее и въ природѣ, и въ сочетаніи звуковъ. Какъ отвергать, что

«Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ».

Вотъ ночь, этотъ льющійся воздухъ, трепетный, робкій свѣтъ, искренній разговоръ съ молодой, чуткой жепицной, — тутъ поэзія, а тамъ вонъ проза.

— Гдѣ это?

— Въ городѣ.

Лиза задумалась и потом спросила:

— Вамъ, я думаю, тяжело иногда жить, докторъ?

— Да, нелегко иногда бываетъ, Лизавета Егоровна.

— Что вы не вырветесь изъ вашего положенія?

— Да какъ же изъ него вырваться? Тутъ нужно и вырываться, и прорываться, и надрываться, и разрываться, и все, что хотите.

— Ну, и что жъ такое?

— А то, что силъ у меня на это не хватитъ, да и, откровенно скажу вамъ, думаю я, что изгаженнаго въ концъ ужъ не скленишь и не поправишь.

— Какой вздоръ! Вы вѣдь еще очень молоды, я думаю.

— Да, мнѣ немного лѣтъ.

— И при вашихъ-то дарованіяхъ, въ этомъ возрастѣ, вы считаете себя уже погибшимъ и отпѣтымъ!

— Да, считаю, Лизавета Егоровна, и увѣренъ, что это на самомъ дѣлѣ. Я не могу ничего сдѣлать хорошаго: силъ нѣтъ. Я вѣдь съ дѣтства въ какомъ-то разладѣ съ жизнью. Мать при мнѣ отца поѣдомъ ѣла за то, что тотъ не умѣлъ низко кланяться; молодость моя прошла у моего дяди, такого нравственнаго развратителя, что и нѣтъ ему подобнаго. Еще тогда всѣ мои чистые порывы новытоптали. Попробовалъ полюбить всѣмъ сердцемъ... совсѣмъ чортъ знаетъ что вышло. Вся смѣлость меня оставила.

— Уѣзжайте отсюда въ столицу, ищите каѳедры, — проговорила Лиза послѣ небольшой паузы.

— А семья?

— Да, бракъ ужасное дѣло! — тихо проговорила Лиза.

— Для мужчины дѣло страшное.

— Я думаю, и для женщины.

— Ну, съ извѣстной точки зрѣнія, женщина все-таки меньшимъ рискуетъ.

— Это какъ?

— Да, напримѣръ, въ экономическомъ отношеніи женщина приобрѣтаетъ себѣ работника и потомъ даже, въ случаѣ неудачи, у женщины, хотя мало-мальски достойной чувства, все-таки еще остается надежда встрѣтиться съ новой привязанностью и отдохнуть въ ней.

— А у мужчины развѣ не то же самое?

— Нѣтъ-съ, далеко не то самое. Женщину ея несчастье въ бракѣ дѣлаетъ еще гораздо интереснѣе, а для женатаго

мужчины, если онъ несчастливъ, что остается? Связишки, интрижки и всякая такая гадость,—а любви нѣтъ.

— Отчего же?

— Оттого, что порядочная женщина не видитъ себѣ мѣста въ такой любви.

— Странно! Я думаю совсѣмъ напротивъ. *Порядочная* то, т.-е. настоящая женщина, всегда найдетъ себѣ мѣсто въ такой любви.

— Это по теоріи.

— Но развѣ и эта теорія не вѣрна?

— Нѣтъ. кажется, вѣрна, да на практикѣ только не оправдывается.

— Помилуйте: развѣ можетъ быть что-нибудь пріятнѣе для женщины, какъ поднять челоуѣка на честную работу?

— Да только какъ-то не бываетъ этого. Это для насъ должно быть философія будущаго. Теперь же мужчина: повѣсилъ — мотайся, оторвался — катайся... А вонъ катить и Помада. Прощайте, Лизавета Егоровна.

Подъѣхалъ въ саночкахъ Помада, возвратившійся изъ города. Докторъ повидался съ нимъ и вспрыгнулъ на лошадь.

— Прощайте,—сказала ему Лиза:—только вы обдумайте нашъ разговоръ. Вы, кажется, очень ошибаетесь на этотъ разъ. По-моему, безысходныхъ положеній нѣтъ.

— Хорошо, Лизавета Егоровна, буду думать, — шужливо отвѣтилъ докторъ и поѣхалъ крупной рысью въ городъ, а Лиза съ Помадою пошли къ дому.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

На одномъ полѣ разныя ягоды.

Вязмитиновъ былъ сынъ писца изъ губернскаго правленія; воспитывался въ училищѣ дѣтей канцелярскихъ служителей, потомъ, въ числѣ двухъ лучшихъ учениковъ, былъ опредѣленъ въ четвертый классъ гимназін, оттуда въ университетъ и, наконецъ, попалъ на мѣсто учителя исторіи и географіи при знакомомъ намъ трехклассномъ уѣздномъ училищѣ. Раннее сиротство, бѣдность и крутая суровость воспитанія въ заведеніи, устроенномъ для дѣтей канцелярскихъ служителей, положили на Вязмитинова неизгладимые слѣды. Онъ былъ постоянно задумчивъ, кротокъ въ обхожденіи со всѣми, немножко застычивъ, скрытенъ и даже лукавъ, но съ довольно положительнымъ умомъ и постоян-

ствомъ въ преслѣдованіи того, къ чему онъ разъ рѣшился стремиться.

О наружности Вязмитинова распространяться нечего: онъ имѣлъ довольно пріятную наружность, хотя съ того самаго дня, когда его семплѣтнимъ мальчикомъ привели въ суровое училище, онъ приобрѣлъ странную манеру часто пожиматься и моргать глазами. Первая изъ этихъ привычекъ была усвоена ребенкомъ вслѣдствіе неловкости, оцущенной имъ въ новой курткѣ изъ толстаго сукна, съ натирающимъ до-красна воротникомъ, а вторая получена отъ непрерывнаго опасенія ежеминутныхъ колотушекъ, затрещинъ, взвошекъ, взьефантуливанья и пришпандориванья. Но ни одна изъ этихъ привычекъ не дѣлала Вязмитинова смѣшнымъ и не отнимала у него права на званіе молодого человѣка съ пріятною наружностью.

Жилъ онъ скромно, въ двухъ комнатахъ у вдовы дьяконницы, неподалеку отъ уѣзднаго училища, и платилъ за свой столъ, квартиру, содержаніе и прислугу двѣнадцать рублей серебромъ въ мѣсяць. Такимъ образомъ проживалъ онъ съ самаго поступленія въ должность.

Въ подобныхъ городкахъ и теперь еще живутъ съ такими средствами, съ которыми въ Петербургѣ надо бы умереть съ голоду, живя даже на Малой Охтѣ, а нѣсколько лѣтъ назадъ, еще какъ безнуждно жилось-то съ ними въ какой-нибудь Обояни, Тиму или Карачевѣ, гдѣ за пятьсотъ рублей становился цѣлый домъ, дававшій своему владѣльцу право, по испитіи третьей косушечки, говорить:

— Я, братецъ ты мой, теперь, слава-те, Господи, городской обыватель.

Дьяконницыны знакомые даже находили, что ей ужъ, кто ее знаетъ за что, въ этомъ учителѣ счастье такое Создатель спосылаетъ.

— Ну, пусть, положимъ, теперича, — разсуждали между собою пріятельницы:— двадцать пять рублей за харчи. Какія ужъ тамъ она ему даетъ харчи, ну только ужъ тамъ будемъ считать: ну, двадцать пять рублей. Ну, десять съ полтиной за комнаты: ну, тридцать пять съ полтиной. А, вѣдь, она сорокъ два рубля беретъ! За что она шесть съ полтиной беретъ? Шесть съ полтиной деньги: вѣдь это безъ пятиалтыннаго два цѣлковыхъ.

Собственные труды и безпокойства при этихъ смѣтахъ,

обыкновенно, вовсе не принимаются въ соображенія, потому что время и руки ничего не стоятъ.

При такой дешёвизнѣ, бережливости и ограниченности своихъ потребностей, Вязмитиновъ умѣлъ жить такъ, что бѣдность изъ него не глядѣла ни въ одну прорѣху. Онъ былъ всегда отлично одѣтъ, въ квартирѣ у него было чисто и уютно, всегда онъ могъ выписать себѣ журналъ и нѣсколько книгъ, и даже подъ случай у него можно было позанимствоваться деньжонками, включительно отъ трехъ до двадцати пяти рублей серебромъ.

Зарницынъ, единственный сынъ мелкопомѣстной дворянской вдовы, былъ человѣкомъ другого сорта. Онъ жилъ въ одной просторной комнатѣ съ самымъ страннымъ убранствомъ, которое всячески давало посѣтителю чувствовать, что квартирантъ вчера пріѣхалъ, а завтра непременно очень далеко выѣдетъ. Даже большой стѣнной коверъ, составлявшій одну изъ непослѣднихъ «шикозностей» Зарницына, висѣлъ микось-накосъ, какъ будто его здѣсь не стоило прибивать поровнѣе и покрѣпче, потому что владѣлецъ его скоро вонъ выѣдетъ.

Каковъ былъ Зарницынъ въ своей домашней обстановкѣ, таковъ онъ былъ и во всемъ. Докторъ Розановъ его напрасно обзывалъ Рудинымъ: онъ гораздо болѣе былъ Хлестаковымъ, чѣмъ Рудинымъ, а можетъ-быть и это сравненіе не совсѣмъ идетъ ему. Зарницынъ, находясь въ положеніи Хлестакова, при тогдашней средѣ, сильно тяготѣлъ бы и къ хлестаковщинѣ, и къ репетиловщинѣ. Въ эпоху, описываемую въ нашемъ романѣ, тоже нельзя сказать, чтобы онъ не тяготѣлъ къ нимъ. Но въ эту эпоху ни Репетиловъ не хвастался бы тѣмъ, что «шумимъ, братецъ, шумимъ» ни Иванъ Александровичъ Хлестаковъ не рассказывалъ бы о тридцати тысячахъ скачущихъ курьерахъ и неудержимой чиновничьей дрожкѣ, начинающейся непосредственно съ его появленіемъ въ департаментъ. Позволительно думать, что они могли хлестаковствовать и репетиловствовать совсѣмъ иначе, изболничая извѣстную солидарность патуръ съ натурою несмѣтнаго числа Зарницыныхъ (которыхъ нисколько не должно оскорблять такое сопоставленіе, ибо они никакимъ образомъ не могутъ быть почитаемы панихудшими людьми земли русской).

Зарницынъ не любилъ заниматься по-вязмитиновски,

серьезно. Онъ бралъ все кое-какъ, налетомъ, и все у него сходило. Новая весна его застала въ положеніи очень скучномъ. Ему какъ-то все принадоѣло. Онъ не зналъ, чѣмъ заняться, и началъ обличительную повѣсть съ самыми картинными намеками и съ неисчерпаемымъ моремъ гражданскаго чувства. Но повѣсть на первыхъ же порахъ запуталась въ массѣ этого новаго чувства — и стала. Зарницынъ тревожно тосковалъ, суетился, заговаривалъ о темныхъ предчувствіяхъ, о борьбѣ съ собою, наконецъ, прочитавъ нѣсколько народныхъ спентъ, появившихся въ это время въ печати, ужъ задумалъ-было коробейничать. Но милосердому року угодно было указать ему на иной путь, а на этомъ пути и развлеченіе.

Въ одно очень погожее утро одного погожаго дня, Зарницынъ получилъ съ почты письмо, служившее довольно яснымъ доказательствомъ, что мѣстный уѣздный почтмейстеръ вовсе не имѣлъ слабости Шпеккина къ чужой перепискѣ.

Получивъ такое письмо, Зарницынъ выросъ на два вершка. Онъ прочелъ его разъ, прочелъ другой, наконецъ третій и побѣждалъ къ Вязмитинову.

— Что, ты на-дняхъ ничего не получалъ?—спросилъ онъ, входя и кладя фуражку.

— Ничего,—отвѣчалъ Вязмитиновъ.

— Ни откуда?

— Ни откуда.

— Гм!

— А что такое?

— Такъ.

Зарницынъ зашагалъ по комнатѣ, то улыбаясь, то представляя ко лбу палецъ. Вязмитиновъ, зная Зарницына, далъ ему порисоваться. Походивъ, Зарницынъ остановился передъ Вязмитиновымъ и спросилъ:

— Ты помнишь этихъ двухъ господъ?

— Какихъ?—спокойно спросилъ Вязмитиновъ, моргнувъ при этомъ какимъ-то экстраординарнымъ образомъ.

— Ну, Боже мой! что были прошлой осенью на балѣ у Бахарева.

— Да тамъ много было.

— Ну, этотъ, какъ его, иностранецъ... Райнеръ?

— Помню, — съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣчалъ Вязмитиновъ.

— Съ нимъ былъ молодой человекъ Пархоменко.

— И этого помню.

— Вотъ его письмо.

— Что жь это такое?—спросилъ Вязмитиновъ, безучастно глядя на положенное передъ нимъ письмо.

— Читай!

Вязмитиновъ медленно развернулъ письмо.

— Вотъ отсюда читай,—указали Зарницынъ.

«Нужны люди, способные дѣйствовать, вести скорую подземную работу. Я былъ слишкомъ занятъ, находясь въ вашемъ городѣ, но слышалъ о васъ мелькомъ и по тѣмъ *невыгоднымъ* отзывамъ, которые доходили до меня на вашъ счетъ, вы должны быть нашъ человекъ, и на васъ можно рассчитывать. Надо приготовить всѣхъ. На-дняхъ вы получите посылку: *книги*. Старайтесь ихъ распространять вездѣ, особенно между раскольниками: *они все наши* и ими должно воспользоваться. Въ другихъ мѣстахъ дѣло идетъ уже очень далеко и идетъ отлично.

«Пусть моя полная подпись служить вамъ знакомъ моего къ вамъ довѣрія. *Вашъ Пархоменко.*

«Р. S. Надѣюсь, что вы также не забудете писать все, что совершаютъ ваши безобразники. У насъ теперь это отлично устроено: опасаться нечего и на четвертый день тамъ.

«Еще Р. S. Не стѣсняйтесь сообщать свѣдѣнія всякія. Тамъ послѣ разберемся, и если случится ошибка, то каждый можетъ оправдаться».

Вязмитиновъ перечелъ все письмо второй разъ и, оканчивая, произнесъ вслухъ: «а если случится ошибка, то каждый можетъ оправдаться».

— Гдѣ же это оправдаться-то? — спросилъ онъ, возвращая Зарницыну письмо.

— Да, разумѣется, тамъ же!

— А кто же знаетъ туда дорогу?

— Да вотъ дорога,—произнесъ Зарницынъ, ударивъ рукою по Пархоменковому письму.

— Да вѣдь это ты знаешь, а другіе почему ее знаютъ?

— Передамъ.

Вязмитинову все это казалось очень глупо, и онъ не сталъ спорить.

— Ну, что же?—спросилъ его Зарницынъ.

— Что?

— Ты готовъ содѣйствовать?

— Я?

Вязмитиновъ собирался сказать самое рѣшительное «нѣтъ», но, подумавъ, сказалъ:

— Да, пожалуй.

— Нѣтъ, не *пожалуй*; это надо дѣлать не въ видѣ уступки, а нужно дѣйствовать съ энергіей.

— Да то-то, какъ дѣйствовать? что дѣлать нужно?

— Подогрѣвать, готовить, волновать умы.

— На подпись, что ли, склонять? что же вы полагаете-то?

— *Мы*...—Зарницыну очень пріятно прозвучало это *мы*.—

Мы намѣрены пользоваться всѣмъ. Ты видишь въ письмѣхъ и раскольники, и помѣщики, и крестьяне. Одни пусть подписываютъ коллективную бумагу, другіе требуютъ свободы, третьи—земли... понимаешь?

— Понимаю, землю-то требовать будутъ мужики?

— Ну, да.

— Отъ тѣхъ самыхъ помѣщиковъ, которыхъ нужно склонять подписывать коллективную бумагу?

— Ну да, ну да, разумѣется. Неужто ты не понимаешь?

— Нѣтъ, теперь я понимаю: я это только сначала.

— А вотъ, вѣдь, я помню, какъ вы съ докторомъ утверждали, что этотъ Пархоменко глупъ.

— Да, это правда.

— А видишь, какой онъ человѣкъ.

— Да.

— Какъ ты думаешь: доктору сообщить? — шопотомъ спросилъ Зарницынъ.

— На что путать лишнихъ людей!

— И то правда.

Пріятели разстались.

Тотчасъ по уходѣ Зарницына, Вязмитиновъ одѣлся и, идучи въ училище, зашелъ къ доктору, съ которымъ они поговорили въ кабинетѣ и, разставаясь, Вязмитиновъ сказалъ:

— Смотрите же, Дмитрій Петровичъ, держите себя такъ же, какъ я, будто ничего знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ.

— Добре,—отвѣчалъ докторъ.

— Да Помаду адрессируйте.

— Добре, добре,—опять отвѣчалъ, запирая двери, докторъ.

Вечеромъ Вязмитиновъ писалъ очень длинное письмо, въ которомъ, между прочимъ, было слѣдующее мѣсто: «Вы, я

полагаю, сами согласитесь, что мы и съ вами вели себя слишкомъ легкомысленно, позволивъ себѣ общать вамъ свое содѣйствіе въ дѣлѣ столь щекотливомъ. Будемъ говорить откровенно. За личность вашу намъ никто и ничто не ручается. Лицо, съ которымъ вы, по вашимъ словамъ, были такъ близки, не снабдило васъ ни одной рекомендательной строчкой, а въ уполномочіи, данномъ вами такому человѣку, какъ П—ко, мы не можемъ не видѣть или крайпѣйшей безтактности и недальновидности, или... просто—плана гораздо худшаго. Вы насъ извините, мы не подозреваемъ васъ въ злонамѣренности. Спаси насъ Боже! Мы вамъ вѣримъ, но служить дѣлу, начинаемому по вашей инициативѣ, съ такими еще сотрудниками мы не можемъ. Намъ нужны старые люди; безъ нихъ ничего въ этомъ родѣ не сдѣлаешь, а они прежде всего недовѣрчивы. Письмо полковника Стопаненки *для насъ* достаточное ручательство, а для нихъ оно ничего не значитъ. Безъ ихъ же участія дѣлу не быть. При связяхъ Роз—ова мы еще надѣялись все кое-какъ подготовить исподволь и незамѣтно; но теперь, когда вашему политическому другу вздумалось вѣрить наши планы людямъ, на скромность и выдержанность которыхъ мы не рассчитываемъ, намъ не остается ничего болѣе, какъ жалѣть объ этой ошибкѣ и посовѣтовать вамъ искать какія-нибудь другія средства для заявленія умѣренныхъ желаній, которымъ будетъ сочувствовать вся страна.

«Смѣю надѣяться, что это не испортитъ нашихъ добрыхъ отношеній другъ къ другу. Вашъ N. В.»

Письмо это было вложено въ книгу, замкнутую въ холстъ и переданную черезъ приказчиковъ Никона Родіоновича его московскому повѣренному, который долженъ былъ собственноручно вручить эту посылку иностранцу Райнеру, проживающему въ домѣ купчихи Козодавлевой, вблизи Лефортовскаго дворца.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Half-yearly review.

Бахаревская придворная швея Неонила Семеновна, сидя у открытаго окна, пѣла:

Прошло лѣто, прошла осень,
Прошла теплая весна,
Наступило злое время,
То холодная зима.

Пѣсня на этотъ разъ выражала, дѣйствительно, то, что прошло и что наступило въ природѣ.

Тонкія паутинныя плелись по темнѣющему жнивью, по лиловымъ мохрамъ ренсейника проступала почтенная сѣдина, дикія утки сторожко смотрѣли, тихо двигаясь зарями по сонному пруду, и рѣзвая стрекоза, прогнѣвъ свою веселую пору, безнадежно ползла, скользя и обрываясь съ каждаго скошеннаго стебелечка, а по небу низко-низко тащились разорванныя полы широкаго плафора, въ которомъ разгуливалъ сѣверный волшебникъ, ожидая пока ему позволено будетъ раскрыть старые мѣхи съ холоднымъ вѣтромъ и развязать занидивѣвшій мѣшокъ съ бѣлоснѣжной зимой.

Двѣ поры года прошли для нѣкоторыхъ изъ нашихъ знакомыхъ не безслѣдно, и мы въ короткихъ словахъ опишемъ, что съ кѣмъ случилось въ это время.

Бахарева вскорѣ послѣ Святой недѣли всею семьей перѣехали изъ города въ деревню, а Гловацкіе жили, по обыкновенію, безвыѣздно въ своемъ домикѣ.

Женни оставалась тѣмъ, чѣмъ она была постоянно. Она только съ большимъ трудомъ перенесла извѣстіе, что братъ Ипполитъ, котораго и она, и отецъ съ нетерпѣніемъ ожидали къ каникуламъ, арестованъ и попалъ подъ слѣдствіе по дѣлу студентовъ, расправившихся собственнымъ судомъ съ нѣкоторымъ бариномъ, оскорбившимъ одного изъ ихъ товарищей. Это обстоятельство было страшнымъ ударомъ для старика Гловацкаго. Для Женни это было еще тяжелѣе, ибо она страдала и за брата, и за отца, терзанія котораго ей не давали ни минуты покоя. Но, несмотря на все это, она крѣпилась и всячески старалась утѣшить страдающаго старика.

Вязмитиновъ безпрестанно писалъ ко всѣмъ своимъ прежнимъ университетскимъ пріятелямъ, прося ихъ разъяснить Ипполитово дѣло и слѣдить за его ходомъ. Отвѣты приходили рѣдко и далеко не удовлетворительные, а старикъ и Женни дорожили каждымъ словомъ, касающимся арестанта. Самымъ радостнымъ изъ всѣхъ извѣстій, вымоленныхъ Вязмитиновымъ во время этой томительной тревоги, былъ слухъ, что дѣло ожидаетъ прибытія сильнаго лица, въ благодушіе и мягкосердечіе котораго крѣпко вѣровали.

Ни старикъ, ни Женни, ни Вязмитиновъ не осуждали Ипполита, но сильно скорбѣли объ ожидавшей его участи.

Зарницынъ потиралъ отъ радости руки и горой стоялъ за Ипполита.

— Молодецъ! молодецъ! — говорилъ онъ. — Время словъ кончается, надо дѣйствовать и дѣйствовать. Да, надо дѣйствовать, надо. Вѣкъ жертвъ очистительныхъ просить; жертвъ вѣкъ просить!

Старикъ и Женни не возражали, они чувствовали только неутѣшную скорбь.

Доктора это обстоятельство тоже сильно поразило. Другое дѣло слышать объ извѣстномъ положеніи человѣка, котораго мы лично не знали, и совсѣмъ другое, когда въ этомъ положеніи представляется намъ человѣкъ близкій, да еще столь молодой, что привычка все заставляетъ глядѣть на него, какъ на ребенка. Доктору было жаль Ипполита; онъ злился и молчалъ. Лиза относилась къ этому дѣлу весьма спокойно.

— Что-жь дѣлать! — сказала она, выслушавъ первый разъ отчаянный разговоръ Женни. — Береги отца, вотъ все, что ты можешь сдѣлать, а горемъ ужъ ничему не поможешь.

Возвратясь въ деревню съ семьей, послѣ непродолжительнаго житья въ городѣ, Лиза опять измѣнилась. Ея глаза совсѣмъ выздоровѣли; она теперь не раздражалась, не сердилась и даже много меньше читала, но видимо сосредоточилась въ себѣ и не то, чтобы примирилась со всѣмъ ее окружающимъ, а какъ бы не замѣчала его вовсе. Въ Лизѣ обнаружился тонкій житейскій тактъ, котораго до сихъ поръ не было. Свои холодныя, даже презрительныя отношенія къ ежедневнымъ хлопотамъ и интересамъ всѣхъ окружающихъ ее людей она выдерживала ровно, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, никому ни въ чемъ не попереча, никого ничѣмъ не задирая. Ольга Сергѣевна находила, что Лиза упрыгалась и начинаетъ братья за умъ. Сестры тоже были ею очень довольны. Она равнодушно выслушивала всѣ ихъ заявленія, ни въ чемъ почти не возражала и давала на все самые терпимые отвѣты. Къ отцу Лиза была очень нѣжна и внимательна, къ Женни тоже. Но какъ ни спокойна была собственная натура Женни, ее не удовлетворяла спокойная внимательность Лизы. Она ничего отъ нея не требовала, старалась избѣгать всякихъ разсужденій о ней, но чуяла сердцемъ, что происходитъ въ подругѣ, и немало не радовалась ея видимому спокойствію.

Зина, Софи и Ольга Сергѣевна были все тѣ же. Зина не могла застегнуть лифа; ходила въ широкихъ блузахъ, необыкновенно шедшихъ къ ея высокой фигурѣ, и безпрестанно совѣщалась съ докторами и акушерами. Она готовилась быть матерью, но снова уѣхала отъ мужа и проживала въ Меревѣ. Софи тосковала до-вельзя; гусары выступили и въ деревнѣ шла жизнь, невыносимая для женщинъ, подобныхъ этой барышнѣ, безучастной ко всему, кромѣ болтовни и шума. Ольга Сергѣевна Богу молилась, кошекъ чесала, иногда раскладывала гранпасьянсъ и въ антрактахъ ныла. Чаще всего онѣ ныли втроемъ: Ольга Сергѣевна, Зина и Софи. Ныли онѣ обо всемъ: о предстоящихъ родахъ Зины, о грубости Егора Николаевича, объ отсутствіи жениховъ для Софи, о тоскѣ деревенской жизни и объ ехидствѣ прислуги, за которою никакъ не усмотришь. Объ Ишюлитѣ Гловацкомъ онѣ не забыли, но по два раза воскликнули:

— Боже мой! Боже мой! — и успокоились на его счетъ.

Бахаревъ горячо принялъ къ сердцу горе своего пріятеля. Онъ сперва полетѣлъ къ нему, дергалъ усами, дымилъ безъ пощады, разводилъ врозь руки и говорилъ:

— Ты, того, Петруха... ты не этого... не падай духомъ. Все, братъ, надо переносить. У насъ въ полку тоже это случилось. У насъ разъ этого ротмистра разжаловали въ солдаты. Разжаловали, пять лѣтъ былъ въ солдатахъ, а потомъ отличился и опять пошелъ: теперь полиціймейстеромъ служить на Волгѣ; женился на нѣмкѣ и два дома собственные купилъ. Ты не огорчайся: мало ли что въ молодости бываетъ!

Петра Лукича все это нисколько не утѣшало.

Бахаревъ поѣхалъ къ сестрѣ. Мать Агнія съ большимъ вниманіемъ и участіемъ выслушала всю исторію и глубоко вздохнула.

— Что ты думаешь, сестра? — спросилъ Бахаревъ.

— Что-жъ тутъ думать: не минуетъ, бѣдняжка, красной шапки да ранца.

— Какъ бы помочь?

— Ничѣмъ тутъ не можешь.

— Написать бы кому-нибудь.

— Ну, и что-жъ выйдетъ?

— Да все-таки...

— Ничего не сдѣлаешь, будетъ солдатомъ непременно.

— Старика жаль.

— Да и его самого не меньше жаль: парень молодой.

— Онъ-то выслужится!

— Хоть и выслужится, а лучшіе годы пропали.

— Ты подумай, сестра, нельзя ли чего попробовать?

Игуменья скрестила на груди руки и задумалась.

— Тамъ кто теперь генералъ-губернаторомъ?—спросила она послѣ долгаго размышленія.

Бахаревъ назвалъ фамилію.

— Я съ его женой когда-то коротка была, да вѣдь это давно; она забыла ужъ, я думаю, что я и на свѣтѣ-то существую.

Вышла пауза.

— Попробуй, попроси,—сказалъ Бахаревъ.

— Да, я сама думаю такъ. Что-жъ: снытокъ—не убытокъ.

Игуменья медленно встала, вынула изъ комода зеленый бархатный портфель, достала листокъ бумаги, аккуратно сравняла его края и, подумавъ съ минутку, написала двѣ заглавныя строчки.

Бахаревъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ, стараясь ступать возможно тише, какъ волтижорскій и дрессированный конь, безпрестанно смотря на задумчивое лицо пишущей сестры.

Подстерегши, когда мать Агнія, дописавъ страничку, повертывала листокъ, опять тщательно сравнивая его уголки и сглаживая сгибъ длиннымъ розовымъ ногтемъ, Бахаревъ остановился и сказалъ:

— Вѣдь, что публично-то все это надѣлали, вотъ что гадко.

— Да непублично этихъ дѣлъ и не дѣлаютъ,—спокойно отвѣчала игуменья.

— Положимъ, ну вздуй его, каналью, на конюшнѣ, ну, наконецъ, на улицѣ; а то въ такомъ зданіи!

Мать Агнія обмакнула перо и, снимая съ него приставшее волоконце, проговорила: —поговорка есть, мой милый, что «дуракамъ и въ алтарѣ не спускаютъ», —и съ этимъ начала новую страницу.

— Ну, вотъ тебѣ и письмо,—посылай. Посмотримъ, что выйдетъ,—говорила игуменья, подавая брату совѣзмъ готовый конвертъ.

— Хоть бы скорѣе одинъ конецъ былъ.

— Будетъ и конецъ.

Помада кипѣлъ и весь расходовался на споры, находя средства поддерживать ихъ даже съ Зиной и Софи, не представлявшими ему никакихъ возраженій.

— За идею, за идею,—шумѣлъ онъ.—Идею должно отстаивать. Ну, что-жъ дѣлать: ну, будетъ солдатъ! Что-жъ дѣлать? За идею права нельзя не стоять; нельзя себя беречь, когда идея права попирается. Отсюда выходитъ индифферентизмъ: самое вреднѣйшее общественное явленіе. Я этого не допускаю. Прежде *идея*, потомъ я, а не я выше моей *идеи*. Отсюда я долженъ лечь за мою идею, отсюда героизмъ, общественная возбужденность, горячее служеніе идеаламъ, отсюда торжество идеаловъ, торжество идей, царство правды!

Помадѣ, обыкновенно, никто не возражалъ въ Мерсвѣ.

Роль Помады въ домѣ камергерши нѣсколько измѣнилась. Лѣтнее его положеніе въ домѣ Бахаревыхъ не похоже было на его зимнее здѣшнее положеніе. Лизѣ не нравилось болѣе его неотступное служеніе идеѣ, которую кандидатъ воплотилъ для себя въ Лизѣ, и она его поставила на позицію. Кандидатъ служилъ, когда его призывали къ его службѣ, но уже не пажествовалъ за Лизой, какъ это было зимою, и опять нѣсколько возвратился къ болѣе спокойному состоянію духа, которое въ прежнія времена не оставляло его во весь лѣтній сезонъ, пока Бахаревы жили въ деревнѣ.

Новая встрѣча съ давно знакомыми женскими лицами подѣйствовала на него весьма успокоительно, но во снѣ онъ все-таки часто вздрагивалъ и отчаянно искалъ то косяной пожимкѣ Лизы, то ея носовой платокъ или подножную скамейку.

Многостороннія удобства Лизиной комнаты не совсѣмъ выручали одинъ ея весьма непріятный недостатокъ. Лѣтомъ въ ней съ девяти или даже съ восьми часовъ до четырехъ было до такой степени жарко, что жара этого рѣшительно невозможно было выносить.

Лиза въ это время никакъ не могла оставаться въ своей комнатѣ. Каждое утро, напившись чаю, она усаживалась на легкомъ плетеномъ стулѣ подъ окномъ залы, въ которую

до самаго вечера не входило солнце. Здѣсь Лизѣ не было особенно пріятно, потому что по залѣ часто проходили и сестры, и отецъ, и безпрестанно сновали слуги; но она привыкла къ этой бѣготѣ и не обращала на нее ровно никакого вниманія. Лиза обыкновенно спокойно шла у открытаго окна и ее никто не отвлекалъ отъ работы. Развѣ отецъ иногда придетъ и выкуритъ возлѣ нея одну изъ своихъ безчисленныхъ трубокъ и при этомъ о чемъ-нибудь перемолвится; или няня подойдетъ да посмотреть на ея работу и что-нибудь расскажетъ, впрочемъ, для собственнаго удовольствія. Юстинъ Помада являлся къ обѣду.

Лизу теперь бросило на работу: благо глаза хорошо служили. Она не покидала иголки цѣлый день и только вечеромъ гуляла и читала въ постели. Не только трудно было найти швею прилежнѣе ея, но далеко не всякая изъ швей могла сравниться съ нею и въ искусствѣ.

Отъ полотняной сорочки и батистовой кофты до скромнаго жаконетнаго платья и шелковой мантильи, на ней все было сшито ея собственными руками. Лиза съ жадностью училась работать у Неонила Семеновны и работала, рукъ не покладывая и ни въ чемъ уже не уступая своей учительницѣ.

— Мастерница ты такая!—говорила Марина Абрамовна, разсматривая чистую строчку, которую гнала Лиза на отцовской рубашкѣ, безкорыстно помогая въ этой работѣ Неонилѣ Семеновнѣ.

— Вы, барышня, у насъ хлѣбъ скоро отобьете, — добавляла, любясь тою же мастерской строчкою, Неонила Семеновна.

Лиза подъ окномъ въ залѣ шила себѣ сѣренькое платье изъ суроваго батиста; было утро знойнаго дня; со стола только-что убрали завтракъ, и въ залѣ было совершенно тихо.

Въ воздухѣ стоялъ страшный зной, мигавшій надъ полями трепещущею сѣткою. Озимь налилась и сочное зерно быстро крѣпло, расширяя эластическую ячейку усатаго колоса. Съ деревенскаго выгона, отчаянно вскидывая спутанными передними ногами, прыгали крестьянскія лошади, отмахиваясь головами и хвостами отъ насѣдавшихъ на нихъ мухъ, оводовъ и слѣпней. Деревья, какъ разслабленные, тяжело дремали, опустивъ свои размягченные жаромъ листья, и колосистая рожь стояла неподвижнымъ зелено-

бурымъ моремъ, изнемогая подъ невыносимымъ дыханіемъ лѣтняго бога, наблюдающаго своимъ жаркимъ глазомъ за спѣшною химическою работою въ его необъятной лабораторіи. Только одни листья прибрежныхъ водорослей, то многоугольные, какъ листья «мать и мачиха», то длинные и остроконечные, какъ у нѣкоторыхъ видовъ пустынной пальмы, лѣнливо покачивались, роскошничая на мелкой ряби тихо бѣжавшей рѣчки. Остальное все было утомлено, все потеряло всякую бодрость и, говоря языкомъ поэтовъ: «просило вечера скорѣе у Бога».

Лиза вшила одну кость въ спину лифа и взглянула въ открытое окно. Въ тѣни дома, лежавшей темнымъ силуэтомъ на ярко освѣщенныхъ кустахъ и клумбахъ палисадника, подъ самымъ окномъ, растянулась Никитушкина Розка. Собака тяжело дышала, высунувъ свой длинный языкъ и безпрестанно отмахиваясь отъ докучливой мухи.

— Что, Розанька?—ласково проговорила Лиза, взглянувъ на смотрѣвшую ей въ глаза собаку:—жарко тебѣ? Пойди искупайся.

Собака подобрала языкъ, потянулась и, зѣвая, отвѣтила дѣвушкамъ протяжнымъ «анаай».

Лиза вметала другую кость и опять подняла голову. Далеко-далеко за меревскимъ садомъ по дорогѣ завиднѣлась какая-то точка. Лиза опять поработала и опять взглянула на эту точку. Точка разрасталась во что-то въ родѣ экипажа. Видна стала городская, затяжная дуга и что-то бѣлѣлось; очевидно, это была не крестьянская телѣга. Еще нѣсколько минутъ, и все это скрылось за меревскимъ садомъ, но зато вскорѣ выкатилось на спускъ въ формѣ дрожекъ, на которыхъ сидѣла дама въ бѣломъ кашемировомъ бурнусѣ и соломенной шляпкѣ.

«Кто бы эта такая? — подумала Лиза. — Женни? Нѣтъ, это не Женни; и лошадь не ихъ, и у Женни нѣтъ бѣлаго бурнуса. Охота же ѣхать въ такую жару!» — подумала она и, не тревожа себя дальнѣйшими догадками, спокойно начала зашивать накрѣпку вметанную полоску китоваго уса.

За садовою рѣшеткою послышался тяжелый топотъ лошади, аккомпанируемый сухимъ стукомъ колесъ, и дрожки остановились у крыльца Бахаревского дома.

Розка было поднялась, залаяла, но тотчасъ же досадливо

махнула головою, протянула «анаай», и снова улеглась под свѣсившуюся травку клумбы.

Въ залу вошелъ лакей. Онъ съ замѣшательствомъ тщательно заперъ за собою дверь изъ передней и пошелъ на цыпочкахъ къ коридору, но потомъ вдругъ повернулъ къ Лизѣ и, остановясь, тихо произнесъ:

— Какая-то дама пріѣхали.

— Какая дама?—спросила Лиза.

— Незнакомыя совѣмъ.

— Кто жъ такая?

— Ничего не сказали; барыня спрашиваютъ-сь, дѣло къ нимъ имѣють.

— Ну, такъ чего же ты мнѣ объ этомъ говоришь? Папа въ Зининой комнатѣ,—иди и доложи.

Лакей на цыпочкахъ снова направился къ коридору, а дверь изъ передней отворилась, въ залу вошла пріѣхавшая дама и сѣла на ближайшій стулъ.

Ни Лиза, ни пріѣзжая дама не сочли нужнымъ раскланяться. Дама, усѣвшись, тотчасъ опустила свою голову на руку, а Лиза спокойно взглянула на нее при ея входѣ и снова принялась за иголку.

Пріѣзжая дама была очень молода и недурна собою. Лизѣ казалось, что она ее когда-то видѣла и даже внимательно ее разсматривала, но гдѣ именно—этого она теперь никакъ не могла вспомнить.

По коридору раздались скорые и тяжелые шаги Бахарева, и вслѣдъ затѣмъ Егоръ Николаевичъ, въ бѣломъ кителѣ съ пышнымъ батистовымъ галстучкомъ подъ шею, вступилъ въ залу.

Гостыя приподнялась при его появленіи.

Эксъ-гусаръ подошелъ къ ней, вѣжливо поклонился и ожидалъ, что она скажетъ.

Лиза спокойно шила.

Дама сначала какъ будто немного потерялась и не знала что ей говорить, но тотчасъ же безсвязно начала:

— Я къ вамъ пріѣхала, какъ къ предводителю... Меня некому защитить отъ оскорбленій... У меня никого нѣтъ, и я все должна терпѣть... но я пойду всюду, а не позволю... я пойду пѣшкомъ въ Петербургъ, я скажу самому государю...

— Въ чемъ дѣло? въ чемъ дѣло?—спросилъ съ участіемъ предводитель.

— Мой мужъ... я его не оуждаю и не желаю ему вредить ни въ чьемъ мнѣніи, но онъ подлець, и это всегда скажу... я это скажу всѣмъ, передъ цѣлымъ свѣтомъ. Ояъ, можетъ-быть, и хорошій человекъ, но онъ подлець... И нигдѣ нѣтъ защиты! нигдѣ защиты!

Дама заплакала, удерживая платкомъ рыданія.

— Успокойтесь; Бога-ради, успокойтесь,—говорилъ мягкій старикъ. — Расскажите спокойно: кто вы, о комъ вы говорите?

— Мой мужъ—Розановъ,—произнесла, всхлипывая, дама.

— Нашъ докторъ?

— Ддааа,—простонала дама снова.

Лиза взглянула на гостью и теперь ей хорошо припомнились расхоловшіяся изъ-за платка брови.

Услыхавъ имя Розанова, Лиза быстро встала и начала проворно убирать свою работу.

— Что жъ такое?—спрашивалъ, между тѣмъ, Бахаревъ.

— Онъ разбойникъ, у нихъ вся семья такая и мать его—всѣ они разбойники.

— Но что я тутъ могу сдѣлать?

— Онъ меня мучитъ; я вся исхудала... мое дитя... онъ развратникъ, онъ меня... убьетъ меня.

— Позвольте; Бога-ради, успокойтесь прежде всего.

— Я не могу успокоиться.

Розанова опять закрылась и заплакала.

— Ну, сядьте, прошу васъ,—уговаривалъ ее Бахаревъ.

— Это какъ же... это невозможно... Вы предводитель, вѣдь непременно должны быть разводы.

— Сядьте, прошу васъ,—успокаивалъ Бахаревъ.

По гостинной зашелестѣло шелковое платье; Лиза быстро дернула стулъ и сказала по-французски:

— Папа! да просите же къ себѣ въ кабинетъ.

— Нѣтъ, это все равно,—отозвалась Розанова:—я ничего не боюсь, мнѣ нечего бояться, пусть всѣ знаютъ...

Лиза вышла и, встрѣтивъ въ гостинной Зину, сказала ей:

— Не ходи въ залу: тамъ папа занятъ.

— Съ кѣмъ?

— Тамъ съ дамой какой-то, — отвѣчала Лиза и прошла съ работою въ свою комнату.

Передъ обѣдомъ къ ней зашла Марина Абрамовна.

— Слышала ты, мать моя, камедь-то какая? — спросила старуха, опершись ладонями о Лизинъ рабочій столикъ.

— Какая?

— Дохторша-то! Экая шальная бабешка: на мужа-то чи-чи-чи такъ и стрекочить. А твоя маменька съ сестрицами, замѣсть того, чтобъ съудержать глуую, еще съ нею флифанты разсуждаютъ.

— Какъ, маменька съ сестрами? — спросила удивленная Лиза.

— Да какъ же: вѣдь она у маменьки на постели лежитъ. Шнуровку ей распустили, лодеколономъ брызгаютъ.

— Гм!

Лиза незамѣтно улыбнулась.

— Камедь! — повторила нараспѣвъ старуха, обтирая полотенцемъ губы, и на ея умномъ старческомъ лицѣ тоже мелькнула проницательная улыбка.

— Этакая аларма, право! — произнесла старуха, направляясь къ двери и, вздохнувъ, добавила: — наслать же Господь на такого простодушнаго барина, да этакого, — прости Господи, — чорта съ рогами.

Выйдя къ обѣду, Лиза застала въ залѣ всю семью. Тутъ же была и Ольга Александровна Розанова, и Юстинъ Помада.

Розанова сидѣла подь окномъ, окруженная Ольгой Сергѣевной и Софи. Передъ ними стоялъ, держа сзади фуражку, Помада, а Зина, съ многозначительной миной на лицѣ, тревожно ходила взадъ и впередъ по залѣ.

— Лиза! *madame* Розанова, очень пріятное знакомство, — проговорила Ольга Сергѣевна вошедшей дочери. — Это моя младшая дочь, — отнеслась она къ Ольгѣ Александровнѣ.

— Очень пріятно познакомиться, — проговорила Розанова съ сладкой улыбкой и тѣмъ самымъ тономъ, которымъ, по нашему соображенію, хорошая актриса должна исполнять главную роль въ пьесѣ: «Въ людяхъ ангель—не жена».

Лиза поклонилась молча и, подавъ мимоходомъ руку Помадѣ, стала у другого окна.

Все существо кандидата выражало полнѣйшую растерянность и смущеніе. Онъ никакъ не могъ разгадать причину внезапнаго появленія Розановой въ Бахаревскомъ домѣ.

— Когда жъ Дмитрій Петровичъ возвратился? — разспрашивалъ онъ Ольгу Александровну.

— Третьяго дня, — отвѣчала она тѣмъ же ласковымъ голосомъ изъ пьесы: «Въ людяхъ ангель».

— Какъ онъ только живъ съ его перелетами, — сочувственно отозвался Помада.

— О-о! онъ очень здоровъ, ему это ничего не значитъ, — отвѣчала Розанова тѣмъ же нѣжнымъ голосомъ, но съ особымъ отгѣнкомъ.

Лиза полуоборотомъ головы взглянула на собранный ротикъ и разлетающіяся бровки докторши и снова отвернулась.

— Ему, я думаю, еще веселѣе въ разъѣздахъ, — просто-на-пола Ольга Сергѣевна.

— Натура сносливая, — шутя замѣтилъ простодушный Помада. — Вода у нихъ на Волгѣ, —этакой все народъ здоровый, крѣпкій, смышленный.

— Разбойники эти поволжцы, — проговорила Ольга Александровна съ такой веселой и нѣжной улыбкой, какъ будто съ ней ничего не было и какъ будто она высказывала какую-то ласку мужу и его землякамъ.

— Нѣтъ-съ, — талантливый народъ, преталантливый народъ: сколько оттуда у насъ писателей, артистовъ, ученыхъ! Преталантливый край! — расписывалъ Помада.

Подали горячее и сѣли за столъ. За обѣдомъ Ольга Александровна совсѣмъ развеселилась и подтрунивала вмѣстѣ съ Софй надъ Помадою, который, однако, очень находчиво защищался.

— Какъ пріѣхала сюда Розанова? — спросилъ онъ, подойдя послѣ обѣда къ Лизѣ.

— Не знаю, — отвѣтила Лиза и ушла въ свою комнату.

— Няня, расскажи ты мнѣ, какъ къ вамъ Розанова пріѣхала? — отнесся Помада къ Абрамовнѣ.

— На мужа, батюшка, барину жалобу произносила. Чтò же хорошей дамѣ и дѣлать, какъ не на мужа жаловаться? — отвѣчала старуха.

— Ну, а съ Ольгой Сергѣевной какъ же она познакомилась?

— Дурноты да перхоты разные приключились у барина въ кабинетѣ, ну, и сбѣжался всѣ.

— И Лизавета Егоровна?

— Эта чохъ-мохъ-то не любитъ. Да она про то-жъ, спасибо, и не слыхала.

Немного спустя послѣ обѣда, Лизу попросили въ угольную кушать ягоды и дыню.

Все общество здѣсь снова было въ сборѣ, кромѣ Егора Николаевича, который, по славянскому обычаю, пошелъ къ себѣ всхрапнуть на диванѣ.

Десертъ стоялъ на большомъ столѣ, за которымъ на угольномъ диванѣ сидѣла Ольга Сергѣевна, выбирая булавкой зрѣлыя ягоды малины; Зина, Софи и Розанова сидѣли въ углу за маленькимъ столикомъ, на которомъ стояла чепечная подставка. Помада сидѣла поодаль, ближе къ гостиной, и ѣлъ дыню.

Около Розановой стояла тарелка съ фруктами, но она къ нимъ не касалась. Ея пальцы быстро собирали рюшъ, ловко группировали его съ мелкими цвѣточками и приметывали все это къ висѣвшей на подставкѣ наколкѣ.

— Какъ мило!—стонала Ольга Сергѣевна, глядя на работу Розановой и сминая въ губахъ ягодку малины.

— Очень мило!—воскликала томно Зина.

— Все такъ сэмпль, это вамъ будетъ къ лицу, тапан,— утверждала Софи.

— Да, я люблю сэмпль.

— Теперь все дѣлаютъ сэмпль — это гораздо лучше,— замѣтила Ольга Александровна.

Лиза сидѣла противъ Помады и съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣла черезъ его плечо на непріятный ротъ докторши съ бѣленькими, дробными мышинными зубками и на ея брови, разлетающіяся къ вискамъ, какъ крылья копчика, отчего этотъ лобъ получалъ какую-то странную форму, не безобразную, но весьма непріятную для каждаго привыкшаго искать на лицѣ человѣка чертъ, болѣе или менѣе выражающихъ содержаніе внутренняго міра.

— Я вамъ говорю, что у меня тоже есть свой талантъ,— весело произнесла докторша.

Затѣмъ она встала и, подойдя къ Ольгѣ Сергѣевнѣ, начала примѣривать на нее наколку.

— Мило!

— Очень мило!

— Очень мило!—раздавалось со всѣхъ сторонъ.

— Я думаю завести мастерскую.

— Что-жъ, прекрасно будетъ, — отвѣчала Ольга Сергѣевна.

— Никакой трудъ не постыденъ.

— Разумѣется.

— Кто жъ будетъ покупать ваши произведенія? — вмѣшался Помада.

— Кому нужно, — отвѣчала съ веселой улыбкой Ольга Александровна.

— Всѣ изъ губернскаго города выписываютъ.

— Я стану работать дешевле.

— Вставать надо рано.

— Буду вставать.

— Не будете.

— О, не беспокойтесь, буду. Работа займетъ.

— Чего жъ вы теперь не встаете?

— Вы не понимаете, Юстинъ Феликсовичъ: тогда у нея будетъ свое дѣло, она будетъ и знать для чего трудиться. А теперь на что же Ольгѣ Александровнѣ?

— Развѣ докторъ и дочь не ея дѣло? — спокойно, рѣзко замѣтилъ Помада.

Ему никто ничего не отвѣтилъ, но Ольга Сергѣевна, помолчавъ, протянула:

— Всякій трудъ почтененъ, всякій трудъ заслуживаетъ похвалы и поощренія и не унижаетъ человѣка.

Ольга Сергѣевна произнесла это, не ожидая ни откуда никакого возраженія, но, къ величайшему удивленію, Помада вдругъ, не въ бровь, а прямо въ глаза, бухнулъ:

— Это разсуждать, Ольга Сергѣевна, такъ отлично, а сами вы модистку въ гости не позовете и за столъ не посадите.

Это возраженіе сильно не понравилось матери, двумъ дочерямъ и гостѣ, но зато Лиза взглянула на Помаду ободряющимъ и удивленнымъ взглядомъ, въ которомъ въ одно и то же время выражалось: «вотъ какъ ты нынче!» и «валяй, братъ, валяй ихъ смѣлѣ!»

Но этотъ взглядъ былъ такъ быстръ, что его не замѣтилъ ни Помада, ни кто другой.

— Мнѣ пора ѣхать, — послѣ нѣкоторой паузы проговорила Розанова.

— Куда же вы? Пойдите у насъ чаю, — остановили ее Зина и Ольга Сергѣевна.

— Нѣтъ, пора: меня ждетъ... — Ольга Александровна картинно вздохнула и досказала: — меня ждетъ мой ребенокъ.

— А то остались бы. Мы поѣхали бы на озеро: тамъ есть лодка, покатались бы.

— Ахъ, я очень люблю воду! — воскликнула Ольга Александровна.

Въ концѣ концовъ Розанова уступила милымъ просьбамъ и на конюшню послала приказаніе готовить долгуши.

Лиза тихо вышла и, пройдя черезъ гостиную и залу, вошла въ кабинетъ отца.

— Вы спите, папа! Пора вставать, — сказала она, направляясь поднять штору.

Бахаревъ спалъ въ одномъ жилетѣ, закрывъ свое лицо отъ мухъ синимъ фуляромъ.

— Что, мой другъ? — спросилъ онъ, сбрасывая съ лица платокъ.

— Я хочу васъ о чемъ-то просить, папа.

— О чемъ, Лизочка?

— Не вмѣшивайтесь вы въ это дѣло.

— Въ какое дѣло?

— Да вотъ въ эту жалобу.

— Охъ, и не говори! Самому мнѣ смерть это неприятно.

— И не мѣшайтесь.

— Онъ такой милый; всѣ мы его любимъ; всегда онъ готовъ на всякую услугу, и за тобой онъ ухаживалъ, а тутъ вдругъ налетѣла, та-та-та, и вотъ тебѣ цѣлая вещь.

— Не мѣшайтесь, папа, не мѣшайтесь.

— Разумѣется. Семейное дѣло, вспышка женская. Она какая-то взбалмошная.

— Она дрянъ, — сказала Лиза съ презрительной гримасой.

— Ну-у, ужъ ты — вторая тетушка Агнесса Николаевна! Гдѣ она, Розанова-то?

— Въ рошу ѣдетъ, по озеру кататься.

— Въ рошу-у?

— Да.

Старикъ расхохотался неудержимымъ хохотомъ и закашлялся.

Лиза не поѣхала на озеро и Бахаревъ тоже. Ыздили однѣ дамы съ Помадой и возвратились очень скоро.

Сумерками Розанова, уѣзжая, перецѣловала всѣхъ совершенно фамиллярно. Съ тою же теплотою она обратилась было и къ Лизѣ, но та холодно отвѣтила ей: «прощайте» и сдѣлала два шага въ сторону.

Прощаясь съ Бахаревымъ, Розанова не возобновила никакой просьбы, а старикъ, шаркнувъ ей у двери, сказалъ:

— Кланяйтесь, пожалуйста, отъ меня вашему мужу,— и, возвратясь въ залъ, опять залился веселымъ хохотомъ.

— Чего это? чего это? — съ недовольной миной спрашивала Ольга Сергѣевна, а Бахаревъ такъ и закатывался.

Лиза понимала этотъ хохоть.

— Бѣдный Дмитрій Петровичъ! — говорилъ Помада, ходя съ Лизою передъ ужиномъ по палисаднику. — Каково ему это выносить! Каково это выносить, Лизавета Егоровна! Скандаль! срамъ! сплетни! Жена родная, жена жалуется! Каково! вѣдь это надо имѣть мѣдный лобъ, чтобы еще жить на свѣтѣ.

— И чего она хотѣла!

— Да вотъ пожаловаться хотѣла. Она завтра проспигь до полудня и все съ нея, какъ съ гуся вода. А онъ? Онъ, вѣдь, теперь...

— Чтѣ онъ сдѣлаетъ?

— Заплетъ! — произнесъ Помада, отворачиваясь и смигивая слезу, предательски выбѣжавшую на его сѣрыя сонины вѣки.

Лиза откинула пальцемъ свои кудри и ничего не отвѣчала.

— Туда же къ государю! Всякую этакую шушвару-то такъ тебѣ предъ государя и представляютъ, — ворчала Абрамовна, раздѣвая Лизу и непомѣрно раздражаясь на докторшу. — Вѣдь этакая прыть! «Къ самому царю доступно». Только ему, царю-то нашему, и дѣла, что васъ, шигалицѣ этакихъ, съ мужьями разбирать.

Лиза разсмѣялась.

— Коза драная; право, что коза, — бормотала старуха, крестя барышню и уходя за двери.

Дня черезъ четыре послѣ описаннаго происшествія Помада нашелъ случай съѣздить въ городъ.

— Все это такъ и есть, какъ я предполагалъ, — рассказывалъ онъ, вспрыгнувъ на фундаментъ передъ окномъ, у котораго работала Лиза: — эта сумасшедшая орала, бѣсновалась, хотѣла бѣжать въ одной рубашкѣ по городу къ отцу, а онъ ее удержалъ. Она выбѣжала на дворъ крпчать, — а онъ ей зажалъ рукой ротъ, да впихнулъ назадъ въ комнаты, чтобы люди у воротъ не останавливались: только всего и было.

— Почему-жъ это вы сочли долгомъ тотчасъ же сообщить мнѣ эти подробности?—спросила холодно Лиза.

— Я такъ рассказалъ,—отвѣчалъ сконфузясь Помада и, прыгнувъ съ фундамента, исчезъ за кустами налесадики.

— Папа! дайте мнѣ лошадку съѣздить къ Женни,—сказала Лиза черезъ недѣлю послѣ Помадинаго доклада.

Ей запрягли кабріолеть, она сѣла въ него съ Помадою, вмѣсто грума, и поѣхала.

На дворѣ былъ въ началѣ десятый часъ утра. День стоялъ суровый: ни грозою, ни дождемъ не пахло и тучъ на небѣ не бѣло, но кругомъ все было сѣро и тянуло холодомъ. Народъ говорилъ, что непременно гдѣ-нибудь недалеко градъ выпалъ.

На хорошей лошади отъ Мерева до уѣзднаго города было всего часъ ѣзды, особенно холодкомъ, когда лошадь не донимаетъ ни муха, ни расслабляющій припекъ солнца.

Лиза проѣхала всю дорогу, не сказавъ съ Помадою ни одного слова. Она вообще не была въ расположеніи духа, и въ сѣромъ воздухѣ, нагнетенномъ низко ползущимъ небомъ, было много чего-то такого, что неприятно дѣйствовало на окисленіе крови и дѣлало человѣка способнымъ легко тревожиться и раздражаться.

Съ пьяными людьми часто случается, что, идучи домой, единымъ Божиимъ милосердіемъ хранимы, въ одномъ какомъ-нибудь расположеніи духа, они помнятъ откуда они идутъ, а взявшись за ручку двери, неожиданно впадаютъ въ совершенно другое настроеніе, или вовсе теряютъ понятіе о всемъ, что было съ ними прежде, чѣмъ они оперлись на знакомую дверную ручку. Съ трезвыми людьми происходитъ тоже что-то въ родѣ этого. До двери идетъ одинъ человѣкъ, а въ дверь ни съ того, ни съ сего войдетъ другой.

Вѣхавъ на училищный дворъ и бросивъ Помадѣ вожжи, Лиза бодро вѣхала на крылечко, которымъ входили въ кухню Гловацкихъ.

Лиза съ перваго визита всегда входила къ Гловацкимъ черезъ эти двери, и теперь она отперла ихъ безъ всякаго расположенія молчать и сунуться, какъ во время всей дороги.

Переступивъ черезъ порогъ небольшихъ, но очень чистыхъ и очень свѣтлыхъ дощатыхъ сѣней, Лиза остановилась въ недоумѣніи.

Посреди сѣней, между двухъ оконъ стояла Женни, одѣтая въ мундиръ штатнаго смотрителя. Довольно полнявшій голубой бархатный воротникъ сидѣлъ хомутомъ на ея бѣленькой шейкѣ, а слежавшіяся отъ долгаго неупотребленія фалды далеко разбѣгались спереди и пресмѣшно растягивались сзади на довольно полной юбкѣ платья. Въ рукахъ Женни держала треугольную шляпу и тщательно водила по ней горячимъ утюгомъ, а возлѣ нея, на доскѣ, закрывавшей кадку съ водою, лежала шпага.

— Что это такое?—спросила, смѣясь, Лиза.

— Ахъ, Лиза, душка моя! Вотъ кстати-то пріѣхала,—вскрикнула Женни и, обнявъ подругу, придавила ей ухо мѣдною пуговицею мундирнаго обшлага.

— Что это такое?—переспросила снова Лиза, осматривая Гловацкую.

— Что?

— Да зачѣмъ ты въ мундирѣ? На службу, что ли, поступаешь?

— Ахъ, объ этомъ-то! Я держу Пелагеѣ мундиръ, чтобъ ей было ловчѣе чистить.

Тутъ Лиза увидѣла Пелагею, которая, стоя на колѣняхъ сзади Гловацкой, ревностно отскребала ногтемъ какое-то пятно, лѣтъ пять тому назадъ попавшее на конецъ фалды мундира Петра Лукича.

— Ты вѣдь не знаешь, какая у насъ тревога!—продолжала Гловацкая, стоя попрежнему въ отцовскомъ мундирѣ и снова принявшись за утюгъ и шляпу, положенные на время при встрѣчѣ съ Лизой:—сегодня, всего съ часъ назадъ, пріѣхалъ чиновникъ изъ округа отъ попечителя,—ревизовать будетъ. И папа, и учителя всѣ въ такой суматохѣ, а Яковлевича взяли на парадномъ подъѣздѣ стоять. Говорятъ, скоро будетъ въ училищѣ. Папа тамъ все хлопочетъ и боленъ еще... такъ неприятно, право!

— А-у,—такъ вотъ это что!

Въ сѣни вошелъ Помада.

— Евгения Петровна! Что это?! —воскликнулъ онъ; но прежде чѣмъ ему кто-нибудь отвѣтилъ, изъ кухни выбѣжалъ Петръ Лукичъ въ бѣломъ жилетѣ съ торчавшею сбоку рыжею португесею.

— Мундиръ, мундиръ! давай, давай, Женюшка, ужъ некогда чиститься. Ахъ, Лизанька, извините, другъ мой, что

я въ такомъ видѣ. Бѣгаю по дому, а вы вонъ куда зашли... поди тутъ. Охъ, Женни, да давай, матушка, что ли!

Пока Женни сняла съ себя мундиръ, отецъ надѣлъ треуголку и засунулъ шпагу, но, надѣвъ мундиръ, почувствовалъ, что эфесу шпаги неудобно находится подъ полою, снова выдернулъ это смертоносное орудіе и, держа его въ лѣвой рукѣ, побѣжалъ въ училище.

— Пойдемъ, Лиза, я тебя напою шоколадомъ: я давно берегу для тебя палочку; у меня нынче есть отличныя сливки,—сказала Женни, и онѣ пошли въ ея комнату, между тѣмъ какъ Помада юркнулъ за двери и исчезъ за ними.

Черезъ пять минутъ онъ явился въ комнату Евгеніи Петровны, гдѣ сидѣла одна Лиза, и, наклонясь къ ней, прошепталъ:

— «Статскій совѣтникъ Сафьянось».

— Что такое-е? — съ удареиёмъ и наморщивъ бровки спросила Лиза своимъ обыкновеннымъ голосомъ.

— Статскій совѣтникъ Сафьянось, — опять еще тише прошепталъ Помада.

— Что же это такое? Пароль или лозунгъ такой?

Помада откашлянулся, закрывъ ладонью ротъ, и отвѣчалъ:

— Это ревизоръ.

— Фу, Боже мой, какой вы шутъ, Помада!

Кандидатъ опять кашлянулъ, заслоняя ладонью ротъ, и, увидя Евгенію Петровну, входящую съ чашкою шоколада въ рукахъ, произнесъ гораздо громче:—Статскій совѣтникъ Сафьянось.

— Кто это?—спросила, остановясь, Женни.

— Этотъ чиновникъ: онъ только проѣздомъ здѣсь; онъ будетъ ревизовать гимназію, а здѣсь такъ только проѣздомъ посмотритъ,—отвѣчалъ Помада.

Гловацкая, подавъ Лизѣ сухари, исправлявшіе должность бисквитовъ, принесла шоколаду себѣ и Помадѣ. Въ комнатѣ началась сперва бесѣда о томъ, о семъ и ни о чемъ, а потомъ о докторѣ. Но лишь только Женни успѣла сказать Лизѣ: «да, это очень гадкая исторія!»—въ комнату вбѣжалъ Петръ Лукичъ, попрежнему держа въ одной рукѣ шпагу, а въ другой шляпу.

— Женни! обѣдь, обѣдь!—сказалъ онъ, запыхавшись.

— Еще не готовъ обѣдь, папа; рано еще, — отвѣчала Женни, стави торопливо свою чашку.

— Ахъ, Боже мой! Что ты это на смѣхъ, что ли, Женни? Я тебѣ говорю, чтобъ былъ хорошій обѣдъ, что ревизоръ у насъ будетъ обѣдать, а ты толкуешь, что не готовъ обѣдъ. Эхъ, право!

— Хорошо, хорошо, папа, я не поняла.

— То-то «не поняла». Есть когда рассказывать.

Смотритель опрометью бросился изъ дома.

— Боже мой! что я дамъ имъ обѣдать? Когда теперь готовить?—говорила Женни, находясь въ затруднительномъ положеніи дочери, желающей угодить отцу, и хозяйки, обаянной не ударить лицомъ въ грязь.

— Женни! Женни! — кричалъ снова вернувшійся съ крыльца смотритель:—пошли кого-нибудь... да и послать-то некого... Ну, сама сходи скорѣе къ Икону Родивонычу въ лавку, возьми вина... разнаго вина и получше: каркавелло, хересу, кагору бутылочки двѣ и того... полушампанскаго... Или, чортъ знаетъ ужъ, возьми шампанскаго. Да сыру, сыру, пожалуйста, возьми. Они сыръ любятъ. Возьми швейцарскаго, а не голландскаго, хорошаго, поноздраватѣе который бери, да чтобы слезы въ ноздряхъ-то были. Съ слезой, непременно съ слезой.

— Хорошо, папа, сейчасъ пойду. Вы только не беспокойтесь.

— Да... да того... что это, бишь, я хотѣлъ сказать?.. Да! изъ приходскаго - то училища учителя вели позвать, только чтобы одѣлся онъ.

— Онъ рыбу пошелъ удить, я его встрѣтилъ,—проговорилъ Помада.

— Рыбу удить! О, Господи! что это за человѣкъ такой! Ну, хоть отца дьякона: онъ все - таки еще законоучитель. Собѣгайте къ нему, Юстинъ Феликсовичъ.

— А того... Что, бишь, я тоже хотѣлъ?.. Да! Женичка! А Зарницынъ-то хорошъ? Нѣту, всякій понедѣльникъ его нѣту, съ самой весны зарядилъ. О, Боже мой! что это за люди!

Петръ Лукичъ бросился въ залу, заправляя въ десятый разъ свою шпагу въ портупею. Шпага не лѣзла въ свернувшуюся мочку. Петръ Лукичъ сдѣлалъ усиліе, и кожаная мочка портупеи шлепнулась на полъ. Смотритель отчаянно крикнулъ:

— Эхъ, Женни! тоже осматривала!..—швырнулъ на полъ шпагу и выбѣжалъ за двери безъ оружія.

Какъ только смотритель вышелъ за двери, Лиза расхоталась и сказала:

— Проклятый купчишка Абдулинъ! Не видитъ, что у городничаго старая шпага!

Женни тоже было засмѣялась, но при этомъ сравненіи, хотя сказанномъ безъ злого умысла, но не совсѣмъ кстати, сдѣлалась серьезною и незамѣтно подавила тихій дѣвичій вздохъ.

Лиза прочитала болѣе десяти печатныхъ листовъ журнала, прежде чѣмъ раскраснѣвшаяся отъ стоянія у плиты Женни вошла и сказала:

— Ну, слава Богу: все будетъ въ порядкѣ.

Помада объявилъ, что будетъ и дьяконъ, и докторъ, котораго онъ пригласилъ по желанію Женни.

Въ четыре часа въ передней послышался шумъ. Это входили Гловацкій, Саренко, Вязмитиновъ и Сафьяносъ.

— Пузаносто, пузаносто, не безпокойтесь пузаносто,— раздался изъ передней незнакомый голосъ.

Женни вышла въ залу и стала какъ хозяйка.

Входилъ невысокій, толстенькій человекъ, лѣтъ пятидесяти, съ орлинымъ носомъ, черными глазами и кухмистерской рожей.

Вообще грекъ по всѣмъ правиламъ греческой механики и архитектуры. Одѣтъ онъ былъ въ мундирный фракъ мпистерства народнаго просвѣщенія.

Это былъ ревизоръ, статскій совѣтникъ Апостоль Асигритовичъ Сафьяносъ. За нимъ шелъ самъ хозяинъ, потомъ Вязмитиновъ, потомъ дьяконъ Александровскій въ новой рясѣ съ необъятными рукавами и потомъ уже сзади всѣхъ учитель Саренко.

Саренкъ было на видъ за пятьдесятъ лѣтъ; онъ былъ какая-то глыба грязнаго снѣга, въ которой ничего нельзя было разобрать. Самъ онъ былъ великъ и толстъ, но лицо у него казалось еще болѣе всего туловища. Съ полъ-аршина длины было это лицо, при столь же соразмѣрной ширинѣ, но не было на немъ ни слѣда мысли, ни знака жизни. Свиные глазки тонули въ немъ, ничего не выражая, и самую замѣчательною особенностію этой головы была ея странная растительность. Ни на вискахъ, ни на темени у Саренки не было ни одной волосинки и только изъ-подъ воротника по затылку откуда-то выползала довольно черная косица,

которую педагогъ разстилавъ по всей головѣ и въ видѣ лавроваго вѣика соединялъ ея концы надъ низенькимъ лбомъ. Кто-то распустилъ слухъ, что эта косица вовсе не имѣетъ своего начала въ головѣ Саренки, но что у него есть очень хорошиі, густой хвостъ, который педагогъ укладываетъ кверху вдоль своей спины и конецъ его выпускаетъ подъ воротникъ и разстилавъ по черену. Многіе очень серьезно вѣрили этому довольно сомнительному сказанію и разспрашивали цырюльника Козлова о всѣхъ подробностяхъ Саренкинаго хвоста.

Итакъ, гости вошли, и Петръ Лукичъ представилъ Сафьяносу дочь, причемъ тотъ не по чину съежился, и, взглянувъ на роскошный бюстъ Женни, сжалъ кулаки и засосалъ по-гречески губу.

— Оцѣнь радъ, что случай позволяетъ мнѣ имѣть такое знакомство, — заговорилъ Сафьянось.

Женни вскорѣ вышла и вслѣдъ затѣмъ подали холодную закуску, состоящую изъ полотка, ветчины, редиски и сыра съ слезами въ ноздряхъ.

— Пожалуйте, ваше превосходительство! — просилъ Гловацкіи.

— Можно! можно, адмиральтѣйскіи цась ударилъ.

— Давно ударилъ, ваше превосходительство, — бойко отвѣчалъ своимъ бархатнымъ басомъ развязный Александровскіи.

— Вы какую кушаете, ваше превосходительство? — спрашивалъ тихимъ, покорнымъ голосомъ Саренко, держа въ рукахъ графинчикъ.

— Этоу это такое?

— Это рябиновая, — такъ же отвѣчалъ Саренко.

— Нѣтъ, я не пью рябиновая.

— Нехороша, ваше превосходительство, — еще покорнѣе разсуждалъ Саренко: — точно, водка она безвредная, но не во всякое время, и, поставивъ графинъ съ рябиновой, взялся за другой.

— Рябиновая слабѣтъ, — замѣтилъ басомъ Александровскіи: — а вотъ мятная, та крѣпнѣтъ, и калгановка тоже крѣпнѣтъ.

— Это справедливо, — точно высказывая государственныи секретъ, замѣтилъ опять Саренко, наливая рюмку его превосходительству.

Когда Лиза съ Женни вышли къ парадно-накрытому въ залѣ столу, мужчины уже значительно повеселѣли.

Кромѣ лицъ, вошедшихъ въ домъ Гловацкаго вельдъ за Сафьяносомъ, теперь въ залѣ былъ Розановъ. Онъ былъ въ довольно поношенномъ, но ловко сшитомъ форменномъ фракѣ, тщательно выбритый и причесанный, но очень странный. Смирно и потерянно, какъ семинаристъ въ помѣщичьемъ домѣ, стоялъ онъ, скрестивъ на груди руки, у одного окна залы, и по лицу его то тамъ, то сямъ безпрестанно проступали пятна.

Женни подошла къ нему и съ участіемъ протянула свою руку. Докторъ неловко схватилъ и крѣпко пожалъ ея руку, еще неловче поклонился ей передъ самымъ носомъ, и красныя пятна еще сильнѣе забѣгали по его лицу.

Лиза ему очень сухо поклонилась, держа передъ собою стулъ.

Отвѣчая на этотъ сухой поклонъ, докторъ побагровѣлъ сплошную.

Сѣли за столъ.

Женни сѣла въ концѣ стола, Петръ Лукичъ на другомъ. Съ правой стороны Женни помѣстился Сафьяносъ, а за нимъ Лиза.

— Между двухъ прекрасныхъ розъ,—проговорилъ Сафьяносъ, разстилая на колѣняхъ салфетку и стараясь опредѣлить пріятность своего положенія между дѣвушками.

Женни, наливая тарелку супу, струсила, чтобы Лиза не отозвалась на эту любезность словомъ, неотвѣчающимъ обстоятельствамъ, и взглянула на нее со страхомъ, но опасенія ея были совершенно напрасны.

Лиза съ веселой улыбкой приняла изъ рукъ Сафьяноса переданную ей тарелку и ласково сказала: merci.

— Я много слысаль о васемъ папникѣ,—пачаль, обращаясь къ ней, Сафьяносъ:—они много заботятся о просвѣщеніи и завтра непременно хоцу къ нимъ визитъ сдѣлать.

— Пала теиерь дома,—отвѣчала Лиза, и разговоръ нѣсколько времени шелъ въ этомъ тонѣ.

Однако, Сафьяносъ, сидя между двумя розами, не забылъ удостоить своимъ вниманіемъ и подчиненныхъ.

— Оцѣнь созалѣю, оцѣнь созалѣю, отецъ дьяконъ, цто вы оставяетѣ уцлиссе, — отнесся онъ къ Александровскому.—Хуць миѣ некогда било смотрѣть самому, ну, насъ

почтенный хозяинъ рекомендуетъ васъ съ самой лестной стороны.

— Да, покидаю, покидаю. Линія такая подошла, ваше превосходительство, — отвѣчалъ дьяконъ съ развязностью русскаго человѣка передъ сильнымъ лицомъ, которое, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, отнынѣ уже не можетъ попробовать на немъ своей силы.

— Можетъ быть, тамъ тоза захочете заняться?

— Преподаваніемъ? О, нѣтъ! Тамъ уже некогда. То недѣлю нужно править, а тамъ архіерейское служеніе. Нѣтъ, тамъ ужъ не до того.

— Да, да: это точно.

— Въ гору пошелъ нашъ отецъ дьяконъ, — замѣтилъ, относясь къ Сафьяносу, Саренко.

— Да что-зѣ! Талантъ усегда найдетъ дорогу.

— И чудесно это какъ случилось, — заговорилъ Александровскій: — за первенствующаго послѣ смерти протодьякона Павла Дмитріевича ѣздилъ по епархіи Савва Благостынскій. Ну, и всѣ говорили, что онъ будетъ настоящимъ протодьякономъ. Такъ всѣ и думали, и полагали на него. А тутъ пріѣхали владыко къ намъ, литургисаютъ въ соборѣ; меня регентъ Омофоровъ вторствующимъ назначилъ. Ну, я и дѣйствовалъ; при облаченіи еще даже довольно, могу сказать, себя показать, а Апостоль я сталъ чести, Благостынскій и совсѣмъ оробѣлъ. — Александровскій разсмѣялся и потомъ серьезно добавилъ: — Регентъ Омофоровъ тутъ же на закуску у Никона Родивоновича сказалъ: «нѣтъ, говорить, ты, Благостынскій, пвахъ». А тутъ и владычное предписаніе пришло, что быть мнѣ протодьякономъ на мѣсто покойнаго Павла Дмитріевича.

— Тссссъ, сказытэ пузаноста! — воскликнулъ Сафьянось, качая головою.

— Лестно! — произнесъ Саренко.

— Да! — да вѣдь что пріятно-то? — вопрошалъ Александровскій: — то пріятно, что безъ всякихъ это протекцій. Конечно, регенту нужно что-нибудь, презентикъ какой-нибудь этакой, а все же вѣдь прямо могу сказать, что не по искательству, а по заслугамъ отличенъ и почтенъ.

— Ну, конечно, конечно, — подтвердилъ Сафьянось.

Уже доѣдали жаркое, и Женни уже волновалась не подождла бы Пелагея «кудри», которые должны были явиться

на столъ подь малиновымъ вареньемъ, какъ въ окно залы со вздохомъ просунулась лошадиная морда, а съ сѣда веселый голосъ крикнулъ: «хлѣбъ да соль».

Всѣ оглянулись и увидѣли Зарницына.

Онъ сидѣлъ на прекрасной, смѣлой лошади и держалъ у козырька руку въ красножелтой лапковой перчаткѣ.

Увидя чужого человѣка, Зарницынъ догадался, что происходитъ что-то особенное, и отъѣхалъ.

Черезъ минуту онъ картинно вошелъ въ залу въ коротенькой жакеткѣ и съ изящнымъ хлыстикомъ въ огненной перчаткѣ.

Кромѣ дьякона и Лизы, всѣ почувствовали себя очень неловко при входѣ Зарницына, который въ передней успѣлъ мимоходомъ спросить о гостѣ, но, нимало не стѣсняясь своей подчиненностью, бойко подошелъ къ Женни, потомъ пожалъ руку Лизѣ и, наконецъ, изящно и развязно поклонился Сафьяносу.

— Оцѣнъ радъ, — произнесъ Сафьяносъ торопливо, протягивая свою руку.

— Зарницынъ, учитель математикп, — счелъ нужнымъ откомендовать его Гловацкйи.

Сафьяносъ хотѣлъ принять начальственный видъ, даже думалъ потянуть назадъ свою пухлую греческую руку, но эту руку Зарницынъ уже успѣлъ пожать, а въ начальственную форму лицо Сафьяноса никакъ не складывалось по милости двухъ розъ, любезно поздоровавшихся съ учителемъ.

— Мнѣ очень мило, — началъ Зарницынъ: — мнѣ очень мило, хоть теперь, когда я уже намѣренъ оставить родъ моей службы, засвидѣтельствовать вамъ мое сочувствіе за тѣ реформы, которыя хотя слегка, но начинаютъ уже чувствоваться по нашему учебному округу.

«Цортъ возьми, — думалъ Сафьяносъ, — еще онъ мнѣ сочувствія изъявляетъ!» — Но сказалъ только. — Я самъ оцѣнъ радъ сблизиться съ насими сотовариссами.

— Да, настала пора взаимодѣйствія, пора, когда и голова, и сердце понимаютъ, что для правильности ихъ отправлений нужно, чтобы правильно дѣйствовалъ желудокъ. Именно, чтобы правильно дѣйствовалъ желудокъ, чтобы былъ здоровъ желудокъ.

— Желудокъ всему голова, — подтвердилъ дьяконъ.

— Я, пока служилъ, всегда говорилъ это всѣмъ, что верх-

ніе безъ нижнихъ ничего не сдѣлають. Ничего не сдѣлають верхніе безъ нижнихъ; я и теперь, разставаясь съ службой, утверждаю, что безъ нижнихъ верхніе ничего не сдѣлають.

Зарницынъ ловко закинулъ руку за спинку стула, поставленнаго нѣсколько въ сторонѣ отъ Сафьяноса, и щелкнулъ себя по сапогу хлыстикомъ.

— Стуо-зъ, вы разве увольняетесь?—спросилъ Сафьянось.

— Я сегодня буду имѣть честь представить вамъ прошеніе о своемъ увольненіи,—граціозно кланяясь, отвѣтилъ Зарницынъ.

Саренко тихо кашлянулъ и смялъ въ боковомъ карманѣ тщательно сложенный листикъ, на которомъ было кое-что написано про учителя математики, и разгладилъ по теменн концы своего хвоста.

— Стуо-зъ типѣрь карьеры отличныи,—уже совсѣмъ либерально замѣтилъ Сафьянось.

— Я не ишу карьеры. Теперь каждому человѣку много дѣятельности открывается и внѣ службы.

— Да, эти компаніи.

— И безъ компаній.

— Стуо-зъ вы хотите?

Зарницынъ пожалъ многозначительно плечами. еще многозначительнѣе улыбнулся и произнесъ:

— Дѣло у каждаго изъ насъ на всякомъ мѣстѣ, возлѣ насъ самихъ,—и, вздохнувъ гражданскимъ вздохомъ, добавилъ:—именно возлѣ насъ самихъ, дѣло повсюду, повсюду дѣло ждетъ рукъ, доброй воли и умѣнья.

— Это тоцно,—отвѣтилъ Сафьянось, не понимающій, что онъ говоритъ и что за странное такое обращеніе допускаеть съ собою.

— Но нужны, ваше превосходительство, и учителя, и учителя тоже нужны: это фактъ. Я былъ бы очень счастливъ, если бы вы мнѣ позволили рекомендовать вамъ на мое мѣсто очень достойнаго и способнаго молодого человѣка.

— Я усигда готовъ помочь молодымъ людямъ, ну только это положено типѣрь съ согласіемъ близайсаго начальства дѣлать.

— Ближайшее начальство вотъ—Петръ Лукничъ Гловацкій. Петръ Лукничъ! вы желали бы, чтобы мое мѣсто было отдано Юстину Феликсовичу?

— Да, я буду очень радъ.

— И я буду рада,—весело сказала Лиза.

— И вы?—оскаливъ зубы, спросилъ Сафьянось.

— И я тоже, — сказала съ другой стороны закраснѣвшіе Женни.

— И вы?—ослабляясь въ другую сторону, спросилъ ре-визоръ и, тотчасъ же мотнувъ головою, какъ ужъ, въ обѣ стороны, произнесъ: — Ну, поздравьте васега протязе съ мѣстомъ.

— Поздравляю! — сказала Лиза, указывая пальцемъ на Помаду.

Въ шкапу была еще бутылка шампанскаго и ее сейчасъ же распили за новое мѣсто Помады.

Сафьянось первый поднялъ бокалъ и проговорилъ:

— Поздравляю васъ, господинъ Помада, — чокнулся съ нимъ и съ обѣими розами, также державшими въ своихъ рукахъ по бокалу.

— Вотъ случай!—шепталъ кандидатъ, толкая Розанова: — выпей же хоть бокалъ за меня.

— Отстань, не могу я шить ничего, — отвѣчалъ Розановъ.

Въ числѣ различныхъ практическихъ и непрактическихъ странностей, придуманныхъ англичанами, нельзя совершенно отрицать цѣлесообразность обычаевъ, предписывающаго дамамъ послѣ стола удаляться отъ мужчинъ.

Наши дѣвицы очень умно поступили, отираившись тотчасъ послѣ обѣда въ укромную голубую комнату Женни, ибо даже самъ Петръ Лукичъ черезъ часъ послѣ обѣда вошелъ къ нимъ съ неестественными розовыми пятнышками на щекахъ и до крайности умилно восхищался простотою обхожденія Сафьяноса.

— Не узнаю начальственныхъ лицъ: простота и благодушіе!—восклицалъ онъ.

Было уже около шести часовъ вечера, на дворѣ потеплѣло и показалось солнце.

Ученое общество продолжало благодушествовать въ залѣ. Съ каждымъ новымъ стаканомъ Сафьянось все болѣе и болѣе вовлекался въ свою либеральную роль и имъ овладѣвалъ хвастливый бѣсъ многорѣчія, любящій всѣ пьяныя головы вообще, а греческія въ особенности.

Сафьянось уже вволю навралъ объ Одессѣ, о греческомъ клубѣ, о предполагаемыхъ реформахъ по министерству, о стремленіи начальства сблизиться съ подчиненными и о

своихъ собственныхъ многостороннихъ занятіяхъ по округу и по ученымъ обществамъ, которыя избрали его своимъ членомъ.

Всѣ благоговѣнно слушали и молчали. Изрѣдка только Зарницынъ или Саренко вставляли какое-нибудь словечко.

Выбравъ удобную минуту, Зарницынъ всталъ и, отведя въ сторону Вязмитинова, сказалъ:

— Добрыя вѣсти.

— Что такое?

Зарницынъ вынулъ листокъ почтовой бумаги и показалъ нѣсколько строчекъ, въ которыхъ было сказано: «У насъ ужъ на фабрикахъ и въ казармахъ вездѣ поютъ эту пѣсню. Посылаю вамъ ея сто экземпляровъ и сто программъ адреса. Распространяйте, и т. д.»

— И это все опять по почтѣ?

— По почтѣ,—отвѣчалъ Зарницынъ и разсмѣялся.

— Что жъ ты будешь дѣлать?

— Пускать, пускать надо.

— Вѣдь это одно противъ другого пойдетъ.

— Ничего, теперь всѣ во всемъ согласны.

— Ты сегодня совсѣмъ весь толкъ потерялъ.

— Разказывай,—отвѣчалъ Зарницынъ.

— Хоть съ Сафьяносомъ-то будь поосторожнѣе.

— Э! вздоръ! Теперь ихъ ужъ нечего бояться: ихъ надо шевелить, шевелить надо.

Между тѣмъ изъ-за угла показался высокій отставной солдатъ. Онъ былъ босикомъ, въ прежней солдатской фуражкѣ, тарелочкой, въ синей пестрядинной рубашкѣ на выпускъ и въ мокрыхъ холщевыхъ портахъ, закатанныхъ выше колѣнъ. На плечѣ солдатъ несъ три длинныя, гнуткія удилица, съ правильно раскочивавшимися на волосяныхъ лесахъ пошлавками и бечевку съ навязанными на ней карасями, подъязками и плотвой.

— Стую у васъ много рыбы? — освѣдомился Сафьяносъ, взглянувъ на солдата.

— Есть-съ рыба,—таинственно отвѣтилъ Саренко.

— И какъ она... то-есть, я хочу это знать... для русскаго географическаго общества. Это оцѣнъ важно, оцѣнъ важно въ географическомъ отношеніи.

— И въ статистическомъ,—подсказалъ Зарницынъ.

— Да, и въ статистическомъ. Я бы дажѣ хотѣлъ самъ поразспросить этого рыбака.

— Служба! служба! — помануль въ окно угодливый Са-ренко.

Солдаты подошелъ.

— Стань, милый, поближе; тебя генералъ хочетъ спросить.

Услыхавъ слово «генералъ», солдатъ положилъ на траву удильца, снялъ фуражку и вытянулся.

— Ступо ты понимаесть рыба?—спросилъ Сафьянось.

— Понимаю, ваше превосходительство!—твердо отвѣчалъ воинъ.

— Какую ты больше понимаесть рыбу?

— Всякую рыбу понимаю, ваше превосходительство!

— И стерлядь понимаесть?

— И стерлить могу понимать, ваше превосходительство.

— Будто и стерлядь понимаесть?

— Понимаю, ваше превосходительство: длинная этакая рыба и съ носомъ,—шповатая вся. Скусная самая рыба.

— Гм! Ну, а когда ты болсе понимаесть?

Солдаты, растопыривъ врозь пальцы и подумавъ, отвѣчать:

— Всегда равно понимаю, ваше превосходительство!

— Гм! И зимою дозе понимаесть?

Солдаты вовсе потерялся и, выставивъ впередъ ладони, какъ будто держить на нихъ передъ собою рыбу, нерѣшительно произнесъ:

— Намъ, ваше превосходительство, такъ показывается, что все единственно рыба, что лѣтомъ, что зимой, и за-всегда мы ее одинаково понимать можемъ.

Сафьянось далъ солдату за это статистическое свѣдѣніе двугривенный и тотчасъ же запотовалъ въ своей записной книгѣ, что по рѣкѣ Саванкѣ во всякое время года въ изобиліи ловится всякая рыба и даже стерлядь.

— Это все оцѣнь вазно,—замѣтилъ онъ и изъявилъ желаніе взглянуть на самые рыбные затоны.

Затоновъ на Саванкѣ никакихъ не было и удильщики ловили рыбу по колдобинкамъ, но все-таки тотчасъ достали двувесельную лодку и всѣмъ обществомъ поѣхали вверхъ по Саванкѣ.

Докторъ и Вязмитиновъ понимали, что Сафьянось и глупъ, и хвастунъ; остальные не осуждали начальство, а Зарницынъ слушалъ только самого себя.

Лодка доѣхала до самаго Разнискаго оврага, откуда пу-

гачь, сидя надъ черной разсѣлиной, привѣтствовалъ ее крикомъ: «шуты, шуты!» Отсюда лодка поворотила. На дворѣ стояла ночь.

По отъѣздѣ ученой экспедиціи, Пелагея стала мести залу и готовить къ чаю, а Лиза сѣла у окна и, глядя на рѣчную луговину, крѣико задумалась. Она не слыхала, какъ Женни поставила передъ нею глубокую тарелку съ лѣсными орѣхами и ушла въ кухню готовить новую кормежку.

Лиза все сидѣла какъ истуканъ. Можно было поручиться, что она не видала ни одного предмета, бывшаго передъ ея глазами, и если бы судорожное подергиванье бровей, по временамъ, не нарушало мертвой неподвижности ея безжизненно блѣднаго лица, то можно было бы подумать, что ее хватилъ столбнякъ или она такъ застыла.

— Аахъ! — простонала она, выведенная изъ своего состоянія донесшимся до нея изъ Разинскаго оврага зловѣщимъ крикомъ пугача и, смахнувъ со лба тяжелую думу, машинально разгрызла одинъ орѣхъ и столь же машинально перегрызла цѣлую тарелку, прежде чѣмъ цапля, испуганная подъѣзжающей лодкой, поднялась изъ осоки и тяжело замала своими длинными крыльями по синему ночному небу.

— И это люди называются! И это называется жизнь, это среда! — прошептала Лиза при приближеніи лодки и, хрустнувъ пальцами, пошла въ комнату Женни.

Пили чай; затѣмъ Сафьяность, Петръ Лукичъ, Александровскій и Вязмитиновъ усѣлись за пульку. Зарипцынъ явился къ Евгениі Петровнѣ въ кухню, гдѣ въ это время сидѣла и Лиза. За нимъ вскорѣ явился Помада и еще чрезъ нѣсколько минутъ тихонько вошелъ докторъ.

Странно было видѣть нынѣшнюю застѣнчивость и робость Розанова въ домѣ, гдѣ онъ былъ всегда милымъ гостемъ и держался безъ церемоніи.

— Не мѣшаемъ мы вамъ, Евгения Петровна? — застѣнчиво спросилъ онъ.

— Вы—нѣтъ, докторъ, а вотъ Алексѣй Павловичъ тутъ толчется и никакъ его выжить нельзя.

— Погодите, Евгения Петровна, погодите! будетъ время, что и обо мнѣ поскучаете! — шутилъ Зарипцынъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, куда это вы отъ насъ уходите?

— Землю пахать, пахать землю, Евгения Петровна. Надо дѣло дѣлать.

— Гдѣ жъ это вы будете пахать? Мы приѣдемъ посмотрѣть, если позволите.

— Пожалуйста, пожалуйста.

— Вы въ перчаткахъ будете пахать?—спросила Лиза.

— Затѣмъ? Онъ чужими руками все вспашетъ,—пророчилъ Розановъ.

— А ты, Гамлетъ, весь день молчалъ и то заговорилъ.

— Да ужъ очень ты занятенъ нынче.

— Погоди, братъ, погоди,—будетъ время, когда ты перестанешь смѣяться; а теперь прощайте, я нарочно фуражку въ карманѣ вынесъ, чтобы уйти незамѣченнымъ.

Женни удерживала Зарницына, но онъ не остался ни за что.

— Дѣло есть, не могу, ни за что не могу.

— Чья это у тебя лошадь? — спросилъ его, прощаясь, докторъ.

— А что?

— Такъ, ничего.

— Хорошій конь. Это я у Катерины Ивановны взялъ.

— У Кожуховой?

— Да.

— Купилъ?

— Н...нѣтъ, такъ... пока взялъ.

Зарницынъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ по двору послышался легкій топотъ его быстрой арабской лошади.

— Чтѣ это онъ за странности дѣлаетъ сегодня?—спросила Женни.

— Онъ женится,—спокойно отвѣчалъ докторъ.

— Какъ женится?

— Да вы развѣ не видите? Посмотрите, онъ скоро женится на Кожуховой.

— На Кожуховой! — переспросила, расширивъ удивленные глаза, Женни.—Этого не можетъ быть, докторъ.

— Ну, вотъ увидите: она его недаромъ выпускаетъ на своей лошади. А то гдѣ жъ ему землю-то пахать.

— Ей сорокъ лѣтъ.

— Потому-то она и женить его на себѣ.

— Любви всѣ возрасты послушны,—проговорилъ Помада.

Женни и Лиза проницески улыбнулись, но эти улыбки нимало не относились къ словамъ Помады.

— Экая все мразь! — подумала, закусивъ губы, Лиза и

гораздо ласковѣе взглянула на Розанова, который, при всей своей распущенности, все-таки болѣе всѣхъ подходилъ, въ ея понятіяхъ, къ человѣку. Въ его натурѣ сохранилось много простоты, искренности, задушевности, безхитростности и въ то же время живой русской смѣтки, которую онъ самъ называлъ мошенническою философіею. Правда, у него не было недостатка въ нѣкоторой рѣзкости, доходящей иногда до *nes plus ultra*, но о бокъ съ этимъ у него порою шла нѣжнѣйшая деликатность. Онъ былъ неуступчивъ и неспособенъ обидѣть первый никого. Вязмитиновъ давно не нравился Лизѣ. Она не знала о немъ ничего дурного, но во всѣхъ его движеніяхъ, въ его сосредоточенности и сдержанности для нея было что-то неприятное. Она говорила себѣ, что никто никогда не узнаетъ, что этотъ человѣкъ когда сдѣлаетъ. Глядя теперь на покрывшееся пятнами лицо доктора, ей стало жаль его, едва ли не такъ же нѣжно жаль, какъ жалѣла его Женни, и докторши нельзя было бы посовѣтовать заговорить въ эти минуты съ Лизою.

— Гдѣ эта лодка, на которой ѣздили?—спросила Лиза.

— Тутъ у берега,—отвѣчалъ докторъ.

— Я хотѣла бы проѣхаться. Вы умѣете грести?

— Умѣю.

— И я умѣю,—вызвался Помада.

Лиза встала и пошла къ двери. За нею вышли докторъ и Помада.

У самаго берега Лиза остановилась и, обратясь къ кандидатату, сказала:

— Ахъ, Юстинъ Феликсовичъ, вернитесь, пожалуйста, попросите мнѣ у Женни большой платокъ, — сыро что-то на водѣ.

Помада пустился бѣгомъ въ калитку, а Лиза, вспрыгнувъ въ лодку, сказала:

— Гребите.

— А Помада?

— Гребите,—отвѣчала Лиза.

Докторъ ударилъ веслами, и лодочка быстро понеслась по теченію, безпрестанно шурша выпуклыми бортами о прибрежный тростникъ извилистой Саванки.

— Гу-гу-гу-у-ой-іой-іой! — далеко уже за лодкою проstonать овражный пугачъ, а лодка все неслась по те-

ченію и тишина окружающей ее ночи не нарушалась ни однимъ звукомъ, кромѣ мѣрныхъ ударовъ весель и тонкаго серебрянаго плеска отъ падающихъ вслѣдъ за ударомъ брызговъ.

Доѣхавъ до лѣса, Лиза сказала:

— Вернемтесь.

Докторъ залаптилъ лѣвымъ весломъ и, повернувъ лодку, сталъ грести противъ воды съ удвоенною силою.

На небѣ уже довольно высоко проглянула луна. Она играла по мелкой ряби бѣгущей рѣчки и сквозь воду эффектно освѣщала безчисленные мели, то покрытыя водорослями, то тѣневыми наслоеніями струистаго ила.

Лицо доктора было въ тѣни, лицо же Лизы было ярко освѣщено полною луною.

— Докторъ!—позвала Лиза послѣ долгаго молчанія.

— Чтѣ прикажете, Лизавета Егоровна? — отозвался Розановъ.

— Я хочу съ вами поговорить.

Розановъ гребъ и ничего не отвѣтилъ.

— Я хочу говорить съ вами о васъ самихъ,—пояснила Лиза.

Отвѣта снова не было, но усиленный ударъ гребца сказалъ за него: «да, я такъ и думалъ».

— Вы слушаете, по крайней мѣрѣ?—спросила Лиза.

— Я все слышалъ.

— Что, вамъ очень хочется пропасть тутъ? Вѣдь такъ жить нельзя, какъ вы живете...

— Я это знаю.

— Или по-вашему выходить, что еще можно?

— Нѣтъ, я знаю, да только...

— Что только?

— Дѣться некуда.

— Ну, это другой вопросъ. Прежде всего вы глубоко убѣждены въ томъ, что *такъ* жить, какъ *вы* живете, *при вашей обстановкѣ* и при вашемъ характерѣ, жить невозможно?

— Позвольте, Лизавета Егоровна...—послѣ короткой паузы началъ было докторъ; но Лиза его прервала.

— Вы хотите потребовать отъ меня отчета, по какому праву я завела съ вами этотъ разговоръ? По такому же

точно праву, по какому вы помѣшали мнѣ когда-то ночевать въ нетопленомъ домѣ.

— Да нѣтъ, напрасно вы объ этомъ говорите. Я совсѣмъ не о томъ хотѣлъ спросить васъ.

— О чемъ же?

— О томъ, что если вы намѣрены коснуться въ вашихъ словахъ извѣстнаго вамъ скандальнаго событія, то, умоляю васъ, имѣйте ко мнѣ жалость,—оставьте это намѣреніе.

— Фу! Съ чего это вы взяли? Какъ будто это пошлое событіе само по себѣ имѣетъ такую важность...

— Скандаль.

— Дѣло не въ скандаль, а въ томъ, что вы пропадаете, тогда какъ, мнѣ кажется... я, можетъ-быть, и ошибаюсь, но, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что вы еще можете быть очень полезны.

— Я разбить совсѣмъ.

— Для этого-то и нужно, чтобы вы были нѣсколько въ лучшемъ положеніи; чтобы вы были спокойнѣе, счастливѣе: чтобы ваша жизнь наполнялась чѣмъ-нибудь годнымъ.

— Моя жизнь прошла.

— Ну, это хандра и ничего болѣе.

— Нѣтъ ужъ... Энергія моя пропала.

— Тѣмъ настоятельнѣе нужно спастись.

— Какъ? гдѣ спастись? отъ кого? Отъ домашнихъ враговъ спасенія нѣтъ.

— Какой вы вздоръ говорите, докторъ! Вы сами себѣ первый врагъ.

— А отъ себя не уйдешь, Лизавета Егоровна.

— Ну, значить, и говорить не о чемъ, — вспылчиво сказала Лиза, и на ея эффектно освѣщенномъ луною молодомъ личикѣ по мѣстамъ намѣтились черты матери Агнии.

— Чортъ знаетъ, что это, въ самомъ дѣлѣ, за проклятіе лежитъ надъ людьми этой благословенной страны! — проговорила она сама къ себѣ послѣ нѣкотораго раздумья.

Она сердилась на неловкій оборотъ, данный разговору, и насупилась. Докторъ, не разъ опускавшій весла при разговорѣ, сталъ грести съ удвоеннымъ стараніемъ.

Проѣхавъ оврагъ, Лиза сказала совсѣмъ другимъ тономъ:

— Мнѣ все равно, что вы сдѣлаете изъ моихъ словъ, но я хочу сказать вамъ, что вы непременно и какъ можно скорѣе должны уѣхать отсюда. Ступайте въ Москву, въ

Петербургъ, въ Парижъ, куда хотите, но не оставайтесь здѣсь. Вы здѣсь скоро... потеряете даже способность сблизаться.

— Я не могу никуда уѣхать.

— Отчего это?

— Мнѣ жаль ребенка.

— А при васъ хорошо ребенку?

— Все-таки лучше.

— Старайтесь устроить ребенка, ищите каюды, защищайте диссертацию.

— Мнѣ и ее жаль.

— Кого?

— Ее... жену.

Лиза сдѣлала презрительную гримасу и сказала:

— Это даже смѣшно, Дмитрій Петровичъ.

— Да, я знаю, что смѣшно и даже, можетъ быть, глупо.

— Можетъ быть,—отвѣчала Лиза.

— Что-жъ дѣлать?

— Уѣхать, работать, оставить ее въ покоѣ, заботиться о дѣвочкѣ. Другой мѣръ, другіе люди, другая обстановка, все это васъ оживитъ. Стыдитесь, Дмитрій Петровичъ! Вы хуже Помады, котораго вы распекаете. Въсто того, чтобы выбиваться, вы грязнете, тонете, пьете водку... фуй!

Докторъ опустил весла и закрылъ лицо.

— Вы, кажется, плачете?—спросила Лиза.

— Плачу,—спокойно отвѣчалъ докторъ.

— Это ужъ изъ рукъ вонъ! Что, наконецъ, васъ такъ мучаетъ? Докторъ, докторъ! неужели и вы уже стали ничтожествомъ и въ васъ заглохло все человѣческое?

Розановъ долго молчалъ и разомъ спокойно поднялъ голову.

— Что?—спросила глядѣвшая на него Лиза.

— Вы правы.

— Такъ ступайте же, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— У меня нѣтъ денегъ.

— Это вздоръ. У меня есть около двухсотъ рублей моихъ собственныхъ и вы меня обидите, если не возьмете ихъ у меня взаймы.

— Нѣтъ, не возьму.

— Я вамъ сказала, что вы меня обидите и лишите права пріявть со временемъ отъ васъ, можетъ-быть, большую

услугу.—Такъ уѣдете?—спросила она, вставая, когда лодка причаливала къ берегу.

— Уѣду,—рѣшительно отвѣчалъ Розановъ.

— Ваше слово.

— Да.

На берегу показался Помада, сидящій съ свернутымъ большимъ платкомъ на колѣняхъ.

— И еще...—сказала Лиза тихо и не смотря на доктора:—еще... не пейте, Розановъ. Работайте надъ собой и вы объ этомъ не пожалѣете: все будетъ, все прійдетъ, и новая жизнь, и чистыя заботы, и новое счастье. Я меньше васъ вижу, но удивляюсь, какъ это вы можете не видѣть ничего впереди.

Сказавъ это, Лиза оперлась на руку Помады и, дойдя съ нимъ молча до крыльца, прошла тихонько въ комнату Женни.

Докторъ отправился-было домой, но Вязмитиновъ и Гловацкій, высунувшись изъ окна, упростили его зайти.

Въ залѣ опять былъ Зарницынъ, неожиданно возвратившійся съ нѣсколькими бутылками шампанскаго, который просилъ у Гловацкаго позволенія распить.

Общество было на-веселѣ и продолжалась картежная игра.

Сафьяносъ либеральничалъ съ Зарницынымъ и, по временамъ, обращаясь къ Помадѣ, говорилъ:

— Вы, господинъ Помада, подумайте о васемъ слуганіи. Я вамъ ввѣряю постъ, господинъ Помада, вы должны руководить дѣтей къ цести: тѣперъ такое время.

— Именно такое время,—подтверждалъ Зарницынъ.

Докторъ сѣлъ у стола, и семинаристъ философскаго класса, взглянувъ на Розанова, могъ бы написать отличную задачу о внутреннемъ и вѣшнемъ чловѣкѣ. Здѣсь былъ только зоологическій Розановъ, а былъ еще гдѣ-то другой, безплотный Розановъ, который леталъ то около дѣтской кровати съ голубымъ ситцевымъ занавѣсомъ, то около постели, на которой спала женщина съ расходящимися бровями, дерзостью и эгоизмомъ на недурномъ, но искаженномъ злостью лицѣ, то бродилъ по необъятной пустынѣ, ловя какой-то неясный женскій образъ, возлѣ котораго ему хотѣлось упасть, зарыдать, выплакать свое горе и, вставши по одному слову на ноги, начать на-ново жизнь сознательную, съ безтрепетнымъ концомъ въ пятомъ актѣ драмы.

А зоологическій Розановъ машинально наливалъ себѣ пятый стаканъ хересу и молча сидѣлъ, держа на рукахъ свою отяжелѣвшую голову.

Когда далеко летавшій Розановъ возвратился въ себя, онъ не узналъ своего жилища: тамъ былъ чадъ, сквозь который все представлялось какъ-то безобразно и чувствовалась неудержимая потребность лично вмѣшаться въ это безобразіе и сдѣлать еще безобразіе.

— Стуо мнѣ! стуо мнѣ моздно сдѣлать! — восклицалъ Сафьянось, многозначительно засосавъ губу: — у мэнэ есть свой король, свое правительство. Я всегда могу писать король Оттонъ. Стуо мнэ! Наса сторона, хоросая сторона.

— У васъ маслины все ѣдятъ,—замѣтилъ Розановъ.

— Да. У насъ усе, усе растеть. У насъ рыба усякая, камбола такая, съ изюмомъ.

— Больше все одиѣ маслины жрутъ съ прованскимъ масломъ.

— Да, и барабанское масло, и мазулины, усе у насъ, въ насей сторонѣ. Я сицасъ могу туда ѣхать. Я слузылъ въ балаклавская баталіонъ, но сицасъ могу ѣхать. Я имѣю цинъ и мундиръ, но сицасъ могу ѣхать.

— Тамъ на тебя юбку надѣнуть, — вставилъ Розановъ и засмѣялся.

Сафьянось обидѣлся, хозяинъ и гости стѣснились отъ этой неожиданной фамильярности.

— У насъ каздый целовѣкъ усигда мозеть...

— Юбка носить, ха, ха, ха. Вотъ, господа, хорошъ онъ будетъ въ юбкѣ! Пузаноста, поѣзжай, братъ, въ своя сторона. Пузаноста, ха, ха, ха!

Докторъ совсѣмъ ошьянѣлъ.

Вязмитиновъ всталъ, взялъ его подъ руку и тихо вышелъ съ нимъ въ библіотеку Петра Лукича, гдѣ Розановъ скоро и заснулъ на одномъ изъ дивановъ.

Сафьянось понялъ, что сближеніе, сдѣланное имъ экспромптомъ, можетъ его компрометировать и, понюхавъ табаку, сталъ собираться въ гостиницу. Петръ Лукичъ все извинялся и намѣренъ былъ идти извиняться завтра, но сконфуженный Сафьянось тотчасъ же, придя домой, послалъ за лошадьми и уѣхалъ, забывъ даже о своемъ намѣреніи повидаться съ Вахаревымъ. Къ конфузу, полученному имъ по милости Розанова, присоединился новый конфузъ. Снимая

съ себя мундирный фракъ, Сафьяносъ нашель въ лѣвомъ заднемъ карманѣ пачку литографированной пѣсни, пять тоненькихъ брошюрочекъ и проектъ адреса о дарованіи правъ самоуправленія, и проч. Сафьяносъ обомлѣлъ отъ этой находки. Сначала онъ хотѣлъ все это тотчасъ же уничтожить, но потомъ, раздумавъ, сунулъ все въ чемоданъ и уѣхалъ размышляя: откуда бы это взялось въ его карманѣ? Ревизоръ не пришелъ ни къ какой определенной догадкѣ, потому что онъ не надѣвалъ мундира со дня своего выѣзда изъ университетскаго города, и въ день своего отъѣзда таскался въ этомъ мундирѣ по самымъ различнымъ мѣстамъ. Но болѣе всѣхъ его подозрѣнія все-таки вертѣлись около Саренки, который держалъ себя такъ таинственно и очень близко къ нему подсаживался. Саренко, пашедши точно такой же кладъ въ своемъ карманѣ, рѣшилъ, что это ему сунулъ ревизоръ и что, значить, вѣтъ другой вѣтеръ и приходитъ пора зашѣвать другія пѣсни. Онъ измѣнился къ Зарипцину, и по задумчивости Петра Лукича отгадалъ, что и тотъ, послѣ ухода Сафьяноса, вернулся въ свою комнату не съ пустымъ карманомъ. Саренко тщательно спряталъ свою находку и хранилъ строгое молчаніе. Петръ Лукичъ тоже ни о чемъ подобномъ не говорилъ, но изъ губернскаго города дошли слухи, что на пикникѣ всѣмъ гостямъ въ карманы наклали запрещенныхъ сочиненій и даже сунули ихъ нѣсколько экземпляровъ пріѣзжему ученому чиновнику. Сафьяносъ роздалъ всѣ свои экземпляры губернскому бомонду.

— Стою-то такое даже въ воздухѣ носится, — заключалъ онъ, потягивая своимъ греческимъ носомъ.

Вслѣдъ за нимъ въ городѣ началось списыванье и толки о густой сѣти революціонныхъ агентовъ.

Вязмитиновъ, проводя Сафьяноса, вернулся за докторомъ.

Розановъ всталъ, пошатнулся, потомъ постоялъ немножко, закрылъ глаза и, безцеремонно отбросивъ руку Вязмитинова, твердо пошелъ домой по пыльной улицѣ.

— Боже мой! никогда нѣтъ покоя отъ этого негодяя! — пронеслось у него надъ ухомъ, когда онъ проходилъ на цыпочкахъ мимо спальни жены.

— Вы даже скоро дойдете до того, что обижаться перестанете, — прозвучалъ ему другой голосъ, и докторъ, вздохнувъ, повалился на свой продавленный диванъ.

Лиза въ это время все еще лежала съ открытыми глазами и думала: — «нѣтъ, такъ нельзя. Гдѣ же нибудь да есть люди!»

Черезъ два дня она опять заѣхала къ Женни и сказала, что ей нездоровится, позвала Розанова, поговорила съ нимъ нѣсколько минутъ и опять уѣхала.

А затѣмъ начинается проба, который объяснится слѣдующею главою.

ГЛАВА ТРИЦЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Великое переселеніе народовъ и вообще глава, резюмирующая первую книгу.

Обширная пойма. на которую выходили два окна залы Гловацкихъ, снова была покрыта бѣлымъ, пушистымъ снѣгомъ, и просвирнина гусыня снова растаскивала за ноги посѣдѣвшихъ гренадеровъ.

Въ домѣ смотрителя всѣ ходили на цыпочкахъ и говорили вполголоса. Петръ Лукичъ былъ очень трудно боленъ.

Стоялъ сумрачный декабрьскій день и поросилъ снѣгъ; на дворѣ было два часа.

Женни, по обыкновенію, сидѣла и работала у окна. Глаза у нея были наплаканы до-красна и даже нѣсколько припухли.

Въ дверь, запертую изнутри передней, послышался легкій, осторожный стукъ. Женни встала, утерла глаза и отперла переднюю.

Вошелъ Вязмитиновъ.

— Что?—спросилъ онъ, снимая пальто.

— Ничего: все то же самое, — отвѣчала Женни и тихо пошла къ своему столу.

— Папа не спалъ всю ночь и теперь уснулъ очень крѣпко, — сказала Женни, не поднимая глазъ отъ работы.

— Это хорошо. А докторъ былъ сегодня?

— Нѣтъ не былъ; да что, онъ кажется...

— Ничего не понимаетъ, вы хотите сказать?

— Не знаю, и вообще онъ какъ-то не внушаетъ къ себѣ довѣрія. Папа тоже на него не полагается. Вчера съ вечера онъ все бредилъ, звалъ Розанова.

— Да, теперь Розанова поневолѣ вспомнишь.

— Его всегда вспомнишь, не только теперь. Вы давно не получали отъ него извѣстія?

— Давно. Я всего только два письма имѣлъ отъ него

изъ Москвы; одно вскорѣ послѣ его отъѣзда, такъ въ концѣ сентября, а другое въ октябрѣ; онъ на мое имя выслалъ дочери какія-то бездѣлушки.

— А вы ему давно писали?

— Тоже давно.

— Зачѣмъ же вы не пишете?

— Да о чемъ писать-то, Евгенія Петровна?

Разговоръ на нѣсколько минутъ прекратился.

— Я тоже давно не имѣю о немъ никакого извѣстiя: Лиза и о себѣ почти ничего не пишетъ.

— Что она, въ самомъ дѣлѣ, тамъ дѣлаетъ? Вѣдь навѣрное же докторъ у нихъ бываетъ.

— Богъ ихъ знаетъ. Я знаю только одно, что мнѣ очень жаль Лизу.

— И кто бы могъ думать?..—проговорила про себя Женни послѣ нѣкоторой паузы.—Кто бы могъ думать, что все пойдетъ такъ какъ-то... Странно какъ идетъ нынче жизнь!

— Каждому, Евгенія Петровна, его жизнь кажется и странною, и трудною.

— Ну, нѣтъ. Всѣ говорятъ, что нынче какъ-то все пошло скорѣе, что ли, или тревожнѣе.

— Старымъ людямъ всегда представляется, что въ ихъ время все было какъ-то умнѣе и лучше. Конечно, у всякаго времени свои стремленiя и свои заботы: климатъ и тотъ мѣняется. Но только во всемъ, что произошло около насъ съ тѣхъ поръ, какъ вы дома, я не вижу ничего, что было бы изъ ряда вонъ. Зарницынъ женился на Кожуховой, — это дѣло самое обыкновенное. Мужъ ея умеръ, она стала увидать, исторiя съ княземъ стала ей надоѣдать, а Зарницынъ молодъ, хорошиъ, говорить умѣетъ, отчего жъ ей было не женить его на себѣ? Бахарева уѣхали въ Москву, да отчего жъ имъ было и не ѣхать туда, имѣя деньги и дочерей-невѣстъ? Розановъ уѣхалъ потому, что тутъ ужъ его совсѣмъ дошли.

— То-то все и странно. Зарницынъ все толковалъ о свободѣ дѣйствiй, о трудѣ и женился такъ, какъ-то...

— Не беспокойтесь о немъ: онъ очень счастливъ и либералъ еще болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Что жъ ему? Кожухова еще и теперь очень мила, деньги есть, вездѣ прiяты. Бахарева...

— Я о нихъ не говорю, — осторожно предупредила Женни.

— Ну, а доктору нельзя было оставаться.

— Отчего же нельзя? развѣ, думаете, ему тамъ лучше?

— Конечно, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Тутъ было все: и недостатки, и необходимость пользоваться источниками доходовъ, которые ему всегда были гадки, и вражда внѣ дома, и вражда въ домѣ: вѣдь это ка-торга! Я не знаю, какъ онъ до сихъ поръ терпѣлъ.

— Странная его барыня,—проговорила Женни.

— Да-съ, это звѣздочка! Сколько она скандаловъ надѣлала, Воже ты мой! То убѣжить къ отцу, то къ сестрѣ; перевозить да переносить по городу свои вещи. То расходится, то сходится. Люди, которымъ Розановъ сапогъ бы своихъ не далъ чистить, вонь, напримѣръ, какъ Саренкѣ, благодаря ей, хозяйничали въ его домашней жизни, давали совѣты, читали ему нотации. Развѣ это можно вынести?

— Да что, она не любитъ, что ли?

— А Богъ ее вѣдаетъ! Ее никакъ разобрать нельзя. Ее вѣдь если спросить по совѣсти, такъ она и сама не знаетъ, изъ-за чего у нея сыр-боръ горить.

— Не хотять уступить другъ другу. Ему бы ужъ равнодушнѣй смотрѣть на нес, что ли?

— Да вѣдь нельзя же, Евгенія Петровна, чтобъ онъ одобрялъ ея чудотворства. Чужимъ людямъ это случай свои гуманныя словеса въ ходъ пустить, а вѣдь ему они больны.

— Да, это правда, — проронила съ сожалѣніемъ Женни и замѣтила послѣ короткой паузы:—а все-таки она жалка.

— Ни капли она мнѣ не жалка.

Женни покачала неодобрительно головою.

— Право,—подтвердилъ Вязмитиновъ:—что тутъ жалѣть палача. Свѣршая должность, да вѣдь сама такую выбрала.

— Вы думаете—она злая?

— Прежде я этого не думалъ, а теперь утверждаю, что она женщина злая.

- И какъ же онъ ее именно выбралъ?

— Что выбралъ, Евгенія Петровна! Русскій человѣкъ зачастую сапоги покупаетъ осмотрительнѣе, чѣмъ женится. А вы то скажите, что вѣдь Розановъ молодъ и для него возможны не безнадежныя привязанности, а вотъ, сколько лѣтъ его знаемъ, въ этомъ родѣ ничего похожего у него не было.

Женни промолчала.

— Вы не припомните, Николай Степановичъ, когда докторъ сталъ собираться ѣхать въ Москву?—спросила Женни послѣ долгой паузы.

— Не помню, право. Да онъ и не собирался, а какъ-то разомъ въ одинъ день уѣхалъ.

— Это было послѣ того, какъ пріѣзжала сюда Лиза и говорила, что братъ Ольги Сергѣевны выписываетъ ихъ въ Москву.

— Не помню, право. У меня плохая память, да я и не видалъ никакой связи въ этихъ событіяхъ.

— И я тоже... Я только такъ спросила.

— Я не замѣтилъ, какъ это все разсыпалось и мы съ вами остались одни.

— Да,—задумчиво произнесла Женни.

— Вамъ говорилъ Помада, что и онъ собирается въ Москву?

— Говорилъ,—отвѣчала спокойно Женни.

— Сидѣлъ, сидѣлъ сидѣлъ въ Меревѣ, а тутъ разошелся,—замѣтилъ Вязмитиновъ.

Гловацкій кашлянулъ въ своемъ кабинетѣ.

Женни встала, подошла на цыпочкахъ къ его двери, послушала и черезъ пять минутъ возвратилась и снова сѣла на свое мѣсто.

Въ комнатѣ было совершенно тихо.

Женни дошла нитку, вдернула другую и, взглянувъ на Вязмитинова, стала шить снова.

Вязмитиновъ долго сидѣлъ и молчалъ, не сводя глазъ съ Женни.

— Въ самомъ дѣлѣ, я какъ-то ничего не замѣчалъ, — началъ онъ, какъ бы разговаривая самъ съ собою.—Я видѣлъ только себя, и ни до кого остальныхъ мнѣ не было дѣла.

Женни спокойно шла.

— Въ жизни каждого человѣка хоть разъ бываетъ такая пора, когда онъ бываетъ эгонстомъ,—продолжалъ Вязмитиновъ тѣмъ же тономъ, нѣсколько сконфуженно и робко.

— Не должно быть такой поры,—замѣтила Женни.

— Когда человѣкъ... когда человѣку... одно существо начинаетъ замѣнять весь міръ, въ его головѣ и сердцѣ нѣтъ мѣста для этого міра.

— Это очень дурно.

— Но это всегда такъ бываетъ.

— Можетъ быть и не всегда. Почему вы можете знать, что происходитъ въ чужомъ сердцѣ? Вы можете говорить только за себя.

Вязмитиновъ порывисто всталъ и хотѣлъ ходить по комнатѣ.

Женни остановила его среди залы, сказавъ:

— Сядьте, пожалуйста, Николай Степановичъ; папа очень чутко спитъ, его могутъ разбудить ваши шаги, а это ему вредно.

— Простите, Бога ради,—сказалъ Вязмитиновъ и снова сѣлъ противъ хозяйки.

— Евгенія Петровна!—началъ онъ, помолчавъ.

— Что?—спросила, взглянувъ на него, Женни.

— Я васъ давно хотѣлъ спросить...

— Спрашивайте.

— Вы мнѣ будете отвѣчать искренно, откровенно?

— Franchement? — спросила Женни съ легкой улыбкой, которая мелькнула по ея лицу и тотчасъ же уступила мѣсто прежнему грустному выраженію.

— Нѣтъ, вы не смѣйтесь. То, о чемъ я хочу спросить васъ, для меня вовсе не смѣшно, Евгенія Петровна. Здѣсь дѣло идетъ о счастьѣ цѣлой жизни.

Женни слегка смутилась и сказала:

— Говорите.

А сама нагнулась къ работѣ.

— Я хотѣлъ вамъ сказать... и я не вижу, зачѣмъ мнѣ молчать далѣе... Вы сами видите, что... я васъ люблю.

Женни покраснѣла какъ маковъ цвѣтъ, еще пристальнѣе потушила глаза въ работу, и игла быстро мелькала въ ея ручкѣ.

— Я люблю васъ, Евгенія Петровна, — повторилъ Вязмитиновъ: — я хотѣлъ бы быть вашимъ другомъ и слугою на цѣлую жизнь... Скажите же, скажите одно слово!

— Какое вы странное время выбрали! — могла только выговорить совершенно смущенная Женни.

— Развѣ не все равно время?

— Нѣтъ, не все равно: мой отецъ боленъ, можетъ-быть опасенъ, и вы въ такую минуту вызываете меня на отвѣтъ о... личныхъ чувствахъ. Я теперь должна заботиться объ отцѣ, а не... о чемъ другомъ.

— Но развѣ я не заботился бы съ вами о вашемъ отцѣ

и о васъ? Вашъ отецъ давно знаетъ меня, вы тоже знаете, что я люблю васъ.

Гловацкая не отвѣчала.

— Евгения Петровна!—началь опять еще покоряѣ Вязмитиновъ: — я вѣдь ничего не прошу: я только хотѣлъ бы услышать изъ вашихъ устъ одно, *одно* слово, что вы не оттолкнете моего чувства.

— Я васъ не отталкиваю,—прошептала Женни, и на ея шитье скатились двѣ чистыя слезки.

— Такъ вы любите меня? — счастливо спросилъ Вязмитиновъ.

— Какъ вамъ нужны слова!—прошептала Женни и, закрывъ платкомъ глаза, быстро ушла въ свою комнату.

Петру Лукичу послѣ покойнаго сна было гораздо лучше. Онъ сидѣлъ въ постели, обложенный подушками, и пилъ потихоньку воду съ малиновымъ сиропомъ. Женни сидѣла возлѣ его кровати; на столикѣ горѣла свѣча подъ зеленымъ абажуромъ.

Въ восемь часовъ вечера пришелъ Вязмитиновъ.

— Вотъ, Евгения Петровна,—началь онъ послѣ перваго привѣтствія:—Розановъ-то нашъ лежокъ на поминѣ. Только поговорили о немъ сегодня, прихожу домой, а отъ него письмо.

— Что жъ онъ пишетъ вамъ? — спросила Женни, нѣсколько конфузясь того, о чемъ сегодня говорили.

— Ему прекрасно: онъ опредѣлился ординаторомъ въ очень хорошую больницу, работаетъ, готовитъ диссертацию, и тамъ въ больницѣ и живетъ. Кромѣ того перезнакомился тамъ съ разными знаменитостями, съ литераторами, съ артистами. Его очень обласкала извѣстная маркиза де-Бараль; она очень извѣстная, очень просвѣщенная женщина. Ну, и другія около нея, все ужъ такъ сгрушировано, конечно. И въ другихъ кружкахъ, говоритъ, встрѣтилъ отличныхъ людей, честныхъ, энергическихъ. Удивляюсь, говоритъ, какъ я могъ такъ долго вязнуть и гнить въ этомъ болотѣ.

— Ну, это для насъ, куликовъ-то, небольшой комплиментъ,—проговорилъ слабымъ голосомъ больной старикъ.

— А о Лизѣ онъ ничего не пишетъ? — спросила уже смѣляе Женни.

— Иишетъ, что видѣлся съ нею и со всѣми, но далеко, говорить, живу и дѣла много.

— Что-жъ это за маркиза де-Бараль?

— Это извѣстность.

— Молодая она женщина?

— Нѣтъ, судя по тому, сколько лѣтъ ее знаютъ всѣ, она должна быть очень немолодая: ей, я думаю, лѣтъ около пятидесяти.

Прошли святки и время уже подходило къ масленицѣ.

Быль оиать вечеръ.

Гловацкiй обмогался; онъ сидѣлъ на постели и перетиралъ деревянною ложечкою свой нюхательный табакъ на синемъ чайномъ блюдцѣ, а Женни сидѣла у свѣчки съ зеленымъ абажуромъ и читала вслухъ книгу.

Вязмитиновъ вошелъ, поздоровался и сказалъ:

— Знаете, какая новость? Идучи къ вамъ, встрѣтился съ madame Розановой, и она мнѣ возвѣстила, что ѣдетъ на дняхъ къ мужу.

— Въ Москву? — спросили въ одно слово смотритель и его дочь.

— Что-жъ это будетъ? — спросила Женни, поднеся къ губамъ тоненькiй мизинецъ своей ручки.

— Да, любопытенъ бы я былъ, какъ выражается Саренко, видѣть, что тамъ теперь сотворится въ Москвѣ? — произнесъ съ улыбкою Вязмитиновъ.

По мишнiю Женни, шутливый тонъ не долженъ былъ имѣть мѣста при этомъ разговорѣ, и она, подвинувъ къ себѣ свѣчки, начала вслухъ прерванное чтенiе новаго тома русской исторiи Соловьева.

Въ Москву, читатель.

КНИГА ВТОРАЯ. ВЪ МОСКВѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дальнее мѣсто.

Даже въ такія зимы, когда овесъ въ Москвѣ бывалъ по два съ полтиной за куль, навѣрно никому не удавалось нанять извозчика въ Лефортово дешевле, какъ за тридцать копеекъ. Въ Москвѣ ужъ какъ-то укрѣпилось такое убѣжденіе, что Лефортово есть самое дальнее мѣсто *отовсюду*.

Авторъ «*Капризовъ и Раздумья*» позволяетъ себѣ настаивать на томъ, что на землѣ нѣтъ ни одного далекаго мѣста, которое не было бы откуда-нибудь близко. Можно полагать, что выводъ этотъ не лишенъ своей доли основательности, потому что если бы его можно было опровергнуть на основаніи общихъ данныхъ, то ужъ это давно не преминули бы сдѣлать наши ученые. Но въ разсужденіи Лефортова выводъ этотъ перестаетъ имѣть общее значеніе. По крайней мѣрѣ, онъ не можетъ имѣть этого значенія для непосредственной Москвы, въ которой до Лефортова рѣшительно *отовсюду* далеко.

Въ одно погожее августовское утро, по улицамъ, прилегающимъ къ самому Лефортовскому дворцу, шелъ нашъ знакомый докторъ Розановъ. По медленности, съ которою онъ разсматривалъ оригинальный фасадъ стараго дворца и читалъ нѣкоторыя надписи на воротахъ домовъ, можно бы подумать, что онъ гуляетъ отъ нечего дѣлать, или ищетъ квартиры.

Постоявъ передъ дворцомъ, онъ повернулъ въ длинную улицу направо и опять сталъ читать приклеенныя у воротъ бумажки. Одною изъ нихъ объявлялось, что «здѣсь отдаюца чистые, сухіе углы съ жильцами», другою, что «отдаеца большая кухня въ видѣ комнаты у Авдотьи Аликсѣвны, спросить у прачку» и т. п. Наконецъ, надъ одною калиткой докторъ прочелъ: «Слѣдственный приставъ».

Докторъ вынулъ изъ кармана записную книжку, взглянулъ на сдѣланную тамъ замѣтку, потомъ посмотрѣлъ на домъ, на табличку и вошелъ во дворъ.

Домъ этотъ былъ похожъ на многіе дома дефортовской части. Онъ былъ деревянный, на каменномъ полуэтажѣ. По улицѣ онъ выходилъ въ пять оконъ, во дворъ въ четыре, съ подъездомъ сбоку. Каменный полуэтажъ былъ густо выбѣленъ мѣломъ, а деревянный верхъ выкрашенъ грязновато-желтою охрой.

Надъ дверью деревяннаго подъезда опять была дощечка съ надписью: «Слѣдственный приставъ»; въ нижней этажъ вело особое крылечко, устроенное посрединѣ задней части фасада. Направо былъ низенькій флигелекъ въ три окна, но съ двумя крыльцами. По ушаткамъ, стоявшимъ на этихъ крыльцахъ, можно было догадаться, что это кухни. Далѣе шелъ длинный деревяной сарайчикъ, примкнутый къ сосѣдскому забору, и собачья конура съ круглымъ лазомъ.

Тощая цѣнная собака, завидя Розанова, громыхнула цѣпью, выскочила и залаяла.

Докторъ дернулъ за веревочку у подъезда съ надписью: «Слѣдственный приставъ».

Черезъ минуту крючокъ упалъ и въ растворенной двери Розановъ увидѣлъ очень хорошенькую и очень чисто одѣтую семилѣтнюю дѣвочку съ кудрявой русой головкой и съ ямками на розовыхъ щечкахъ.

— Что вамъ надо?—шенелявя, спросилъ ребенокъ.

— Пристава мнѣ нужно видѣть,—отвѣчалъ докторъ.

— Папа одѣваются.

— Пожалуйте, пожалуйста, Евграфъ Федоровичъ сейчасъ выйдутъ,—крикнулъ сверху веселый женскій голосъ изъ разряда свойственныхъ молодымъ москвичкамъ приятныхъ, хотя и довольно рѣзкихъ контральтовъ.

Докторъ взглянулъ наверхъ. Надъ лѣстницею, въ свѣтлой стеклянной галереѣ стояла довольно миловидная, молодая,

бѣлокурая женщина, одѣтая въ голубую холстинковую блузу. Передъ нею на гвоздикѣ висѣлъ форменный вицмундиръ, а въ рукахъ она держала тонкій широкій вѣникъ изъ зеленого клоповника.

«Что бы это за особа такая?» подумалъ Розановъ, по женщина тотчасъ же помогла его раздумью.

— Мужъ сейчасъ выйдетъ, пожалуйста пока въ залу,— сказала она своимъ звонкимъ контральтомъ, указывая вѣникомъ на двери, выкрашенные сѣрою масляною краскою.

«А ничего, миленькая», подумалъ Розановъ и, поклонясь хозяйкѣ, вошелъ въ довольно темную переднюю, изъ которой были открыты двери въ свѣтленькую залуцу.

Въ залѣ было довольно чисто. Въ углу стояло фортепiano, по стѣнамъ ясеневые стулья съ плетенками, вязаные занавѣски на окнахъ и двѣ кѣтки съ веселыми канарейками.

Докторъ не успѣлъ осмотрѣться, какъ въ одну изъ боковыхъ дверей мужской голосъ крикнулъ:

— Даша! что-жъ вицмундиръ-то?

— Сейчасъ, Евграфъ Ѳедоровичъ, сейчасъ,— отвѣтилъ контральтъ изъ галлерей.

— Да гдѣ твоя Устинья?

— Въ лавку побѣжала. Всѣ мурашки у соловья вышли: послала мурашекъ купить.

Дверь пріотворилась и на порогѣ въ залу показался еще довольно молодой человекъ съ южно-русскимъ лицомъ. Онъ былъ въ одномъ жилетѣ и, выглянувъ, тотчасъ спрятался назадъ и проговорилъ:

— Извините.

— Ничего, ничего, Евграфъ, выходи, пожалуйста, поскорѣе,— произнесъ Розановъ, направляясь къ двери.

Приставъ выглянулъ, посмотрѣлъ нѣсколько мгновений на доктора и, крикнувъ:

— Розановъ! дружище! ты ли это?—бросился ему на шею.

Слѣдственный приставъ, Евграфъ Ѳедоровичъ Нечай, былъ университетскій товарищъ Розанова. Хотя они шли по разнымъ факультетамъ, но жили вмѣстѣ и были большіе пріатели.

— Откуда ты взялся?—спрашивалъ Нечай, вводя Розанова въ свой незатѣйливый кабинетъ.

— Мѣста пріѣхаль некагы,—отвѣчалъ Розановъ, чувствуя самую непріятную боль въ сердцѣ.

— Охъ, эти мѣста, мѣста!—проговорилъ Нечай, почесывая въ затылкѣ.

— И не говори.

— А протѣкцѣи масишь?

Нечай имѣлъ общую многимъ малороссамъ черту. Несмотря на долгое пребываніе въ Москвѣ, онъ любилъ мѣшать свою русскую рѣчь съ малороссійскою, а если съ кѣмъ могъ, то и совсѣмъ говорилъ по-малороссійски. Докторъ же свободно понималъ это нарѣчіе и кое-какъ могъ на немъ объясняться по нуждѣ, или шутки ради.

— Ни, братику, жаднои не маю,—отвѣчалъ докторъ.

— Это кепсько.

— Ну, якъ зауважишь.

— А со всей фамиліей придрапавъ?

— Нѣтъ, семья дома осталась.

— Ну, это еще байдуже; а вотъ якъ бы у купи, то вай, вай, вай... лягай, та и помри, то шкоды только-жъ.

— Нѣтъ, я одинъ здѣсь,—невесело проронилъ докторъ.

— И давно?

— Вотъ ужъ другая недѣля.

— Что-жъ ты дося ховався?

— Да такъ. То въ университетъ ходилъ, то адреса твоего не зналъ. Да и вообще какъ-то...

— Ты, коллежка, не спѣши носъ-то вѣшать; живы будемъ и хлиба добудемъ. А ты съ моей бабой, вѣдь, не знакомъ?

— Нѣтъ; когда-жъ я тебя видѣлъ? Я даже не зналъ, что ты и женился.

— Даша!—крикнулъ Нечай.

Вошла молодая женщина, встрѣтившая Розанова на лѣстницѣ.

— Вотъ тебѣ моя московка: баба добрая, жалѣетъ меня: поздоровъ ее Боже за это. Это мой старыи товарищъ, Даша,—отнесся Нечай къ женѣ.

— Очень рада,—произнесла привѣтливо жена Нечая.— Вы гдѣ остановились?

— Я у Чельшева.

— Это возлѣ театра, знаю; дорого тамъ?

— Да... такъ себѣ.

— Ты что платишь?

— Да по рублю въ сутки.

— Фю, фю, фю! Этакъ, братъ, тебѣ накладно будетъ.

— Вы бы искали квартиру постоянную.

— Да не знаю еще, зачѣмъ искать-то? — отвѣтилъ докторъ.— Можетъ быть въ Петербургъ придется ѣхать.

— А вы какъ тутъ: по дѣламъ?

Розановъ разсказалъ въ короткихъ словахъ цѣль своего появленія въ Москвѣ.

— Да, такъ, конечно, пока что будетъ, устроиваться нельзя,—замѣтила жена Нечая и сейчасъ же добавила:— Евграфъ Ѳедоровичъ! да что вы къ намъ-то ихъ, пока что будетъ, не пригласите? Пока что будетъ, пожилы бы у насъ,—обратилась она привѣтливо къ Розанову.

Такой это былъ простой и искренній привѣтъ, что не смѣшалъ онъ доктора и не сконфузилъ, а только съ самаго его прѣзда въ Москву отъ этихъ словъ ему впервые сдѣлалось веселѣе и отраднѣе.

— И до правды! Ай да Дарья Аванасьевна, что ты у меня за умница. Чего, въ самомъ дѣлѣ: переѣзжай, Розановъ; часомъ съ тобою въ шахы заграемъ, часомъ старину вспомнимъ.

Докторъ отговаривался, а потомъ согласился, выговорить себѣ только, однако, право платить за столъ.

Въ существѣ, онъ плохо и отговаривался. Простая теплота этихъ людей манила его въ ихъ тихій уголокъ изъ грязнаго челяшевскаго номера.

— А вотъ тебѣ мое потомство, — рекомендовалъ Нечай, подводя къ Розанову кудрявую дѣвочку и коротко остриженнаго мальчика лѣтъ пяти. — Это Милочка, первая наслѣдница, а это Грицко Голопупенко, второй экземпляръ, а тамъ въ спальнѣ есть третій, а четвертаго Дарья Аванасьевна еще не показываетъ.

— Ого, братъ!—проговорилъ Розановъ.

— Да, братику, Господь памятуеть, — отвѣчалъ Нечай, крикнувъ и отпуская дѣтей.

— А гроши есть?

— Чортъ ма. Ничего нѣтъ.

— Какъ же живешь?

— А отъ и живу, якъ горохъ при дорози.

— И мѣсто у тебя неприятное такое.

— И не кажи лучше. Сказываю тебѣ: живу, якъ горохъ при дорожнѣ: кто йда, то и скубне. Э! Бодай она неладна була ся жисть проклятая, якъ о ней думать. Отъ пожалѣлъ еще Господь, что жену далъ добрую; а то бы, просто, хоть повѣситься.

— Доходовъ пѣтъ?

— Бываетъ иной разъ, да что это!..

— Погано, братель, знаю, что погано.

— А нельзя и безъ того.

— Знаю.

Пріятели оба вздохнули.

— У тебя жена здѣшняя?—спросилъ Розановъ.

— Здѣшняя; дяконская дочь съ Арбата. А ты, Дмитрій, счастливъ въ семьѣ?

— Да, ничего, — отвѣчалъ докторъ, стараясь смотрѣть въ сторону.

Въ тотъ же день Розановъ передъ вечеромъ переѣхалъ изъ чельшевскихъ номеровъ къ Нечаю и поселился въ его кабинетѣ, гдѣ Дарья Аванасьевна поставила желѣзную кровать, ширмы и маленькій комодецъ.

Докторъ былъ очень тронуть этимъ теплымъ вниманіемъ и, прощаясь послѣ ужина, крѣпко пожалъ хозяевамъ руку.

— А этотъ вашъ пріятель, Евграфъ Фодоровичъ, очень несчастливъ чѣмъ-то, — говорила мужу, раздѣваясь, Дарья Аванасьевна.

— Почему ты такъ думаешь, Даша?

— Да такъ, я ужъ это вижу. Какъ онъ вечеромъ сталъ ласкать нашу Милочку, я сейчасъ увидала, что у него въ жизни есть большое несчастье.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первые дни и первыя знакомства.

Нечай только напрасно рассчитывалъ вспоминать съ Розановымъ на свободѣ старину или играть съ нимъ въ шахи. Ни для того, ни для другого у него не было свободного времени. Утро выгоняло его изъ дома и поздній вечеръ не всегда заставлялъ его дома.

Тяжелая, неблагоприятная, безпокойная и многоотвѣтственная служба поглощала все время пристава. Она не дозволяла ему даже налюбоваться семьей, для которой онъ былъ и слугой, и кормильцемъ. Даже, возвратясь домой, онъ не

имѣлъ свободнаго времени. Все корпѣлъ онъ надъ своими запутанными и перепутанными слѣдственными дѣлами.

Дарью Аванасьевну очень огорчала такая каторжная жизнь мужа. Она часто любила помечтать, какъ бы имъ выбиться изъ этой проклятой должности, а самъ Нечай даже ни о чемъ не мечталъ. Онъ везъ, какъ ломовая лошадь, которая, шатаясь и дрожа, вытягиваетъ возъ изъ одного весенняго зазора, для того, чтобы попасть съ нимъ въ другой, потому что свернуть въ сторону некуда.

Благодаря строгой бережливости Дарьи Аванасьевны, въ домѣ Нечая не было видно грязной, неряшливой нужды, но концы едва-едва сходились съ концами и чистенькая бѣдность была видна каждому, кто умѣлъ бы повсмотрѣться въ дѣтскія платища и перештопаные холстинковые капотики самой Дарьи Аванасьевны.

Сравнивая повременамъ здѣшнюю жизнь съ своею уѣздною, Розановъ находилъ, что тутъ живется гораздо потруднѣе, и переполнялся еще большимъ почтеніемъ и благодарностью къ Нечая и особенно къ его простодушной женѣ. Съ ней они съ перваго же дня стали совершенно своими людьми и довѣрчиво болтали другъ съ другомъ обо всемъ, что брело на умъ.

Въ концѣ второй недѣли послѣ переѣзда къ Нечаямъ, докторъ, рывшійся каждый день въ своихъ книгахъ и запискахъ, сшилъ изъ бумаги большую тетрадь и сталъ писать психіатрическую диссертацию. Наверху, подъ заглавіемъ, Розановъ выставилъ очень красивое мѣсто изъ апофтегмъ Гиппократа: «*Quod medicamenta non sanant—ignis sanat, quod ignis non sanat—ferrum sanat, quod ferrum non sanat—mors sanat*». *Hippocrates: Apophthegmata*. То есть: чего не вылѣчиваютъ лѣкарства—вылѣчиваетъ огонь; чего не вылѣчиваетъ огонь—вылѣчиваетъ желѣзо; чего не вылѣчиваетъ желѣзо—вылѣчиваетъ смерть».

Но на этомъ и стала докторская диссертация лѣкаря *cum eximia laude* Дмитрія Розанова. Скоро ему стало не до диссертациі.

Въ томъ каменномъ полуэтажѣ, надъ которымъ находилась квартира Нечая, было также пять жилыхъ комнатъ. Три изъ нихъ занимала хозяйка дома, штабсъ-капитанша Давыдовская, а двѣ нанималъ корректоръ одной большой московской типографіи, Ардаліонъ Михайловичъ Араповъ.

Давыдовская была дородная, бѣлокурая барыня съ пробормъ на боку, съ побѣдоноснымъ взоромъ, веселымъ лицомъ, полнымъ подбородкомъ и обиліемъ всякихъ тѣлесъ. Она была природная дѣдичка своего дома и распоряжалась пмъ полновластною госпожею.

Всѣ знали, что у Давыдовской былъ нѣкогда мужъ, маленькій, черненькій человѣчекъ, ходившій по праздникамъ въ мундирѣ, съ узенькими фалдочками, и въ треугольной шляпѣ, съ чернымъ перомъ. Но съ давнихъ поръ это маленькое существо перестало показываться въ своемъ мундирчикѣ со шляпою на головѣ, и о немъ всѣ позабыли. Никуда не уѣзжалъ мужъ Давыдовской и не выносили его на кладбище, а такъ не стало его видно, да и только. И никто о немъ не толковалъ. Если, бывало, кому-нибудь изъ сосѣдокъ доводилось, проходя мимо дома Давыдовской, увидать, какъ она стоитъ съ длиннымъ чубукомъ въ одной рукѣ, а другою рукою обираетъ сухіе листья съ волкомерин, то сосѣдка только замѣчала: «а вѣдь Давыдовчихинъ мужъ-то должно что еще живъ», и всякая совершенно довольствовалась этимъ предположеніемъ. А дѣло было въ томъ, что всѣми позабытый штабсъ-капитанъ Давыдовскій восьмой годъ преспокойно валялся безъ рукъ и ногъ въ параличѣ и любовался, какъ полнѣла и добрѣла во всю мочь его грозная половина, съ утра до ночи курившая трубку съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ и кропотавшаяся на семнадцатилѣтнюю дѣвочку Линку, имѣвшую нарочитую склонность къ истребленію зажигательныхъ спичекъ, которыя вдова Давыдовская имѣла другую слабость тщательно хранить на своемъ образникѣ, какъ нѣкую особенную драгоценность, или святыню.

Кромѣ этой слабости, штабсъ-капитанша имѣла двѣ другія: она терпѣть не могла всякое начальство въ огулъ и рабски обожала всѣхъ молодыхъ людей. Начальство она ненавидѣла искони: всѣхъ начальствующихъ лицъ, какого бы они саша и возраста ни были, называла почему-то «Моркобрунами» и готова была всегда устроить имъ какую-нибудь пакость. Эта ненависть штабсъ-капитанши особенно проявлялась въ разговорахъ о пенсіяхъ, и въ сопротивленіи всякимъ объявленіямъ, доходящимъ до нея черезъ полицейскаго хожалаго. Она, наиримѣръ, не позволяла дворнику мести тротуаровъ, когда это требовалось полиціею; не

зажигала въ положенные дни плошекъ; не красила трубъ и вообще демонстрировала. Причина такого озлобленія штабсъ-капитанши противъ начальства лежала въ отказѣ, полученномъ ею на просьбу о полномъ пенсіонѣ за службу мужа. Работѣпная же любовь къ молодежи имѣла, разумѣется, другія причины, до которыхъ намъ столько же дѣла, сколько разбитому параличомъ и недвижимому капитану. Люди толковали разное; но люди, какъ извѣстно, бываютъ иногда черезчуръ подозрительны. Дворникъ Антропъ Ивановичъ и Липка, и нечаевская кухарка Устинья даже порѣшили себѣ кое-что насчетъ тѣсной пріязни Давыдовчихи съ ея жильцомъ Араповымъ, но достовѣрно, что въ этомъ случаѣ они совершенно ошибались. Тутъ дѣло было совершенно чистое. Давыдовская любила Арапова просто потому, что онъ молодъ, что съ нимъ можно врать всякую скоромъ и, сидя у него, можно встрѣчаться съ разными молодыми людьми.

Араповъ занималъ у Давыдовской двѣ комнаты, въ которыя ходъ былъ, однако, изъ общей передней. Въ первой комнатѣ, съ диваномъ и двумя большими зеркалами, у него былъ гостинный покой, а во второй онъ устроилъ себѣ кабинетъ и спальню.

Кромѣ того, при этой задней, совершенно удаленной отъ всякаго сосѣдства, комнаткѣ въ стѣнѣ была маленькая дверь въ небольшой чуланчикъ съ каменнымъ погребомъ; въ которомъ у Арапова сидѣлъ на цѣпи злющій барсукъ.

Арапову было лѣтъ тридцать отъ роду. Это былъ плотный, довольно сильный человекъ, съ сверкающими черными глазами во впадинахъ орбитахъ, съ черными, какъ смоль, волосами, густою окладистою бородою и смуглымъ цыганскимъ лицомъ. Онъ былъ не глупъ, очень легкомысленъ, по началу предприимчивъ, упрямъ и падохъ на рискъ. Воспитывался онъ въ одной изъ гимназій срединной губерніи, пріѣхалъ въ Москву искать счастья и, добывъ, послѣ долгихъ скитальчествъ, мѣсто корректора, доставлявшее ему около шестидесяти рублей въ мѣсяцъ, проводилъ жизнь довольно безпечную и о будущемъ нисколько не заботился.

По своимъ средствамъ, онъ давно бы могъ перенестись изъ Лефортова въ другую, болѣе удобную часть Москвы, но ему никогда и въ голову не приходило разстаться съ Давыдовскою и вытаскивать изъ погреба прикованнаго тамъ барсука.

Кромѣ того, у Арапова, въ окрестностяхъ Лесфортовскаго дворца и въ самомъ дворцѣ, было очень большое знакомство. Въ другихъ частяхъ города у него тоже было очень много знакомыхъ. По должности корректора, онъ зналъ многихъ московскихъ литераторовъ, особенно второй руки; водился съ музыкантами и вообще съ самою разнородною московскою публикою.

У нѣкоторыхъ дамъ онъ слылъ за очень умнаго человека и передъ ними обыкновенно печоринствовалъ.

И Давыдовская, и ея постоялецъ были ежедневными посѣтителями Нечаевъ. Даже мало сказать, что они были ежедневными посѣтителями,—они вертѣлись тамъ постоянно, когда имъ некуда было дѣться, когда у себя имъ было скучно, или когда никуда не хотѣлось идти изъ дома.

Такимъ образомъ Розанову пришлось познакомиться съ этими лицами въ первый же день своего переезда къ Нечаю, потому онъ сталъ встрѣчаться съ ними по нѣскольку разъ каждый день, и они-то серьезно помѣшали ему прияться вполтную за свою диссертацию.

Не успѣть Розановъ успѣться и вчитаться, вдуматься, какъ по лѣстницѣ идетъ Давыдовская, то будто бы покричать на нечаевскихъ дѣтей, рискующихъ сломать себѣ на дворѣ шею, то поругать мѣстнаго квартальнаго надзирателя или квартирную компанію, то сообщить Дарьѣ Аванасьевнѣ новую сплетню на ея мужа. Придетъ, да и сядетъ, и курить трубку за трубкою.

Послѣ двухъ часовъ возвращался домой Араповъ. Онъ съ перваго же своего знакомства съ докторомъ удостоивалъ его своего особеннаго вниманія и, съ своей стороны, успѣлъ очень сильно заинтересовать Розанова собою.

Розановъ хотя былъ человекъ достаточно умный и достаточно опытный для того, чтобы не поддаваться излишнимъ увлеченіямъ, но все-таки онъ былъ провинціалъ. Араповъ стоялъ передъ нимъ какъ новый типъ и казался ему существомъ въ высшей степени загадочнымъ. То Араповъ ругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ все существующее, но ругаетъ не такъ, какъ ругалъ иногда Зарницынъ, по-фатски, и не такъ, какъ ругалъ самъ Розановъ, съ сознаниемъ какой-то неотразимой необходимости оставаться весь вѣкъ въ пассивной роли, — Араповъ ругался яростно, съ пѣною у рта, съ сжатыми кулаками и съ искрами неумолимой мести

въ глазахъ, паливавшихся кровью; то онъ ходилъ по цѣлымъ днямъ, понутивъ голову, и только повременамъ у него вырываются безсвязныя, но грозныя слова, за которыми слышатся таинственные планы міровыхъ переворотовъ; то онъ начнетъ спрашивать Розанова о провинціи, о духѣ народа, о настроеніи высшаго общества, и спрашиваетъ придирчиво, до мельчайшихъ подробностей, внимательно вслушиваясь въ каждое слово и стараясь всему придать смыслъ и значеніе.

А то отправятся докторъ съ Арановымъ гулять ночью и долго бродятъ, Богъ знаетъ гдѣ, по пустыннымъ улицамъ, не боясь ни ночныхъ воровъ, ни усталости. Арановъ все идетъ тихо и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сдѣлаегь доктору такой вопросъ, что тотъ не знаетъ, что и отвѣтить, и еще болѣе убѣждается, что правленье корректуръ не составляетъ главной заботы Аранова.

Въ одну прелестную лунную ночь, такъ въ концѣ августа или въ началѣ сентября, они вышли изъ дома погулять и шагъ за шагомъ, молча, дошли до Театральной площади. Кто знаетъ Москву, тотъ можетъ себѣ представить, какой это былъ сломанъ путь.

Докторъ не замѣтилъ, какъ онъ прошелъ это разстояніе, на которомъ могла утомиться добрая почтовая лошадь. Онъ былъ далеко; ему рисовался покинутый имъ ребенокъ, рисовалось нерадостное будущее дитяти, съ полусумасшедшею отъ природы матерью. Не замѣтилъ онъ, какъ черезъ Никольскія ворота вступили они въ Кремль, обошли Ивана Великаго и остановились надъ кремлевскимъ рвомъ, гдѣ тонула въ тѣни маленькая церковь, а вокругъ извивалась зубчатая стѣна съ оригинальными азіатскими башнями, а тамъ тихая Москва-рѣка, съ перекинутымъ черезъ нее Москворѣцкимъ мостомъ, а еще дальше облитое луннымъ свѣтомъ Замоскворѣчье и сіяющій куполъ Симонова монастыря.

О чемъ думалъ Арановъ — неизвѣстно, но, остановясь здѣсь, онъ вздохнулъ, окинулъ взоромъ шпрокую картину и, взявъ Розанова за руку, сказалъ:

— Нравится вамъ этотъ видикъ?

Докторъ, выйдя изъ своего забытья, молча взглянулъ кругомъ и отвѣчалъ:

— Да, очень хорошо...

— А что, — началъ тихо Арановъ, крѣпко сжимая руку

Розанова:—что, если бы все это освѣтить другимъ свѣтомъ? Если бы все это въ темную ночь залить огнемъ? Набать, кровь, зарево!..

— Было-бъ ужасно!

— Пришла пора!..

Во весь обратный путь они не сказали другъ съ другомъ ни слова.

Докторъ никакъ не могъ сообразить, для какихъ цѣлей необходимо залить Москву кровью и заревоиъ пожара, но страшное выраженіе лица Арапова, когда онъ высказывалъ мысль, и его загадочная таинственность въ эту ночь еще болѣе усилили обаятельное вліяніе корректора на Розанова.

«Что это за человѣкъ?» думалъ, засыпая на зорькѣ, докторъ, и ему снилось Богъ знаетъ что. То по кремлевскимъ стѣнамъ гуляли молодцы Стеньки Разина, то въ огнѣ стонали какіе-то слабые голоса, гудѣлъ царь-колоколъ, стрѣляла царь-пушка, гдѣ-то пѣли по-французски марсельезу. Все это былъ какой-то хаосъ. Зачѣмъ это все? обращался докторъ къ проходившимъ людямъ, и люди ему ничего не отвѣчали. Они останавливались, снимали шапки, крестились передъ Спасскими воротами, и надъ Кремлемъ попрежнему сіяло солнце, башенные часы играли «Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ», бронзовый Мининъ поднималъ подъ руку бронзоваго Пожарскаго, купцы Ножевой линіи, поспѣшно крестясь, отпирали лавки. Все было тихо; все жило тою жизнью, которою оно умѣло жить и которою хотѣло жить. Розановъ спалъ спокойно до полудня. Его разбудила черезъ дверь Дарья Аоанасьевна.

— Вставайте, докторъ!—кричала ему она, стуча рукою:—стыдно валяться. Кофейку напьемтесь. У меня что-то маленькая куксится: патерла ей животикъ бабковою мазью, все не помогаетъ, опять куксится. Вставайте, посмотрите ее, пожалуйста: можетъ-быть лѣкарства какого-нибудь нужно.

— Сейчасъ, Дарья Аоанасьевна, — отвѣтилъ докторъ, и черезъ пять минутъ, совсѣмъ одѣтый, пришелъ въ спальню, гдѣ куксилась маленькая.

— Что съ нею?

— Ничего; дайте ревенку, и ничего больше не надо.

— Гдѣ это вы всю ночь проходили, Дмитрій Петровичъ? А! Вотъ женѣ-то написать надо!—шутливо и ласково проговорила Дарья Аоанасьевна.

- Мы такъ съ Араповымъ проходили, — отвѣчала докторъ.
Дарья Аонасьевна покачала головою.
- Что вы? — спросилъ, улыбаясь, Розановъ.
- Да охота вамъ съ нимъ возиться.
- А что?
- Да такъ.
- Развѣ онъ нехорошій человѣкъ?
- Н... нѣтъ, я о немъ ничего дурного не знаю, только не люблю я его.
- Не любите! А мнѣ казалось, что вы съ нимъ всегда такъ ласковы.
- Да я ничего, только...
- Только не любите? — смѣясь договорилъ Розановъ.
- Да, — коротко отвѣтила Дарья Аонасьевна.
- За что же вы его не любите-то?
- Такъ, — актеръ онъ большой. Все только комедии изъ себя представляетъ.
-

Прошло два дня. Араповъ нѣсколько разъ заходилъ къ доктору мрачный и таинственный, но не заводилъ никакихъ загадочныхъ рѣчей, а только держался какъ-то трагически.

- Что ты думаешь объ Араповѣ? — спросилъ однажды Розановъ Нечая, перебиравшаго на своемъ столѣ бумаги.
- О комъ? — наморщивъ брови, переспросилъ приставъ.
- Объ Араповѣ? — повторилъ докторъ.
- А бодай уси воны поиздыхали, — съ нетерпѣніемъ отозвался Нечай.
- Нѣтъ, серьезно?
- Такъ соби ледащца, якъ и уси.
- Ну, врешь, братъ, онъ парень серьезный, — возразилъ докторъ.

Нечай посмотрѣлъ на него и, засмѣявшись, спросилъ:

— Это онъ тебѣ не про революцію ли про свою нагородивъ? Слухай его! Ему только и дѣла, что побрехеньки свои распускать. Знаю я сію революцію-то съ московскими паньчанами: пугу покажи имъ, такъ геть, геть — наче зайцы драпнуть. Ты можэ чому и справди повиривъ? Плюнь, да перекрестись. Се мара. Нехаѣ воны на сѣли дурять, гдѣ люди просты, а мы бачимо на чемъ свиныя хвостъ посить.

Это можэ у вась тамь на провинции такь заразь и виру дають...

— Ну, ибть, брать, у насъ-то не очень. Поговорить— такь, а что другое, такь ибть...

— Ну, о то-жь само и туть. А ты думаешь, что якъ воны що скажуть, такь вже и Богъ зна що поробиться! Чортъ ма! Ничого не буде зь московскими панычами. Якъ ту писню спиваютъ у нихъ: «Ножки тонки, бочка звонки, хвостикъ закорючкой». Хиба ты ихъ за людей зважаешь? Хиба оть цэ люди? Цэ крученые панычи, та й годи.

Докторь имѣлъ въ своей жизни много доводовъ въ пользу практическаго смысла Нечая и взялъ его слова, какъ говорятъ въ Малороссіи, «въ думку», но не усвоилъ себѣ печавскаго взгляда на дѣла и на личность Арапова, а продолжалъ въ него всматриваться внимательнѣе.

На той же недѣлѣ Розановъ передъ вечеромъ зашелъ къ Арапову. День былъ жаркій, и Араповъ въ однихъ нанталюнахъ валялся въ своей спальнѣ на клеенчатомъ диванѣ.

Напротивъ его сидѣла Давыдовская, въ широчайшей холстинковой блузѣ, съ волосами, зачесанными по-дѣтски, сбоку, и курила свою неизмѣнную трубку.

И хозяйка, и жилецъ были въ духѣ и вели оживленную бесѣду. Давыдовская повторяла свой любимый рассказъ, какъ одинъ важный московскій генералъ ирѣзжалъ къ ней ибсколькo разъ въ гости и по три графина холодной воды выпивалъ, да такъ ни съ чѣмъ и отошелъ.

— Ну, ты! Зачѣмъ ты сюда пришелъ?—смѣясь спросила Розанова штабсъ-капитанша.

Нужно замѣтить, что она всѣмъ мужчинамъ, послѣ самаго непродолжительнаго знакомства, говорила *ты* и звала ихъ полуименемъ.

— А что? помѣшалъ, что ли, чему?—спросилъ Розановъ.

— Да нечего тебѣ здѣсь дѣлать: ты вѣдь женатый,—отвѣчала, смѣясь, Давыдовская.

— Ничего, Прасковья Ивановна: онъ вѣдь ужъ три рѣки переѣхалъ,—примирительно замѣтилъ Араповъ.

— О! Въ самомъ дѣлѣ переѣхалъ? Ну, такъ ты, Митька, теперь холостой. — садись, братъ. Нашъ еси, воспрянемъ съ нами.

— О чемъ дѣло-то?—спросилъ, садясь, докторь.

— Да вотъ, про людей говоримъ,—отвѣчалъ Араповъ.

— Ничего не понимаю, — отвѣчалъ докторъ.

— О, толкушка безтолковая! Ты, Арапка, куда его по ночамъ водишь? — перебила хозяйка.

— Куда знаю, туда и вожу.

— Кто-то тамъ безъ него къ его женѣ ходитъ? — спросила Давыдовская, смѣясь и подмаргивая Арапову.

Доктора неприятно кольнула эта наглая шутка: въ немъ шевельнулись и сожалѣніе о женѣ, и оскорбленная гордость, и унижительное чувство ревности, пережившей любовь.

Дорого далъ бы докторъ, чтобы видѣть въ эту минуту горько досадившую ему жену и избавить ее отъ малѣйшей возможности подобнаго намека.

— Моя жена не таковская, — проговорилъ онъ, чтобы сказать что-нибудь и скрыть чувство ѣдкой боли; произведенное въ немъ наглымъ намекомъ.

— А ты почему знаешь? Ребята, что ли, говорили? — смѣясь продолжала Давыдовская. — Нѣтъ, братъ Митюша, люди говорятъ: кто вѣрнѣе женѣ въ домѣ, а лошади въ полѣ, тотъ дуракъ.

— Мало ли сколько глупостей говорятъ люди!

— Да, люди глупы...

Доктора совѣмъ передернуло, но онъ сохранилъ все наружное спокойствіе и, чтобы переменить разговоръ, сказалъ:

— Не пройдетесь ли немножко, Араповъ?

— Пожалуй, — отвѣчалъ корректоръ и сталъ одѣваться.

Давыдовская вышла, размахивая трубкой, которая у нея неудачно закурилась съ одной стороны.

Розановъ съ Араповымъ пошли за Лефортовскій дворецъ, въ поле. Вечеръ стоялъ тихій, безоблачный, по мостовой отъ Сокольниковъ изрѣдка трещали дрожки, а то все было невозмутимо кругомъ.

Докторъ легъ на землю, Араповъ послѣдовалъ его примѣру и, опустясь, зашѣлъ изъ «Руслана»:

Поле, поле! кто тебя усѣилъ мертвыми костями?

— Какая у васъ всегда мрачная фантазія, Араповъ, — замѣтилъ сквозь зубы докторъ.

— Каково, батюшка, на сердцѣ, такова и пѣсня.

— Да что у васъ такое на сердцѣ?

— Горе людское, неправда человѣческая, — вотъ что! Проклятъ человѣкъ, который спокойно смотритъ на все,

что происходить вокруг насъ въ наше время. Надо по-
могать, а не сидѣть сложа руки. Настаетъ грозный часъ
кроваваго расчета.

— Зачѣмъ же кроваваго?

— Нѣтъ-съ, дудки! Кроваваго-съ, кроваваго...

— Не понимаю я, чего вы хотите.

— Правды хотимъ.

— Какая это правда,—кровью! Въ силѣ нѣтъ правды.

— Клинь клиномъ-съ выбиваютъ,—пожавъ плечами, отвѣ-
чалъ Араповъ.

— Да какой же клинь-то вы будете выбивать?

— Враждебную намъ силу, силу, давящую свободныя
стремленія лучшихъ людей страны.

— Эхъ, Араповъ! Все это мечтанія.

— Нѣтъ-съ, не мечтанія.

— Нѣтъ, мечтанія. Я знаю Русь не по писанному. Она
живетъ сама по себѣ и ничего вы съ нею не подѣлаете.
Если что дѣлать еще, такъ надо ладомъ дѣлать, а не на
груды лѣзть. Никто съ вами не пойдетъ, и что вы мнѣ
ни говорите, у васъ у самихъ-то нѣтъ людей.

— А можетъ быть и есть! Почемъ вы это знаете?

— Такъ, знаю, что нѣтъ. Я въ этомъ случаѣ Ома не-
вѣрный.

— А если вамъ покажутъ людей?

— Что-жъ покажутъ! Покажутъ словесниковъ, такъ я
ихъ и дома видывалъ.

— Нѣтъ, вы такихъ дома не видали...

— Ну, это будетъ новость, а я себѣ такого современ-
наго русскаго человѣка какъ-то не могу представить.

— Какіе вы всѣ, господа, странные,—воскликнулъ Ара-
повъ.—Зачѣмъ вамъ непременно русскаго!

— Какъ же? Кому же до насъ дѣло, какъ не намъ самимъ?

— Отечество человѣческое безгранично.

Доктору вдругъ почему-то припомнился Райнеръ.

— Кто-жъ это будетъ нашимъ спасителемъ? Чужой че-
ловѣкъ, стало-быть?

— Да, если хотите смотрѣть съ своей узкой, патриоти-
ческой точки зрѣнія, это будетъ, можетъ статья, чужой
человѣкъ.

— И вы его знаете?

— И-я его знаю,—самодовольно отвѣтилъ Араповъ.

«Языня ты, братъ, въ самомъ дѣлѣ»,—подумалъ докторъ.

— И вы его можете узнать,—продолжалъ Араповъ, если только захотите и дадите слово быть скромнымъ.

— Я болтливъ никогда не былъ,—отвѣчалъ докторъ.

— Ну, такъ вы его увидите. Въ слѣдующій четвергъ вечеромъ пойдемте, я васъ введу въ одно общество, гдѣ будутъ всѣ свои.

— И тамъ будетъ этотъ *чужой человекъ*?

— И тамъ будетъ этотъ *чужой человекъ*,—отвѣчалъ съ удареніемъ Араповъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Чужой человекъ.

Въ одну темную и чрезвычайно бурную ночь 1800 года, черезъ озеро Четырехъ-Кантоновъ переплыла небольшая черная лодка. Отчаянный гребецъ держался направленія отъ кантона Швица къ Люцерну. Казалось, что въ такую пору ни одинъ смертный не рѣшился бы переплыть обыкновенно спокойное озеро Четырехъ-Кантоновъ, но оно было переплыто. Швицкій смѣльчакъ за полночь причалилъ къ одной деревушкѣ кантона Ури, привязалъ къ дереву наполненный до половины водою челнокъ и постучалъ въ двери небольшого, скромнаго домика. Въ одномъ окнѣ домика мелькнулъ огонь и къ стеклу прислонилось испуганное женское лицо. Приѣзжій изъ Швица постучалъ еще разъ. Смѣлый мужской голосъ изъ-за двери спросилъ:

— Кто тамъ?

— Изъ Швица отъ ландсмана,—отвѣчалъ приѣзжій.

Ему отперли дверь и велѣдъ затѣмъ снова тщательно заперли ее крѣпкимъ засовомъ. Республика была полна французовъ и въ окрестностяхъ стояли гренадеры Серрюрье.

Посланецъ вынулъ изъ-за пазухи довольно большой конвертъ съ огромною официальною печатью и подалъ хозяину.

Конвертъ былъ весь мокрый, какъ и одежда человека, который его доставилъ, но расплывшіяся чернила еще позволяли прочесть содержаніе сложеннаго вчетверо квадратнаго листа толстой бумаги.

На немъ было написано:

«Любезный союзникъ!

«Утѣснители швейцарской свободы не знаютъ предѣловъ своей дерзости. Ко всѣмъ оскорбленіямъ, принесеннымъ

ими на нашу родину, они придумали еще новое. Они покрывают насъ безчестіемъ и требуютъ выдачи нашего незапятнаннаго штандарта. Въ ту минуту, какъ я нишу къ тебѣ, союзникъ, пасторъ Фрицъ уѣзжаетъ въ Бернъ, чтобы отклонить враговъ республики отъ унижительнаго для насъ требованія; но если онъ не успеетъ въ своемъ предпріятіи до полудня, то намъ, какъ и другимъ нашимъ союзникамъ, остается умереть, отстаивая наши штандарты.

«Во имя республики, призываю тебя, союзникъ, соверши молитву въ нашей церкви, вмѣсто пастора Фрица, и укрѣпи народъ твоею проповѣдью».

— Гдѣ моя Библія? — спросилъ пасторъ, сожигая на свѣчѣ записку.

— Ты ѣдешь? — отчаянно проговорила слабая женщина по-французски.

— Гдѣ моя Библія? — переспросилъ пасторъ.

— Боже Всемогущій! Но твое дитя, Губертъ! Пощади насъ! — опять проговорила пасторша.

— Ульрихъ! — крикнулъ пасторъ, слегка толкая спавшаго на кровати пятилѣтняго ребенка.

— Боже мой! Что ты хочешь, Губертъ?

— Я хочу взять моего сына.

— Губертъ! Куда? Пощади его! Я его не дамъ тебѣ: ты его не возьмешь; я мать, я не дамъ! — повторяла жена.

— Я отецъ и возьму его, — отвѣчалъ спокойно пасторъ, бросая ребенку его штаны и камзолчикъ.

— Мама, не плачь, я самъ хочу ѣхать, — утѣшалъ ребенокъ, выходя за двери съ своимъ отцомъ и швицкимъ посланнымъ.

Пасторъ молча поцѣловалъ жену въ голову.

— Зачѣмъ ты везешь съ собою ребенка? — спросилъ гребецъ, усаживаясь въ лодку.

— Лодочники не спрашивали рыбака Теля, зачѣмъ онъ ведетъ съ собою своего сына, — сурово отвѣчалъ пасторъ, и лодка отчалила отъ Люцерна къ Швицу.

Еще задолго до разсвѣта лодка причалила къ кантону Швицъ.

Высокій, суровый пасторъ, высокий, гибкій швейцарецъ и среди нихъ маленькій карапузикъ встали изъ лодки и вѣшкомъ пошли къ дому швицкаго ландсманна.

Ребенокъ дрожалъ въ платьѣ, насквозь пробитомъ озерными волнами, но глядѣлъ бодро.

Ландсманъ погладилъ его по головкѣ, а жена ландсмана напоила его теплымъ виномъ и уложила въ постель своего мужа.

Она знала, что мужъ ея не ляжетъ спать въ эту ночь.

Люцернскій пасторъ говорилъ удивительную проповѣдь. Честь четырехъ кантоновъ, для слушателей этой проповѣди, была воплощена въ кускѣ бѣлаго полотна съ краснымъ крестомъ. Люди дрожали отъ ненависти къ французамъ.

Шайноха говорить, что современники видятъ только факты и не прозираютъ на результаты.

Ни ландсманъ, ни пасторъ, ни прихожане Люцерна не видѣли, что консульскія войска Франціи въ существѣ несли болѣе свободы, чѣмъ хранили ея консерваторы старой швейцарской республики.

На сценѣ были французскіе штыки, пьяные офицеры и распущенные солдаты, помнящіе времена либеральнаго конвента.

Въ роковой часъ полудня взводъ французскихъ гренадеръ вынесъ изъ дома ландсмана шесть съ кускомъ бѣлаго полотна, на которомъ былъ нашитъ красный крестъ *).

Это былъ штандартъ четырехъ кантоновъ, взятый силою, несмотря на геройское сопротивленіе люцернцевъ.

За штандартомъ четыре гренадера несли высокаго чело-вѣка съ круглою, рыжею головою, англійскаго склада. По его обуви струилась кровь.

За раненымъ вели ребенка, съ руками, связанными назади очень тонкимъ шнурочкомъ.

— Ну, что, *bourgre allemand*, попался?—шутить съ ребенкомъ гренадеръ.

— Я иду съ моимъ отцомъ,—отвѣчалъ на чистомъ французскомъ языкѣ ребенокъ.

— *Tion!*—ты говоришь по-французски?

— Да, моя мать не умѣетъ говорить иначе,—отвѣчало дитя.

Черезъ два дня послѣ этого происшествія изъ дома, въ которомъ квартировалъ *sous-licutenant*, вынесли длинную

*) Авторъ надѣется, что для него не обязательно слѣдовать неотступно свидѣтельствамъ Тьера.

тростниковую корзину, въ какихъ обыкновенно возятъ уголья. Это грубая корзина въ три аршина длины и полтора глубины, сверху довольно широкая, книзу совсѣмъ почти сходитъ на нѣтъ.

За такой корзиной, покрытой сверху зеленымъ полотномъ съ походной фуры, шли девять гренадеръ съ карабинами; затѣмъ въ трехъ шагахъ слѣдовалъ полувзводъ, предводимый *sous-lieutenant*'омъ.

Въ хвостѣ этого взвода старшій гренадеръ несъ на рукахъ пятилѣтняго ребенка.

Дитя разспрашивало конвентинца. скоро ли оно увидитъ своего отца, и безлечно перебирало пухлую ручкою узорчатую плетенку кутаса и красивую шишку помпона.

Процессія остановилась у деревни, на берегу, съ котораго видна была гигантская гора, царственно возвышающаяся надъ четырьмя кантонами своею блестящею бѣлоснѣжною короною, а влѣво за нею зеленая Рютли.

Здѣсь, у извиистой горной дорожки, былъ врытъ тонкій бѣлый столбъ и возлѣ него выкопана могила.

Это было очень хорошее мѣсто для всѣхъ, кромѣ того, кого теперь принесли сюда въ угольной корзинѣ.

Гренадеры опустили корзину и вынули изъ нея пастора съ проколотыми ногами.

Онъ жестоко страдалъ отъ ранъ, и испачканное угольнымъ пылью лицо его судорожно подергивалось, но глаза смотрѣли смѣло и гордо.

Пасторъ одною рукою оперся о плечо гренадера, а другою взялъ за руку сына.

Sous-lieutenant досталъ изъ кармана четвертушку бумаги и прочелъ приговоръ, по которому пасторъ Губертъ Райнеръ, за возмутительное неповиновеніе, былъ осужденъ на разстрѣліаніе,—«а въ примѣръ прочимъ», добавилъ *sous-lieutenant* своимъ французско-страсбургскимъ нарѣчіемъ, «съ этимъ горниломъ козломъ мы разстрѣляемъ и его козленка. Капралъ! привяжите ихъ къ столбу!»

Обстоятельства дѣлали *sous-lieutenant*'а владыкою жизни и смерти въ мѣстности, занятой его отрядомъ. Онъ самъ составилъ и самъ подтверждалъ смертныи приговоръ пастора Райнера и могъ въ одинъ день безответственно разстрѣлять безъ всякаго приговора еще двадцать человѣкъ съ

тою короткою формальностью, съ которою осудить на смерть молодого козленка.

Пасторъ твердо, насколько ему позволяли раненныя ноги, подошелъ и сталъ у столба.

— Вы имѣете предсмертную просьбу?—спросилъ пастора капраль.

— Имѣю.

— Что вы хотите?

— Чтобъ мнѣ не завязывали рукъ и глазъ, и чтобъ меня разстрѣляли на той сторонѣ озера: я хочу лежать ближе къ Рютли.

Капраль передалъ просьбу *sous-lieutenant*'у, и черезъ минуту сообщилъ осужденному, что первая половина его просьбы будетъ исполнена, а на Рютли онъ можетъ смотрѣть отсюда.

Пасторъ взглянулъ на блестящую, алмазную митру горы, сжать ручонку сына и, опершись другою рукою о плечо гренадера, спокойно сталъ у столба надъ выкопанною у него ямою.

— Подвяжите меня только подъ плечи: этого совершенно довольно,—сказалъ онъ капралу.

Просьбу его исполнили.

— Теперь хорошо, —сказалъ пасторъ, поддерживаемый веревкой.—Теперь подайте мнѣ сына.

Ему подали ребенка.

Пасторъ взялъ сына на руки, прижалъ его къ своей груди и, обернувъ дитя задомъ къ выступившимъ изъ полузвода впередъ десяти гренадерамъ, сказалъ:

— Смотри, Ульрихъ, на Рютли. Ты видишь, вонъ она тамъ, наша гордая Рютли, вонъ тамъ—за этою бѣлою горою. Тамъ, въ той долинь, давно-давно сошлись наши рыбаки и поклялись умереть за свободу...

До ушей пастора долетѣлъ непستовый вопль.

Онъ ждалъ выстрѣла, но не этихъ раздражающихъ звуковъ знакомаго голоса.

Пасторъ боялся, что ребенокъ также вслушается въ этотъ голосъ и заплачетъ. Пасторъ этого очень боялся и, чтобы отвлечь дѣтское вниманіе отъ материнскихъ стонувъ, говорилъ:

— Они поклялись умереть за то... чтобы по чистой Рютли не ходили подмыя ноги имперскихъ фогтовъ.

— Пали! — послышался пастору сердитый крикъ sous-lieutenant'a.

— Смотри на Рютли, — шепнула сыну пасторъ.

Дитя было покойно, но выстрѣла не раздавалось.

— Боже, подкрѣпи меня! — молился въ дуплѣ пасторъ.

А въ четырнадцати шагахъ передъ нимъ происходила другая драма.

— Мы не будемъ стрѣлять въ ребенка: эта женщина — француженка. Мы не будемъ убивать французское дитя! — вполголоса произнесли плохо державшіе дисциплину солдаты консульской республики.

— Что это? бунтъ! — крикнулъ sous-lieutenant и, толкнувъ замершую у его ногъ женщину, громко кликнулъ то самое «пали», которое заставило пастора указать сыну въ послѣдній разъ на Рютли.

Солдаты молча опустили къ ногѣ заряженные ружья.

— Der Teufel! — произнесъ страсбургскій sous-lieutenant и велѣлъ взять ребенка.

— Прощай! — сказала пасторъ, отдавая капрану сына. — Будь честенъ и люби мать.

Черезъ пять минутъ въ деревнѣ всѣмъ послышалось, какъ будто на столъ ихъ была брошена горсть орѣховъ и тотъ же звукъ, хотя гораздо слабѣе, пронесся по озеру и тихо отозвался стонущимъ эхомъ на Рютли.

Пастора Губерта Райнера не стало.

Его жена пришла въ себя, когда все уже было кончено.

Увидѣвъ маленькаго Райнера въ живыхъ, она думала, что видитъ привидѣніе: она ничего не слыхала послѣ сердитаго крика: «пали».

Вдова Райнера покинула прелестную Рютли и переѣхала съ сыномъ изъ Швица въ Женеву. Здѣсь, отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ, она старалась дать Ульриху Райнеру возможно лучшее воспитаніе.

Въ двадцать одинъ годъ Ульрихъ Райнеръ сталъ платить матери свой денежный долгъ. Онъ давалъ уроки и переѣзжалъ съ матерью мансарду на довольно чистую комнату, и у нихъ всякій день кипѣла кастрюлька вкуснаго бульона.

Но Ульрихъ Райнеръ не былъ доволенъ этимъ.

Ему было мало одного бульона и тѣсна ему казалась Женева.

Одни и тѣ же виды, несмотря на все свое великолѣпіе, приглядываются, какъ женна красота, и подстрекають любопытное влеченіе приподнять завѣсу другихъ красотъ, отдохнуть на другой груди, послушать, какъ бьется иное сердце.

Въ это время Европа поклонялась предъ могуществомъ Россіи и полна была разказовъ о славѣ, великодушійи и просвѣщеніи Александра I.

Ульрихъ Райнеръ съ великимъ трудомъ скопилъ небольшую сумму денегъ, обезпечилъ на годъ мать и, оплаканный ею, уѣхалъ въ Россію. Это было въ 1816 году.

Ульрихъ Райнеръ пріѣхалъ въ Россію статнымъ, прекраснымъ юношею. Онъ былъ похожъ на своего могучаго отца, но выраженіе его лица смягчилось нѣкоторыми тонкими чертами матери. Съ этого лица постоянно не сходило серьезное выраженіе Губерта Райнера, но на немъ не было губертовой холодности и спокойной флегмы: вмѣсто нихъ, лицо это дышало французскою живостью характера. Оно было вмѣстѣ и серьезно, и живо.

Въ то время иностранцамъ было много хода въ Россіи, и Ульрихъ Райнеръ не остался долго безъ мѣста и безъ дѣла. Тотчасъ же послѣ пріѣзда въ Москву онъ поступилъ гувернеромъ въ одинъ пансіонъ, а оттуда, черезъ два года, уѣхалъ въ Калужскую губернію наставникомъ къ дѣтямъ богатаго князя Тотемскаго.

Здѣсь Ульрихъ Райнеръ провелъ семь лѣтъ, скопилъ малую толику капиталца и, въ исходѣ седьмого года, женился на русской дѣвушкѣ, служившей вмѣстѣ съ нимъ около трехъ лѣтъ гувернанткой въ томъ же домѣ князей Тотемскихъ.

Жена Ульриха Райнера была прелестное созданіе. Въ ней могло плѣнять человѣка все, начиная съ ея ангельской русой головки до ангельской души, смотрѣвшей сквозь кроткіе глубокіе глаза.

Это была русская женщина, поэтически восполняющая прелестныя типы женщинъ Бертольда Ауэрбаха. Она не была второю Женни и здѣсь не мѣсто говорить о ней много; но авторъ, находясь подъ неотразимымъ вліяніемъ этого типа, будетъ очень жалѣть, если у него неостанетъ силъ и умѣнья когда-нибудь въ другомъ мѣстѣ разказать, что за лицо была Марья Михайловна Райнеръ, и наломнить

сю одинъ изъ нашихъ улетающихъ и всеѣми позабываемыхъ женскихъ типовъ.

Женясь на Марьѣ Михайловнѣ, Ульрихъ Райнеръ перѣѣхалъ въ Петербургъ и открылъ съ женою частный пансіонъ, въ которомъ самъ былъ и начальникомъ, и учитель языкамъ воспитанниковъ старшихъ классовъ.

Затрудняясь говорить по-русски, Райнеръ довольствовался скромнымъ званіемъ учителя языковъ, и въ исторіи литературы читалъ своимъ ученикамъ исторію народовъ.

Дѣла Райнера шли отлично. Капиталь его росъ, здоровье служило, врожденной энергіи было много, женою былъ счастливъ безъ мѣры,—чего же болѣе?

Но Райнеръ не былъ изъ числа людей, довольныхъ однимъ матеріальнымъ благосостояніемъ.

Черезъ два года послѣ его женитьбы у него родился сынъ, опять представившій въ себѣ самое счастливое и гармоническое сочетаніе наружныхъ чертъ своего твердаго отца съ женственными чертами матери.

Рожденіе этого мальчика было поводомъ къ тяжелымъ семейнымъ сценамъ, дорого обошедшимся и Райнеру, и его женѣ, и самому ребенку.

Ульрихъ Райнеръ хотѣлъ, чтобы сынъ его былъ названъ Робертомъ, въ честь его стараго университетскаго друга, кельнскаго пивовара Блюма, отца прославившагося въ 1848 году нѣмецкаго демократа Роберта Блюма.

Этого нельзя было сдѣлать: сынъ швейцарца Райнера и его русской жены не могъ быть лютераниномъ.

Ульрихъ Райнеръ рѣшилъ никакъ не крестить сына, и ему это удалось.

Ребенокъ, пососавъ нѣсколько дней материнское молоко, отравленное материнскимъ горемъ, зачахъ, покорчился и умеръ.

Марія Райнеръ цѣлые годы неутѣшно горевала о своемъ некрещеномъ ребенкѣ и оставалась бездѣтною. Только весною 1840 года она сказала мужу: «Богъ услышалъ мою молитву: я не одна».

Четвертаго ноября 1840 года у Райнера родился второй сынъ.

Ульрихъ Райнеръ былъ теперь гораздо старше, чѣмъ при рожденіи перваго ребенка, и не сумасшествовалъ.

Ребенка при св. крещеніи назвали Васильемъ.

Отець звалъ его Вильгельмъ Робертъ. Мать, лаская дитя у своей груди, звала его Васей, а прислуга Вильгельмомъ Ивановичемъ, такъ какъ Ульрихъ Райнеръ въ Россіи именовался, для простоты рѣчи, Иваномъ Ивановичемъ. Вскорѣ послѣ похоронъ перваго сына, въ декабрѣ 1825 года, Ульрихъ Райнеръ рѣшительно объявилъ, что онъ ни за что не останется въ Россіи и совсѣмъ переселится въ Швейцарію.

Этотъ планъ очень огорчалъ Марью Михайловну Райнеръ и, несмотря на то, что крутой Ульрихъ, видя страданія жены, годъ отъ году откладывалъ свое переселеніе, но, тѣмъ не менѣе, все это терзало Марью Михайловну. Она была далеко не прочь съѣздить въ Швейцарію и познакомиться съ родными мужа, но совсѣмъ туда переселиться, съ тѣмъ, чтобы уже никогда болѣе не видать Россіи, она ни за что не хотѣла. Одна мысль объ этомъ повергала ее въ отчаяніе. Марья Михайловна любила родину такъ горячо и просто.

Въ такомъ состояніи была душа Марьи Михайловны Райнеръ, когда она дождалась втораго сына, по ея словамъ, «вымоленнаго и выпрошеннаго у неба».

Марья Михайловна вся отдалась сыну. Она пользовалась первыми проявленіями умственныхъ способностей ребенка — старалась выучить его молиться по-русски Богу, сѣбишила выучить его читать и писать по-русски и никогда не говорила съ нимъ ни на какомъ другомъ языкѣ. Предчувствуя, что рано или поздно ея Вася очутится въ средѣ иного народа, она всѣми силами старалась какъ можно болѣе посѣять и возрастить въ его душѣ русскихъ сѣмянъ и укоренить въ немъ любовь къ материнской родинѣ. Одна мысль, что ея Вася будетъ *иностранцемъ* въ Россіи, заставляла ее мѣть отъ ужаса и, падая ночью у дѣтской кровати передъ освѣщеннымъ образомъ Спасителя, она шептала: — «Господи! ими же всѣи путями спаси его; но пусть не моя совершится воля, а Твоя».

Отець не мѣшалъ матери воспитывать сына въ духѣ ея симпатій, но не оставлялъ его внѣ всякаго знакомства и съ своими симпатіями.

Пламенно восторгаясь, онъ читалъ ему Вильгельма Телля, избранныя мѣста изъ Орлеанской Дѣвы и заставлялъ наизусть заучивать огненные стихи Фрейлиграта, подготовлявшаго германскіе умы къ великому пожару 1848 года.

Мать Василья Райнера это ужасно пугало, но она не

смѣла противорѣчить мужу и только старалась усилить на сына своего кроткое вліяніе.

Такъ росъ ребенокъ до своего семилѣтняго возраста въ Петербургѣ. Онъ безмѣрно горячо любилъ мать, но питалъ глубокое уваженіе къ каждому слову отца и благоговѣлъ передъ его строгимъ взглядомъ.

Ребенокъ былъ очень благодѣтеленъ, добръ и искрененъ. Онъ съ почтеніемъ стоялъ возлѣ матери за долгими всепощными въ церкви Всѣхъ Скорбящихъ; молча и со страхомъ вслушивался въ громовыя проклятія, которыя его отецъ въ кругу пріятелей слалъ Наполеону Первому и всѣмъ роялистамъ; каждый вечеръ повторялъ передъ образомъ: «но не моя, а Твоя да совершится воля», и засыпалъ, носясь въ нарисованномъ ему мірѣ швейцарскихъ рыбаковъ и пастуховъ, сломавшихъ несокрушимою волею желѣзныя цѣпи несноснаго рабства.

Собою осьмилѣтній Райнеръ былъ очаровательно хорошъ. Онъ былъ высокъ не по лѣтамъ, крѣпко сложенъ, имѣлъ русыя кудри, тонокій, правильный носъ, съ кроткими, синими глазами матери и рѣшительнымъ подбородкомъ отца. Лучшаго мальчика вообразить было трудно.

Приближался 1847 годъ. Въ Европѣ становилось непокойно: опытные люди предвидѣли бурю, которая и не замедлила разразиться.

Въ концѣ 1847 года Ульрихъ Райнеръ имѣлъ нѣсколько неприятностей по пансіону. Это его меньше огорчало, чѣмъ сердило.

Наконецъ, возвратясь въ одинъ день съ довольно долгаго объясненія, онъ громко запретилъ дѣтямъ играть въ «республику» и объявилъ, что болѣе не будетъ держать пансіона.

Марья Михайловна, блѣдная и трепещущая, выслушала мужа, запершись въ его кабинетѣ, и уже не плакала, а тихо объявила: «Мы, Васенька, должны ѣхать съ отцомъ въ Швейцарію».

Пансіонъ былъ распущенъ, деньги собраны. Марья Михайловна съѣздила съ сыномъ въ Москву поклониться русскимъ святынямъ, и Райнеры оставили Россію.

На границѣ Марья Михайловна съ сыномъ стали на колѣни, поклонились до земли востоку и заплакали; а старый

Райнеръ сжалъ губы и сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе. Онъ стыдился уронить слезу.

Они ѣхали на Кельнъ.

Ульрихъ Райнеръ, какъ молодой, нетерпѣливый любовникъ, считалъ минуты, когда онъ увидитъ старика Блюма.

Наконецъ предсталъ и Блюмъ, и его пивной заводъ, и его сынъ Робертъ Блюмъ.

Это было очень хорошее свиданіе. Я такихъ свиданій не умѣю описывать.

Въ домѣ стараго пивовара всѣмъ было хорошо. Даже Марья Михайловна вошла въ очень хорошее состояніе духа и была очень благодарна молодому Роберту Блюму, который водилъ ея сына по историческому Кельну, объяснялъ ему каждую достопримѣчательность города и напоминалъ его исторію. Марья Михайловна и сама сходила въ неподражаемую каедру, но для ея религіознаго настроенія здѣсь было тяжело. Причудливость и грандіозность стіля только напоминали ей объ удаленіи отъ темнаго уголка въ Чудовомъ монастырѣ и боковомъ придѣлѣ Всѣхъ Скорбящихъ.

Зато съ сыномъ ея было совсѣмъ другое.

По цѣлымъ часамъ онъ стоялъ передъ «Снятіемъ со креста», вглядываясь въ каждую черту гениальной картины, а Робертъ Блюмъ тихимъ, симпатичнымъ голосомъ рассказывалъ ему исторію этой картины и рядомъ съ нею исторію самого гениальнаго Рубенса, его безалаберность, пьянство, его униженіе и возвышеніе. Ребенокъ стоитъ пораженный величіемъ общей картины кельнскаго Дома, а Робертъ Блюмъ опять говоритъ ему хватаящія за душу рѣчи по поводу недоконченнаго собора.

Ульрихъ Райнеръ оставилъ семью у Блюма и уѣхалъ въ Швейцарію. Съ помощью старыхъ пріятелей онъ скоро нашелъ очень хорошенькую ферму подъ одною изъ горъ, вблизи боготворимой имъ долины Рютли, и перевезъ сюда жену и сына.

Домикъ Райнера, какъ и всѣ почти швейцарскіе домики, былъ построенъ въ два этажа и мѣстился у самага подножія высокой горы, на небольшомъ, зеленомъ уступѣ, выходившемъ плоскою косою въ одинъ изъ неглубокихъ залливцевъ Фирвальдштетскаго озера. Нижній этажъ, сложенный изъ сѣраго камня, былъ занятъ службами, и тутъ же было помѣщеніе для скота; во второмъ этажѣ, обшитомъ

вычурною тесовою рѣзбою, были жилья комнаты, и наверху мостился еще небольшой мезонинъ въ два окна, обнесенный узорчатою галлереею.

Марья Михайловна поселилась съ сыномъ въ этомъ мезонинѣ, и по этой галлерей бѣгаль кроткій, но рѣзвый Вильгельмъ - Робертъ Райнеръ, засматриваясь то на блестящія снѣговья шапки горъ, окружающихъ со всѣхъ сторонъ долину, то слѣдя за тихимъ, медлительнымъ шагомъ коровъ, переходившихъ въ бродъ озерной заливцы. Иногда ребенокъ взбирался съ галлерей на заросшую травою крышу и, усѣвшись на одномъ изъ лежащихъ здѣсь камней, цѣлые вечера смотрѣлъ на картины, согрѣваемые краснымъ, горячимъ закатомъ солнца. Теллы, сильны и своеобразны эти вечернія швейцарскія картины. По мѣрѣ того, какъ одна сторона зеленого дуба темнѣетъ и впадаетъ въ коричневый тонъ, другая согрѣвается, краснѣетъ; иглистые ели и сосны становятся синими, въ водѣ вырастаетъ другой, опрокинутый лѣсъ; босые мальчики загоняютъ дойныхъ коровъ съ мелодическими звонками на шеяхъ; пробѣгаютъ крестьянки въ черныхъ спензеряхъ и яркоцвѣтныхъ юбочкахъ, а на рѣшетчатой скамейкѣ въ высокой швейцарской шляпѣ и сѣрой курткѣ сидитъ отецъ и ведетъ горячіе споры съ сосѣдомъ или заѣзжимъ гостемъ изъ Люцерна или Женева.

Германская революція была во всемъ разгарѣ. Старикъ Райнеръ оставался дома и не принималъ въ ней, повидимому, никакого непосредственнаго участія, но къ нему безпрестанно заѣзжали какіе-то новые люди. Онъ всегда говорилъ съ этими людьми, запершись въ своемъ кабинетѣ, давалъ имъ проводниковъ, лошадей и денегъ, и самъ приходился въ постоянномъ волненіи.

Пришло извѣстіе, что Робертъ Блюмъ разстрѣлянъ. Семья Райнеровъ впала въ ужасъ. Старушка мать Ульриха Райнера, переѣхавшая было къ сыну, отпросилась у него опять въ тихую іезуитскую Женеву. Старая француженка вездѣ ждала гренадеровъ Сюррирье и просила отпустить съ нею и внука въ ся безмятежно-молитвенный городъ.

Отцу было не до сына въ это время и онъ согласился, а мать была рада, что бабушка увезетъ ея сокровище изъ дома, который съ часу на часъ болѣе и болѣе наполнялся революціонерами.

Бабушка опредѣлила молодого Райнера въ женевскую гим-

назію и водила его по воскресеньямъ въ домъ къ Джемсу Фази, но, несмотря на то, онъ черезъ годъ вернулся къ отцу ультра-клерикальнымъ ребенкомъ.

А между тѣмъ революція кончилась; Марисъ и Фрейлигратъ сдѣли за конторками у лондонскихъ банкировъ; Роберта Блюма уже не было на свѣтѣ и старческія трепетанія одряхлѣвшей нѣмецкой Европы успокоились подѣ усмиряющія пѣсни публицистовъ и философовъ 1850 года. Все было тихо, и германскіе владѣльцы думали, что сдѣлать съ скудной складчиной, собранной на отстройку кельтской каѳедры?

Предсказанія Роберта Блюма исполнились: недостало цемента, чтобы слаять имъ со стѣною церкви камень, оставленный безъ заливки подневольнымъ каменщикомъ старой имперіи.

Старикъ Райнеръ, разбитый въ своихъ уюваніяхъ, сдѣлъ одинъ, гнулся и, какъ ошипанный пѣтухъ, пряталъ свой обдерганный хвостъ.

— Эге, любезный сынокъ; да ты совсѣмъ женевскій піэтистъ сталъ у меня! — воскликнулъ, наконецъ, ошипанный старикъ и, рѣшивъ схоронить въ глубинѣ души свои разбитыя надежды, взялся самъ за воспитаніе сына.

Это воспитаніе продолжалось болѣе шести лѣтъ. Добрый германскій народъ, пошумѣвъ о единой Германіи, спокойно спалъ, пробуждаясь только для юристень-вальса, отвлеченныхъ словопреній и внолнѣ достигнутаго права на единое дешевое пиво. За ледяными горами Швейцаріи не такъ жарки казались вѣсти, долетавшія изъ Франціи, и старикъ Райнеръ оставался при своемъ дѣлѣ. Онъ училъ сына, пѣлъ гортанныя рулады къ республиканскимъ пѣснямъ, насвистывалъ аріи изъ Телля и, къ ужасу своей жены, каждый обѣдъ раздражался адскими ругательствами надъ наполеонистами, ожидая отъ нихъ всеобщаго зла повсюду.

А время все шло.

На пятнадцатомъ году молодой Райнеръ лишился своей матери. Это былъ ужасный ударъ для юности. Онъ вообще не видалъ своей матери счастливою и веселою со дня переселенія на озеро Четырехъ-Кантоновъ. Марья Михайловна постоянно грустила между чужими людьми, рвалась на родину и, покоряясь необходимости, смирилась и молилась передъ образомъ въ русской золоченой ризѣ. Она только одинъ

разъ была весела и счастлива. Это было вскорѣ послѣ сорокъ-осьмого года, по случаю приѣзда къ Райнеру одного русскаго, съ которымъ бѣдная женщина ожила, припоминая то бѣлокаменную Москву, то калужскіе лѣса, живописныя чпщобы и волнообразныя нивы съ лѣнивой Окой. Этотъ русскій былъ очень чуткій, мягкій и талантливый человекъ. Онъ не превосходилъ себя въ дарованіяхъ, будя въ душѣ Маріи Райнеръ томительно сладкія воспоминанія. Уйдя съ Ульрихомъ Райнеромъ послѣ ужина въ его комнату, онъ еще убѣдительноѣе и жарче говорилъ съ нимъ о другихъ сторонахъ русской жизни, далеко забрасывая за уши свою буйную гриву, дрожащимъ, нервнымъ голосомъ съ искрившимися глазами развивалъ старику свои молодыя думы и жаркія упованія.

Старикъ Райнеръ все слушалъ молча, положивъ на руки свою серебристую голову. Кончилась огненная, живая рѣчь, приравленная всеѣми ѣдкими островами красиваго и горячаго ума. Разказчикъ сѣлъ въ сильномъ волненіи и опустилъ голову. Старый Райнеръ все не сводилъ съ него глазъ, и оба они долго молчали. Изъ-за горъ показался сѣрый утренній свѣтъ и сталъ наполнять незатѣйливый кабинетъ Райнера, а собесѣдники все сидѣли молча и далеко носились своими думами. Наконецъ Райнеръ приподнялся, вздохнулъ и сказалъ ломанымъ русскимъ языкомъ:

— Ню, а слышайте, што я вамъ будетъ сказать: это, што вы мнѣ сказали, никогда будетъ.

— Это будетъ!—крикнулъ русскій.

— Повѣрьте, мой друкъ, какъ это никогда будетъ.

— Вы не знаете Россіи.

— О, о-о! Я ошень карашо знаетъ Россія. Вы это никогда говорить. Я ошень карашо... *Moi, je connais la Russie parfaitement.* Это совсѣмъ не приходило время. Для Россіи... *C'est trop tôt pour la Russie; cela n'est pas dans son esprit national. Cela ne lui porterait pas de bonheur.* Oh! *je la connais bien, la Russie...* Я никому буду вѣрить, какъ этотъ планъ рекомендовать, я знаю, какъ онъ не придить теверъ.

— Я это доказалъ въ моеѣ брошюрѣ.

— И ви это никогда будете доказать на практика... *Vous ne saurez jamais appliquer! jamais!*

— У насъ *der binen mus.*

— Bravo!

— Увидимъ!

— Eh bien! qui vivra, verra!

Жена Райнера, разумѣется, не слыхала этого разговора.

— Какъ странно,—сказала она мужу, проводивъ гостя:— мнѣ этотъ человѣкъ всегда представлялся такимъ желчнымъ, насмѣшливымъ и сердитымъ, а онъ такой милый и простой.

— Это всего чаще случается,—отвѣчалъ Райнеръ.

— Право, я желала бы, чтобы мой Вася походилъ на него,—проговорила Марья Михайловна, глядя съ нѣжностью на сына.

— А я не желать бы этого,—отвѣчалъ мужъ.

— Отчего же? Такой умъ, такая задумчивость, прямота...

— Очень много говорить. Очень большіе планы задумываетъ, фантазеръ и поэтъ.

— Не понимаю, что ты говоришь.

— Говорю, что Вильгельмъ долженъ быть похожъ прежде всего самъ на себя.

Мать опять взглянула на сына, который молча стоялъ у окна, глядя своимъ взоромъ на пастуха, прыгавшаго по обрывистой тропинкѣ скалы. Она любовалась стройною фигурой сына и чувствовала, что онъ скоро будетъ хорошею тою прелестною красотою, которая долго остается въ памяти.

Это, какъ сказано, былъ лучший день въ швейцарской жизни Марьи Михайловны.

Къ гробу она сходила тихо и кротко, какъ жила на свѣтѣ. Не болѣла, не горѣла, какъ говоритъ народъ, а таяла, таяла и умерла. За три дня до смерти мужъ привезъ ей русскаго священника изъ посольства. Она была чрезвычайно рада этому; благодарила мужа, причастилась и три послѣдніе дня жизни все говорила съ сыномъ. Много она говорила ему обо всемъ, стараясь прозрѣть въ его будущность. Благодарила его за почтеніе къ ней, говорила объ обязанностяхъ человѣка къ Богу, къ обществу, къ семьѣ и къ женщинѣ. Послѣдній пунктъ особенно занималъ умирающую!

— Отъ жены зависить все твое счастье, Вася. Выбрай жену осмотрительно. Слушай отцовскаго совѣта. Онъ опытенъ и уменъ,—заключала она долгій разговоръ, и потомъ, подумавъ и взявъ сына за руку, добавила: — И вотъ что еще, Вася. Ты ужъ не маленькій, все понимаешь. исполни

еще одну мою предсмертную просьбу; я изъ-за могилы буду тебя благодарить и буду тобой гордиться. Храни ты, Вася, себя чистымъ. Это не такъ трудно, какъ говорятъ. Подумай, какая обида женицигъ... когда ес не ждали. Подумай опять, какъ это гадко... и какъ честно, какъ приятно сберець себя. Берегись, другъ мой, и чистымъ веди къ алтарю женицину въ союзъ, зпредѣленный Богомъ. Я не хочу тебя обязывать словомъ, но мнѣ было бы очень отрадно умирать, надѣясь, что ты, Вася, не забудешь моей просьбы.

— Я ее исполню, матушка,—отвѣчалъ молодой Райнеръ, становясь на колѣни и цѣлуя материну руку.

Такъ умерла madame Райнеръ вдалькѣ отъ нѣжно любимой родины и схоронена на приходскомъ кладбищѣ близъ долины Рютли.

Быль опять русскій священникъ съ дьячкомъ, который пѣлъ надъ гробомъ Марьи Михайловны о мирѣ, гдѣ нѣтъ печали и воздыханія, но жизнь безконечная.

Оба Райнера плакали, слушая эту поэтическую пѣснь о безконечной жизни, въ которую такъ крѣпко и такъ тепло вѣрила незлобивая покойница.

Послѣ этихъ похоронъ въ жизни Райнеровъ произошла большая перемена. Старикъ какъ-то осунулся и неохотно занимался съ сыномъ. Въ домъ переѣхала старушка-бабушка, забывшая счетъ своимъ годамъ, но отсутствіе Марьи Михайловны чувствовалось на каждомъ шагу. Болѣе всѣхъ отдавалось оно въ сердцѣ молодого Райнера.

Онъ былъ очень тщательно обученъ многому, между прочимъ, и былъ замѣчательный лингвистъ. Теперь онъ уже могъ и самъ продолжать свое домашнее образованіе безъ руководителя! Онъ могъ даже и такъ поступить въ любой университетъ, но разбитый старикъ объ этомъ пока не думалъ.

Молодому Райнеру послѣ матери часто тяжело было видѣ опустѣвшаго дома, и онъ нерѣдко уходилъ изъ него на цѣлые дни. Съ книгою въ рукахъ ложился онъ на живописный обрывъ какой-нибудь скалы и читалъ, читалъ, или думалъ, пока усталость сжимала его глаза.

Молодой человекъ засыпалъ, начитавшись Тацита, или біографій Плутарха, и горячо настроенное воображеніе принималось рисовать передъ нимъ могучіе образы, высокія,

вдохновляющія картины. То видитъ онъ перепуганное лицо, которое молить рыбака персвезть его черезъ озеро изъ Люцерна въ Швицъ. «Я убилъ цезарскаго фогта за то, что онъ хотѣлъ оскорбить мою жену», говоритъ испуганный человѣкъ, блѣднѣя и озираясь во все стороны. А озеро бушуетъ, высокіе черные валы ходятъ и воютъ. «Никто не поѣдетъ теперь черезъ озеро», говоритъ рыбакъ испуганному человѣку. «Спасите, умоляю васъ, за мною гонятся, спасите, у меня есть жена и дѣти», молить убійца фогта. «Что дѣлать! Мы оба погибнемъ,—отвѣчаетъ рыбакъ,—а у меня тоже есть жена и дѣти». Райнеръ слышитъ отчаянныя мольбы и видитъ сердитое озеро, грозящее смертью за дерзкія покушенія переѣхать его въ такую пору. Сердце его замираетъ отъ жалости и негодованія, а онъ не знаетъ, что дѣлать. Но вотъ изъ-за горы выходитъ рослый человѣкъ самаго кроткаго вида. За спиною у него сильный охотничій лукъ. Стрѣлокъ строго разспрашиваетъ убійцу о всехъ обстоятельствахъ убійства и потомъ вскакиваетъ въ лодку. «Посмотри на озеро, Телль,—говоритъ ему рыбакъ.—Сегодня день Симеона и Иуды и Фирвальдштетъ требуетъ своей жертвы. Не искушай Бога безумствомъ; у тебя жена и дѣти.» — «Честный человѣкъ послѣ всего думаетъ о себѣ: уповай на Бога твоего и спасай твоего брата», отвѣчаетъ стрѣлокъ, отвязывая лодку. «Телль, не искушай Бога безумствомъ»,—говоритъ ему рыбакъ. «Посмотри на озеро и вспомни, что сегодня день Симеона и день Иуды, въ который непременно кто-нибудь долженъ погибнуть въ этихъ волнахъ.» — «Озеро еще можетъ смилостивиться, а цезарскій фогтъ никогда не смилуется», отвѣчаетъ охотникъ, отталкивая лодку, и челнокъ съ двумя сѣдоками то нырнетъ на свинцовыхъ волнахъ озера, то снова мелькнетъ на бѣломъ гребнѣ. Райнеръ узнаетъ въ гребцѣ лучшаго стрѣлка изъ Бюрглеса въ кантонѣ Ури; онъ всматривается въ его одушевленное лицо и въ ухахъ его звучатъ простые, евангельскія слова Вильгельма Телля: «Честный человѣкъ послѣ всего думаетъ самъ о себѣ». — Послѣ всего самъ о себѣ думаетъ въ эти минуты сонный Райнеръ и находитъ, что именно такъ только и можно думать человѣку, который хочетъ называться честнымъ. А воображеніе рисуетъ новую картину. За неумолными волнами озера показываются грозные всадники еще болѣе неумо-

лимаго фогта, слышны ихъ проклятія и тяжелые удары по оставшимся на берегу беззащитнымъ людямъ. Потомъ виднѣется площадь въ Альторфѣ. Люди работаютъ себѣ темницу и постыдно шутятъ надъ своею неволей. — «Кто поселится въ этомъ подземельѣ, о томъ и пѣтухъ не запоесть», говоритъ каменщикъ, сгибаясь подъ тяжелой ношей. — «Что руками состроено, то руки и разобрать могутъ», отвѣчаетъ прохожій. Этотъ прохожій опять Телль. Вотъ съ кровли тюрьмы падаетъ человекъ и убивается на мѣстѣ; кто-то рассказываетъ, что у него отняли воловь цезарскіе солдаты; кто-то говоритъ о старикѣ, ослѣпленномъ пыталыциками. «Смерть фогтамъ за ослѣпленіе моего отца! Пора положить конецъ нашимъ угнетеніямъ!» восклицаетъ молодой голосъ. «Фогтъ живетъ въ недоступномъ Зарингѣ», говоритъ другой голосъ. — «Хоть бы онъ жилъ выше того мѣста, гдѣ вѣчная Юнгфрау сидитъ въ своемъ туманномъ покрывалѣ,—я найду его», отвѣчаетъ молодой голосъ.

И все опять тихо; шопотъ совсѣмъ не слышенъ и Райнеръ только отличаетъ тихій голосъ Телля: «Я не пойду на Рютли. Разсуждайте сами, а если вамъ понадобится дѣло, тогда зовите меня».

Райнеру видится его дѣдъ, стоящій у столба надъ выкопанной могилой. «Смотри, тамъ Рютли», говоритъ онъ ребенку, заслоняя съ одной стороны его дѣтскіе глаза. «Я не люблю много словъ. Пусть Вильгельмъ будетъ похожъ самъ на себя», звучитъ ему отцовскій голосъ.—«Что я сдѣлаю, чтобъ походить самому на себя?» спрашиваетъ сонный юноша. «Они сдѣлали уже все, что имъ нужно было сдѣлать для этихъ горъ.»

«Рютли! прекрасная Рютли! Было время, когда ты была такъ же прекрасна, и трава твоя щедро поливалась слезами», думаетъ Райнеръ, забываясь новымъ сномъ. И другое время встанетъ передъ нимъ. Стоитъ знойный полдень. По зеленой долинѣ и по горнымъ склонамъ шныряютъ фогтскіе сыщики. По лѣстницамъ, скользя и обрываясь, торопливо взбираются на скалы испуганные люди и слышатся свистящіе удары ремней. Потомъ ночь, — темная швейцарская ночь. Озеро спитъ спокойнымъ зеркаломъ, отражая рѣдкія звѣзды, взшедшія на небо. По скаламъ, со стороны Унтервальдена, осторожно, безъ малѣйшаго звука, опускаются десять человекъ и становятся въ тем-

ной Рютли. Стража прокричала два, изъ Швица слышенъ тонкій, замирающій звукъ монастырскаго колокола. — «За-жгите кучу хвороста, а то они не найдутъ насъ», говоритъ молодой голосъ. Краснымъ пламенемъ вспыхиваетъ хворостъ и освѣщаетъ еще десять человѣкъ, идущихъ со стороны Швица. Изъ-за горъ, надъ озеромъ, восходятъ двѣ луны. Это старая пора, это тысяча триста шестой годъ. Только въ этотъ годъ надъ озеромъ Четырехъ-Кантоновъ всходила двойная луна. «Гдѣ же люди изъ Ури?» спрашиваютъ, оглядываясь, швиццы. Кто-то отвѣчаетъ, что «имъ нужно обходить собакъ фогта». Со стороны Ури пробираются тридцать три человѣка. Урійцы отыскивали вѣрныхъ людей болѣе, чѣмъ было условлено. Мелпхталъ рассказываетъ. Его рассказъ ужасенъ. «Я былъ вездѣ, — говоритъ онъ, — я видѣлъ моего слѣпого отца, лежащаго на чужой соломѣ, и... я не заплакалъ. Любовь отворила мнѣ двери фогта и я его видѣлъ, и я... его не убилъ. Но я высосалъ изъ кровавыхъ глазъ моего отца мечь и отмычу нашимъ злодѣямъ». — «Мы не должны мстить за старое; — мы имѣемъ только право не допускать зла въ будущемъ», произнесъ симпатичный голосъ.

И Райнеръ видитъ два воткнутыя въ землю меча и слышитъ взаимныя клятвы не храбриться напрасно, не гибнуть безслѣдно порознь. Слышитъ рассказы о равнодушіи германскаго императора къ жалобамъ швейцарцевъ и грозный обѣтъ собирать людей и отстоять свою свободу. Все предписываетъ осторожность. «Даже излишняя ревность къ дѣлу будетъ преступленіемъ, ибо кто осмѣлится самовольно вступаться въ общее дѣло, тотъ грабитъ общее достояніе», рѣшаетъ ночное рютлійское собраніе, расходясь въ виду зари, заигравшей на дѣвственномъ свѣгу окружающихъ горъ...

— «Кто осмѣлится самовластно вступить въ общее дѣло, тотъ грабитъ чужое достояніе», — пробудясь, повторяетъ Райнеръ.

И еще разъ засыпаетъ Райнеръ и видитъ шесть, а на шесть пустая шляпа, и возлѣ нея стоятъ два часовыхъ. Издали идетъ Телль съ сыномъ. Они не замѣчаютъ шляпы и разговариваютъ. — «Отецъ! правда ли, что тотъ лѣсъ заколдованъ и изъ его листьевъ сочится кровь?» — спрашиваетъ ребенокъ. — «Да, — говоритъ Телль, — лѣсъ заколдованъ,

чтобъ сдерживать лавины: но дитя мое, для каждой страны страшны не заколдованные лѣса и лавины, а люди, не имѣющіе вѣры другъ къ другу». — «Онъ не оказалъ почтенія къ шляпѣ!» — кричатъ солдаты, хватаясь за Телля. Выскакиваютъ изъ домовъ лучшіе граждане Альторфа, просятъ, молятъ за Телля — все напрасно. «У двухъ солдатъ немудрено взять и насильно», — говоритъ кто-то изъ толпы. — «Бунтъ!» — кричатъ солдаты, и на планѣ картины показывается кавалькада. Фогтъ Геслеръ на конѣ и съ соколомъ, а съ нимъ красавица швейцарка Берга, впереди прочихъ. Фогтъ судитъ Телля.

Ребенка ставятъ у тополя и кладутъ яблоко на его голову: — «Меня не нужно привязывать», — говоритъ дитя и стоитъ твердо. Телль поднимаетъ лукъ, всё дрожать и закрываютъ глаза. — И видитъ потомъ Райнеръ кроткаго Телля, натягивающаго лукъ изъ ущелья, видитъ мертваго Геслера... шумъ, кровь, смерть, стоны! Наступаетъ роковая минута при Моргартенѣ: цезарскіе латники двинулись, ихъ закованныя груди невредимы; Впкельридь бросается впередъ... втыкаетъ себѣ въ грудь пукъ вражескихъ копій и тѣмъ открываетъ своимъ дорогу. Ужасная картина! Когда она приснилась Райнеру, онъ проснулся и, увидавъ мирную Рютли и тихія окрестности, подумалъ: «Какъ хорошо, что это уже прошло и навѣрно никогда не возвратится снова. Ты теперь спокойная, счастливая сторона, на тебѣ не лежитъ чужеземное иго».

— Дайте мнѣ напиться, — проситъ юноша у крестьянки, сгибающейся подъ тяжелыми кувшинами и тянущей за собою четырехлѣтнее дитя.

«Странное дѣло! — думаетъ онъ, глотая свѣжую воду. — Этотъ ребенокъ такъ тощъ и блѣденъ, какъ мучной червякъ, посаженный на пробку. И его мать... Эта яркая юбка ветха и покрыта прорѣхами; этотъ спензеръ виситъ на ея тощей груди, какъ на палкѣ, ноги ея босы и исцарапаны, а издали это было такъ хорошо и живописно!»

— Отчего такъ худъ твой ребенокъ? — спрашиваетъ Райнеръ.

— Плохая пища, фермеръ. У меня нѣтъ дома. Я вдова, я работаю людямъ изъ хлѣба. Мнѣ некуда идти съ моимъ дитятей, я кормлю его тѣмъ, чего не съѣдятъ хозяйскія дѣти.

«Плохая пища! — думаетъ Райнеръ. — Этотъ мучной чер-

вѣкъ скоро умереть, сидя на пробѣ. Зачѣмъ люди не умѣютъ жить иначе? Какъ же иначе?.. Пусть хоть не такъ тѣсно междуютъ землю. Зачѣмъ они тѣснятся? Затѣмъ, чтобы расходиться на поиски хлѣба, потѣшать голоднымъ пѣснями сытый развратъ. Твои свободные сыны, Швейцарія, служили наемными солдатами у деспотовъ; твои дочери ѣдутъ въ Петербургъ, Парижъ, Вѣну за такимъ хлѣбомъ, который становится поперекъ горла, пока его не смочать горючія слезы. Тѣсно людямъ! Мало имъ мѣста на широкомъ свѣтѣ!..»

И вотъ Райнеру рисуется просторъ, необъятный просторъ, не загроможденный скалами, не угрожаемый лавинами. По этому широкому раздолью тянутся широкія, голубыя ленты рѣкъ, стоятъ мѣстами дремучіе лѣса, колышутся буйныя нивы и въ воздухѣ носится сильный, немножко удушливый запахъ головастой конопли и пустоцвѣтныхъ замашекъ. Изрѣдка только по этому простору сидятъ убогія деревеньки, въ которыхъ живутъ люди, незнакомые почти ни съ какими удобствами жизни; еще рѣже видны бѣдныя церкви, куда народъ вносить свое горе, свою радость. Все здѣсь дѣлается не спѣша, тихо, опуствя голову. Протяжно и уныло звучитъ изъ-за горки караульный колоколь ближайшей церкви и еще протяжнѣе, еще унылѣе замираетъ въ воздухѣ пѣсня, весь смыслъ которой меньше заключается въ словахъ, чѣмъ въ надрывающихъ душу аханьяхъ и оханьяхъ, которыми эти слова пересыпаны.—А тамъ серебряная лампада, слабо мерцающая надъ серебряной ракой, мать, Робертъ Блюмъ и отецъ, заказывающій не многорѣчить и походить самому на себя...

Таково было дѣтство и ранняя юность Вильгельма Райнера.

— Тебѣ надо ѣхать въ университетъ, Вильгельмъ,—сказалъ старый Райнеръ, послѣ этого грустнаго, поэтическаго лѣта сновъ и мечтаній сына.—Въ Женевѣ теперь пинисты, въ Лозаннѣ и Фрейбургѣ іезуиты. Надо быть подальше отъ этихъ католическихъ пауковъ. Я тебя посылаю въ Германію. Сначала поучись въ Берлинѣ, а потомъ можешь перейти въ Гейдельбергъ и Боннъ.

Вильгельмъ Райнеръ уѣхалъ. Полтора года онъ слушалъ лекціи въ Берлинѣ и подружился здѣсь съ Оскаромъ Бекеромъ, сдѣлавшимъ себя въ послѣдствіи такую печальную извѣстность. Потомъ сходилъ на лекціяхъ въ Боннѣ съ молодыми владѣтельными принцами въ Германіи и, нако-

нецъ, попалъ въ Гейдельбергъ. Теперь онъ былъ совершеннымъ красавцемъ. Прелестныя русыя кудри вились и густыми локонами падали на плечи, открывая только съ боковъ античную бѣлую шею; по лицу проступалъ легкій пушокъ, обозначалась небольшая раздваивающаяся борода и падъ верхней губою вились тоненькіе усики. Сентиментальныя пѣмочки Гейдельберга, любуясь очаровательною головою Райнера, въ шутку прозвали его *Christuskopf*, и скоро эта кличка замѣнила для него его настоящее имя.

Гедвига и Ида изъ Vier-Palle, около которыхъ всегда толпилась цѣлая куча студентовъ, дѣлали глазки Райнеру и весьма недвусмысленно улыбались, подавая ему кружку пива; но Райнеръ не замѣчалъ этого, какъ онъ не замѣчалъ и всѣхъ остальныхъ женщинъ, со стороны ихъ притягательнаго вліянія на мужчину.

Въ Гейдельбергѣ Райнеръ ближе всѣхъ держался славянскаго кружка и преимущественно сходилъ съ русскими и поляками. Чеховъ здѣсь было немного, но зато изъ среды ихъ Райнеръ выбралъ себѣ крѣпкаго друга. Это былъ Іосифъ Коляръ, поэтъ, энтузіастъ и славянскій федералистъ, родомъ изъ окрестностей Карлова Тына.

На двадцать второмъ году Вильгельмъ Райнеръ возвратился домой, погостилъ у отца и съ его рекомендательными письмами поѣхалъ въ Лондонъ. Отецъ рекомендовалъ сына Марису, Фрейлиграту и своему русскому знакомому, просилъ ихъ помочь молодому человѣку пристроиться къ хорошему торговому дому и войти въ общество.

Просьба старика была выполнена самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда въ Лондонъ, молодой Райнеръ былъ подручнымъ клеркомъ у Джемса Смита и имѣлъ входъ въ нѣсколько семейныхъ домовъ самыхъ разныхъ слоевъ.

Больше Райнеръ держался континентальнаго революціоннаго кружка и знакомился со всѣми, кто мало-мальски примыкалъ къ этому кружку. Отсюда, черезъ годъ, у Райнера составилось весьма обширное знакомство, и кое-кто изъ революціонныхъ эмигрантовъ стали поглядывать на него съ надеждами и упованіями, что онъ будетъ отличный слуга дѣлу.

Личныя симпатіи Райнера влекли его къ социалистамъ. Ихъ теорія сильно отвѣчала его поэтическимъ стремленіямъ.—Поборниковъ національной независимости онъ ува-

жалъ за проявляемыя имъ силу и настойчивость и даже желать имъ успѣха; но къ ихъ планамъ не лежало его сердце. Никакого обособленія онъ не признавалъ нужнымъ при раздѣлѣ естественныхъ правъ человѣческаго рода.

Строгая англійская семья, съ чинными, благовоспитанными женщинами, имѣла на Райнера свое вліяніе. Онъ пересталъ избѣгать и бояться женщинъ и держался истымъ джентльменомъ, но природная застынчивость его не оставляла. Большого удовольствія въ этомъ обществѣ онъ не находилъ съ самаго начала, и къ концу перваго же года оно ему совершенно опротивѣло своею чопорностью, мелочностью и искусственностью. Его возмущало, что и хозяйка, и ея дочери, и ихъ кузины могутъ смертельно поблѣднѣть оттого, напримѣръ, что неосторожный гость свалитъ головою плетеный бумажный «макассаръ» съ кресла, или совершить другое, столь же возмутительное преступленіе противъ общественнаго благоприличія. Онъ былъ въ семьяхъ квакеровъ и првпигитовъ; говорилъ съ ихъ «ангелами» и ѣлъ ростбифъ съ ихъ «серафимами». Онъ всматривался въ женщинъ этого оригинальнаго кружка, и онѣ ему тоже не нравились. А между тѣмъ, Райнеръ сталъ подумывать о женщинахъ, удаляя, впрочемъ, всякіи сладострастный помыселъ и стремясь къ отысканію какого-то чистаго, сильнаго, героическаго, но весьма туманнаго идеала.

Въ это время Райнеру совершенно опротивѣлъ Лондонъ. Онъ уѣхалъ въ Парижъ, и черезъ полгода ему стали гадокъ и Парижъ съ его императорскими бульварами, зуавами, галлереями, съ его сонными cochers, важными sergents de ville, голодными и раскрашенными gascrocheuse, ложью въ семьѣ и утощенницами на выставкѣ сенскаго Морга.

Революціонные парижскіе кружки тоже не нравились Райнеру. Еще онъ могъ симпатизировать федеративнымъ стремленіямъ чеховъ, но участіе католическаго духовенства и аристократіи въ дѣлахъ польской національности отворачивало его отъ этихъ дѣлъ. Брошенная отцомъ сѣмена презрѣнія къ папизму крѣпко разрослись въ молодомъ Райнерѣ, и онъ не могъ вообразить себѣ никакой роли въ какомъ бы то ни было участіи съ католическимъ попомъ. Къ тому же, какъ уже сказано, Райнеръ не былъ почитателемъ принципа національностей.

И тутъ-то ему вспомнились опоэтизированные рассказы

о русской общинѣ, о врожденныхъ наклонностяхъ русскаго народа къ социализму: припомнились русскіе люди, которые заявили свою рѣшительность, и люди, пріѣзжавшіе изъ Россіи съ разказами о своей рѣшительности и объ удобствѣ настоящей поры для кореннаго социальнаго переворота, къ которому общество созрѣло, а народъ готовъ искони, и все ждетъ только опытныхъ вождей и смѣлыхъ застрѣльщиковъ.

Вильгельмъ Райнеръ вернулся въ Англію. Долго не раздумывая и вовсе не списываясь съ отцомъ, онъ спѣшно покончилъ свои дѣла съ конторою, обвертѣлъ себя листами русской лондонской печати и весною того года, въ который начинается нашъ романъ, явился въ Петербургѣ.

По соображеніямъ Райнера, самымъ логическимъ образомъ выведеннымъ изъ слышанныхъ разказовъ русскихъ либераловъ-туристовъ, раздумывать было некогда: въ Россіи каждую минуту могла вспыхнуть революція въ пользу дѣла, которое Райнеръ считалъ законнѣйшимъ изъ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ и за которое давно рѣшилъ положить свою голову.

Таковъ былъ Райнеръ, съ которымъ мы мелькомъ встрѣтились въ первой книгѣ романа и съ которымъ намъ не разъ еще придется встрѣтиться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Свои люди.

Наступилъ вечеръ великаго дня, въ который Араповъ долженъ былъ ввести Розанова къ своимъ людямъ и при этомъ случаѣ показать *чужого человека*.

Это былъ тяжелый, сѣрый день, безъ утренняго разсвѣта и безъ вечернихъ сумерекъ; день, непосредственно смѣняющій замѣшканную ночь и торопливо сгоняемый другою ночью.

Араповъ былъ не въ духѣ. Его что-то разстроило съ самаго утра и, къ тому же, онъ, какъ человѣкъ очень нервный, былъ весьма чувствителенъ къ атмосфернымъ вліяніямъ.

— Идемте, — сухо сказалъ онъ Розанову, взойдя къ нему въ семь часовъ вечера.

И они пошли.

Выйдя за ворота, Розановъ хотѣлъ взять извозчика, но Араповъ сказалъ, что не надо.

Они держали путь прямо къ старому казенному зданію.

— Здѣсь намъ надо повидать одного человѣка,—говорилъ Араповъ, входя подъ темную арку стараго зданія.

«Юлія, или подземелья замка Мадзини» и всѣ картинные ужасы эффектныхъ романовъ лэди Редклиффъ вставляли въ памяти Розанова, когда они шли по темнымъ коридорамъ оригинальнаго дворца. Взошли въ какую-то круглую комнату, ощупью добрались до одной двери и опять коридоръ, опять шаги раздаются какъ-то страшно и торжественно, а навстрѣчу никого не попадается. Потомъ пошли какіе-то завороты, лѣсенки и опять снова коридоръ. Въ темнотѣ, да для человѣка непривычнаго — точныя катакомбы. Наконецъ впереди мелькнуло сѣрое пятно: это была выходная дверь на какой-то дворикъ.

Приближаясь къ этому выходу, Розановъ сталъ примѣчать, что по сторонамъ коридора есть тоже двери, и у одной изъ нихъ Араповъ остановился и стукнулъ три раза палкой.

Въ отвѣтъ на этотъ стукъ слышались сначала очень глухіе шаги, потомъ они раздались близко и, наконецъ, дверь отворилась.

Передъ посѣтителями стоялъ солдатъ съ сальною свѣчкою въ рукахъ.

— Дома?—спросилъ Араповъ, безцеремонно проходя мимо солдата.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ денщикъ.

— Ну, все равно: дай мнѣ, Трошка, огня, я напишу ему записочку.

Солдатикъ пошелъ на цыпочкахъ, освѣщая сальною свѣчкою длиннѣйшую комнату, въ окна которой свѣтилъ огонь изъ противоположнаго флигеля. За первую комнатую началась вторая, немного меньшая; потомъ третья, еще меньшая, и, наконецъ, опять большая, въ которой были растянуты длинныя ширмы, оклеенныя обойною бумагою.

Вездѣ было очень пусто, даже почти совсѣмъ пусто, и только поразительнѣйшій безпорядокъ послѣдняго покоя придавалъ ему нѣсколько жилой видъ.

— Господинъ Райнеръ былъ у васъ нынче? — спросилъ Араповъ.

— Это французъ?

— Французъ.

— Были-съ.

— А чортъ дома? — спросилъ еще Араповъ, садясь за столъ, который столько же могъ назваться письменнымъ, сколько игорнымъ, обѣденнымъ или даже швальнымъ.

Здѣсь въ безпорядкѣ валялись книги, бумага, недошитый сапогъ, разбитыя игорныя карты, и тутъ же стояла тарелка съ сухарями и кровяной колбасой, бутылка съ пивомъ и чернильница.

Араповъ велѣлъ позвать къ себѣ «чорта» и оторвалъ кусокъ бумаги отъ какой-то тетради; а Розановъ присѣлъ-было на придвинутое къ столу кресло, но тотчасъ же, вмѣстѣ съ нимъ, полетѣлъ на полъ.

— Садитесь на диванъ; оно безъ ножки, — проговорилъ, засмѣявшись, Араповъ и опять сталъ писать.

Изъ двери, въ которую исчезъ денщикъ, сопя и покачиваясь, выступила тяжелая, массивная фигура въ замасленномъ, дубленомъ полушубкѣ.

— Это ты, чортъ? — спросилъ, не оборачиваясь, Араповъ.

— Я-съ, — произнесла сильнымъ голосомъ фигура.

— Отыщи ты сейчасъ капитана.

— Слушаю-съ.

— Ты знаешь, гдѣ онъ?

— Нѣтъ, не знаю-съ.

— Ну, разыщи.

Араповъ сталъ складывать записку, а докторъ разсматривалъ стоящаго у двери «чорта».

Богъ знаетъ, что это было такое: роста огромнаго, ручки длинныя, ниже колѣнъ, голова какъ малый пивной котель, говоритъ сильнымъ басомъ, ротъ до ушей и такой неприятный, и подлый, и чувственный, и холодно-жестокій.

— На, и иди, — сказалъ Араповъ, подавая «чорту» записку, послѣ чего тотъ сейчасъ же исчезъ за дверью.

— У кого это мы были? — спрашивалъ Арапова Розановъ, выходя изъ-подъ темной арки на улицу.

— Узнаете, — нехотя отвѣтилъ Араповъ.

— А что это за чортъ?

— А это, батюшка, артистъ: иконописаніемъ занимался и бурлакомъ былъ и чортъ его знаетъ, чѣмъ онъ не былъ.

- А теперь, что онъ тутъ дѣлаетъ?

— Ничего, — папирсы намъ дѣлають, да паспорта себѣ ожидаетъ съ того свѣта, — отвѣчалъ, улыбувшись, Араповъ.

Розановъ видѣлъ, что «чортъ» одна изъ тѣхъ многочисленныхъ личностей, которыя обитають въ Москвѣ, цѣлый вѣкъ таясь и пресмыкаясь, и понималъ, что этому созданію съ вѣроятностью можно ожидать паспорта только на тотъ свѣтъ; но какъ могли эти ручищи свертывать и подклеивать тонкую папирсную гильзу — Розановъ никакъ не могъ себѣ вообразить, однакоже ничего не сказалъ угрюмому Арапову.

По трехпогибельному тротуару одной изъ недалнихъ улицъ Розановъ вмѣстѣ съ Араповымъ дошли до параднаго подъѣзда одного очень опрятнаго домика и по чистенькой лѣсенкѣ, освѣщенной мѣдною лампочкою, вошли въ тепленькую и опрятную квартиру.

Пока челоуѣкъ бралъ ихъ верхнее платье, въ довольно ярко освѣщенномъ залыцѣ показался весьма миловидный молодой офицеръ въ нѣсколько длинноватомъ сюртукѣ.

Въ то время нѣкоторое удлиненіе полъ противъ форменнаго покроя, въ извѣстныхъ военныхъ кружкахъ, считалось признакомъ благовоспитанности, солиднаго либерализма и порядочности.

— Хозяинъ дома, Казимиръ Викентьевичъ Рациборскій, — сказалъ Розанову Араповъ: — вамъ честь имѣю рекомендовать Дмитрія Петровича Розанова, — добавилъ онъ, обращаясь къ хозяину.

Рациборскій очень любезно пожалъ руку Розанова и поблагодарилъ его за знакомство.

— Что-жь, никого еще нѣтъ? — спросилъ Араповъ, когда они перешли изъ маленькаго залыца въ столь же маленькую и уютную гостиную.

— Нѣтъ, кое-кто есть, — отвѣчалъ Рациборскій.

— До «шваховъ» еще долго?

— Да, теперь въ началѣ восьмой; раньше восьми никто не будетъ, — отвѣчалъ скромно хозяинъ.

Вообще всѣ его слова и манеры были какъ нельзя болѣе подѣстать его сюртуку, краснорѣчиво говорили о его благовоспитанности и, съ перваго же раза располагали въ его пользу.

— Такъ время дорого, — замѣтилъ Араповъ.

— Да, — произнесъ, улыбаясь, Рациборскій: — оно всегда

дорого, — и не спѣша добавилъ: — Позвольте попросить васъ, г. Розановъ, въ мою рабочую комнату.

Всѣ втроемъ они перешли по мягкому ковру въ третью комнату, гдѣ стояла кровать хозяина и хорошенькая спальная мебель.

Радиборскій подошелъ къ приставленному у стѣны шкапу краснаго дерева и не повернулъ, а подавилъ внутрь вложенный въ двери ключъ.

Шкапъ открылся и показалъ другую дверь, которую Радиборскій отперъ, потянувъ ключъ на себя.

За второю дверь висѣло толстое зеленое сукно.

Радиборскій отдернулъ за шнурокъ эту плотную занавѣску, и они вошли въ большую, ярко освѣщенную комнату, застланную во весь полъ толстымъ плетенымъ ковромъ и съ окнами, закрытыми тяжелыми шерстяными занавѣсками.

Убранство этой комнаты было также весьма мило и изящно, но придавало покою какой-то двойственный характеръ. Вдоль всей стѣны, подъ окнами, — стоялъ длинный, некрашенный столъ, въ которомъ были въ рядъ четыре выдвижные ящичка съ мѣдными ручками. На этомъ столѣ помѣщалось нѣсколько картонныхъ коробокъ для бумагъ, небольшая гальваническая батарея, двѣ модели нарѣзныхъ пушекъ, двѣ чертежныя доски, съ натянутыми на нихъ листами ватманской бумаги; доска съ закрытымъ чертежомъ, роскошная чернильница, портретъ Лелевеля, портретъ Гердена и художественно-исполненная свинцовымъ карандашомъ женская головка съ подписью:

«To Litwinka, dziewczica bohater,
Wodz Powstanców: Emilia Plater».

Надъ столомъ еще висѣлъ портретикъ прекрасной молодой женщины, подъ которымъ изъ того же поэта можно было бы написать:

«I nie potrzeba tłumaczyć,
Co chce slyszac, co zobaczyc».

Столъ освѣщался большою солнечною лампою.

Далѣе, въ углубленіи комнаты, стояли мягкіе полукруглый диванъ и нѣсколько такихъ же мягкихъ кресель, обитыхъ зеленымъ трипомъ. Передъ диваномъ стоялъ небольшой орѣховый столикъ съ двумя свѣчами. Къ стѣнѣ, выходившей къ спальнѣ Радиборскаго, примыкала длинная

оттоманка, на которой свободно могли улечься два человека, ноги къ ногамъ. У четвертой стѣны, прямо противъ дивана и орѣховаго столика, были два шкапа съ книгами и между ними опять тяжелая занавѣска изъ зеленого сукна, ходившая на кольцахъ по мѣдной проволокъ.

— Господа! позвольте мнѣ представить вамъ новое лицо, которое мы должны принять по-братски,—произнесъ Рациборскій, подводя Розанова за руку къ столику, передъ которымъ сидѣли четыре человека.

Гости встали и вѣжливо поклонились вошедшимъ.

— Студентъ Кастанъ Слободзинскій, съ Вольня, — рекомендовалъ Розанову Рациборскій: — капитанъ Тарасъ Никитичъ Барилочка, — продолжалъ онъ, указывая на огромнаго офицера, — иностранецъ Вильгельмъ Райнеръ и мой дядя, старый офицеръ бывшихъ польскихъ войскъ, Владиславъ Оомичъ Ярошинскій. Съ послѣднимъ и вы, Араповъ, незнакомы: позвольте васъ познакомить, — добавилъ Рациборскій и тотчасъ же пояснилъ: — мой дядя соскучился обо мнѣ, не вытерпѣлъ, пока я возьму отпускъ, и вчера пріѣхалъ на короткое время въ Москву, чтобы повидаться со мною.

— Да, давню южъ не видѣлись, захотѣлъ повидѣться, — проговорилъ бывший офицеръ польскихъ войскъ, пожавъ руки Арапову и Розанову.

Райцеръ поклонился Розанову, какъ совершенно незнакомому человеку, и, отойдя, сталъ у рабочаго стола Рациборскаго.

Араповъ сказалъ Барилочкѣ, что они сейчасъ заходили къ нему и послали за нимъ «чорта», и тотчасъ же завязалъ разговоръ съ Ярошинскимъ, стараясь держаться какъ-то и таинственно, и рѣшительно, и ловко.

Розановъ присѣлъ на концѣ длинной оттоманки и сталъ разсматривать комнату и лицъ, въ ней находящихся.

Изъ неодушевленной обстановки онъ замѣтилъ то, что мы упомянули, описывая фізіономію рабочаго покоя Рациборскаго. Розановъ зналъ, въ какую сферу его вводитъ новое знакомство, и обратилъ свое вниманіе на живыхъ людей, которые здѣсь присутствовали.

Капитанъ Барилочка былъ хохоль не хитрой расы, но типъ, прямо объясняющій «звиткіля вінъ узався». Если бы Барилочку привезти на полтавскую или на роменскую яр-

марку, то непременно бы заговорили: «Дивись, дивись отъ цѣ, якъ вырядився Фонфачки сынокъ, що зъ Козельце».

Капитанъ былъ человекъ крупный, тѣлесный, нрава на видъ мягкаго, веселаго и тоже на видъ откровеннаго. Голосъ имѣлъ громкій, бакенбарды густѣйшія, носъ толстый, глазки слащавые, и что въ его мѣстности называется «очинивныя». Усы, закрывавшіе его длинную верхнюю губу, не позволяли видѣть самую характерную черту его весьма незлого, но до крайности ненадежнаго лица. Лѣтъ ему было подъ сорокъ.

Студентъ Слободзинскій былъ на видъ весьма кроткій юноша, — высокій, довольно стройный, съ нѣсколько ксендзовскимъ, острымъ носомъ, сѣрыми умными глазами и очень сдержанными манерами. Ему было двадцать два, много двадцать три года.

Офицеръ польскихъ войскъ была фигура показная. Это былъ типъ старопольскаго пана средней руки. Онъ имѣлъ на видъ лѣтъ за пятьдесятъ, но на головѣ у него была густая шапка сѣдыхъ, буйно разметанныхъ волосъ. Подбородокъ его и щеки были тщательно выбриты, а ротъ совсѣмъ закрывался сѣдыми усницами, спускавшимися съ угловъ губъ длинными концами ниже челюстей. Высокій, умный, но холодный лобъ Ярошинскаго былъ правильно подлиневанъ двумя почти сходящимися бровями, изъ которыхъ еще не совсѣмъ исчезъ черный волосъ молодости, но еще болѣе молодости было въ черныхъ, тоже очень умныхъ его глазахъ. Манеры Ярошинскаго были вкрадчивыя, но пріятныя. Одѣтъ онъ былъ въ сукошную венгерку со шпурами, и руки почти постоянно держалъ въ широкихъ шароварахъ со сборами.

Не успѣлъ докторъ осмотрѣть эти лица, на что было потрачено гораздо менѣе времени, сколько израсходовалъ читатель, пробѣжавъ сдѣланное мною описаніе, какъ надъ сукошною занавѣсою, противъ дивана, раздался очень тихій звонокъ.

— Швахи наступаютъ,—произнесъ, обращаясь къ Рациборскому, Араповъ.

Рациборскій ничего не отвѣтилъ, но тотчасъ же вышелъ въ дверь черезъ свою спальню.

Райнеръ все стоялъ, прислонясь къ столу и скрестя на

груди свои сильныя руки; студентъ и Барилочка сидѣли молча, и только одинъ Араповъ спорилъ съ Ярошинскимъ.

— Нѣтъ-съ,—говорилъ онъ Ярошинскому въ то время, когда вышелъ Радцборскій и когда Розановъ пересталъ смотрѣть, а началъ вслушиваться.—Нѣтъ-съ, вы не знаете, въ какую мы вступаемъ эпоху. Наша молодежь теперь не прежняя, вездѣ есть движеніе и есть люди на все готовые.

— Оповядалъ мнѣ Казя, оповядалъ, и шкода мнѣ этихъ людей, если они есть такіе.

— Какъ же вы жалѣете ихъ? Нужно же кому-нибудь погибнуть за общее дѣло. Вы же сами сражались вѣдь за свободу.

— О, да! Мы стары люди: мы не терезнейшихъ... Мы не тѣпершняйшого вѣку, — снисходительно говорилъ Ярошинскій.

— Да вѣдь вотъ то-то и есть несчастье Польши, что она Россіи не знаетъ и не понимаетъ.

— Вотъ этое, что правда, то правда,—подтвердилъ полякъ, зная, что уста его надежно декорированы усамы, сквозь которые ничей глазъ не замѣтитъ презрительно насмѣшливой улыбки.

— А вотъ передъ вами сколько человѣкъ? Одинъ, два, три... ну, четвертый, положимъ, полякъ... и всѣ одного мнѣнія и всѣ пойдемъ и ляжемъ...

Подъ сѣдыми усамы, вѣроятно, опять что-то шевельнулось, потому что Ярошинскій не сразу заговорилъ:

— Обронъ васъ Боже, панове. Я и Казю прѣсилъ и тебѣ говорю, Кастанцю,—обратился онъ къ студенту,—не рунтесь вы. Хѣба еще мало и польской и россійской шляхетной крови пролялось. Сѣдыте тихо, посядайте науки, да молитте Пана Бога. Остружность, велика остружность потрібна въ такей порѣ. Нѣродъ злыи сталъ. Цо я тутай слышалъ отъ Казы и что вы мнѣ говорите, я разумѣю за дзедцинады... за дѣтинство, — пояснилъ Ярошинскій, очень затрудняясь наборомъ русскихъ словъ:—Але якъ вы можѣтетакъ звращать увагу на нынѣшнихъ людей! Якій-кольвекъ блазень, якій кольвекъ лѣгай, хлопъ, а наигоржей хлопъ тыле людей може загубить, же самъ и сотки одъ нихъ не вартъ.

— О, нѣтъ-съ! Ужъ этого вы не говорите. Нашъ народъ не таковъ, да ему не изъ-за чего насъ выдавать. Наме начало тѣмъ и вѣрно, тѣмъ несомнѣнно вѣрно, что мы стремимся къ революціи, на совершенно иномъ принципѣ.

Въ комнату снова вошелъ Рациборскій и, подойдя къ Арапову, подалъ ему сложенную бумажку.

— Что это?

— Вѣрно ваше письмо.

— Какое?

— «Чортъ» принесъ, Тараса Пикитича отыскивалъ.

— Вы сказали, что его нѣтъ.

— Да, сказалъ, что нѣтъ.

— А тамъ кто у васъ?

— Никого еще пока: это «чортъ» звонилъ.

— Co to za nazwisko ciekawe? Powiedz mnie Kaziu, prosze ciebie,—произнесъ удивленный старикъ, обращаясь къ племяннику. — Co to jest takiego: chyba juz doprawdy wy i z diablami tutaj poznajomiliscie?—добавилъ онъ смѣясь.

— Да, это вотъ они, мужики, одного «чортомъ» зовутъ,—отвѣчалъ по-русски Рациборскій.

— То-то, а я, якъ провинцияль, думаю, что можетъ ту-тейшая наука молодыхъ южь и дьябла до услугъ себѣ забрала.—проговорилъ опять играя старикъ.

Надъ занавѣскою снова раздался мелодическій звонокъ, и Рациборскій опять ушелъ черезъ свою спальню.

— Гости?—спросилъ старикъ Арапова.

— Вѣрно гости.

— Все такіе, якъ и вы?

— Нѣтъ, тамъ всякіе бывають: мы ихъ зовемъ «швахами».

— Ну, такъ я къ нимъ; бесѣдуйте себѣ,—я мое сдѣлалъ, лучше волю не слышать, ежели не хотите меня послушать,—проговорилъ шутя старикъ и поднялся.

Проходя мимо Арапова, онъ потрепалъ его, на старческомъ правѣ, по плечу и тихо проронилъ со вздохомъ:

— Охъ, глѣва, глѣва горячал, не даромъ тебѣ згинуты.

Совершивъ свою манипуляцію и пророческое предсказаніе надъ головою Арапова, Ярошинскій ушелъ въ ту же дверь, въ которую передъ тѣмъ вышелъ его племянникъ.

Надъ занавѣскою опять прозвонило и вслѣдъ затѣмъ голосъ Рациборскаго произнесъ въ комнатѣ:

— Идите кто-нибудь, много чужихъ.

Розановъ съ изумленіемъ оглядѣлъ комнату: Рациборскаго здѣсь не было, а голосъ его раздавался у нихъ надъ самымъ ухомъ.

Араповъ и Барилочка расхохотались.

— Механика, батюшка,—произнесъ Араповъ съ видомъ авторитетнаго старѣйшинства:—каменія глаголять.

Въ двери, которою до сихъ поръ входили, показался Рациборскій и сказалъ:

— Идите, господа, понемножку; идите вы, Тарасъ Никитичъ.

Барилочка всталъ и псчезъ за занавѣскою, надъ которой повременамъ раздавался тоненькій звонъ серебрянаго колокольчика.

— Чего вы смѣтаетесь, Араповъ?—спросилъ Рациборскій.

Араповъ разсказалъ, въ смѣшномъ видѣ, розановское удивленіе при звонкахъ и таинственномъ зовѣ, и вышелъ изъ этой комнаты.

— Это простая вещь, я виноватъ, что не разсказалъ вамъ ранѣе,—любезно проговорилъ Рациборскій:—я живу одинъ съ человѣкомъ, часто посылаю его куда-нибудь, а самъ сижу постоянно за работою, въ этой комнатѣ, такъ долженъ былъ позаботиться о нѣкоторыхъ ея удобствахъ. Отсюда ничего не слышно; этотъ коверъ и мебель удивительно скрадываютъ звуки, да я и самъ заботился, чтобы мнѣ ничто не мѣшало заниматься; поэтому звонокъ, который вы здѣсь слышите, просто соединенъ, на случай выхода слуги, съ наружнымъ колокольчикомъ. А голосъ... это просто... видите,—Рациборскій подошелъ къ открытому мѣдному отдушнику и пояснилъ:—это не въ печкѣ, а въ деревянной стѣнѣ, печка вотъ гдѣ. Это я сдѣлалъ, чтобы знать кто приходитъ, потому что иногда нѣтъ покоя отъ посѣтителей. Когда тотъ конецъ открытъ, здѣсь все слышно, что говорится въ передней. Вы извините, пожалуйста, что я не предупредилъ васъ, здѣсь нѣтъ никакихъ тайнъ,—проговорилъ Рациборскій и, пригласивъ гостей идти въ общія комнаты, вышелъ.

За Рациборскимъ тотчасъ же ушелъ за занавѣску подъ звонкомъ Слободзинскій.

Розановъ остался одинъ съ Райнеромъ.

— Какъ вамъ живется, Райнеръ?—освѣдомился докторъ.

— Благодарю. Какими вы здѣсь судьбами?

Розановъ наскоро сообщилъ цѣль своего пріѣзда въ Москву и спросилъ:

— Зачѣмъ вы меня не узнали?

— Такъ, я не сообразилъ, какъ мнѣ держаться съ вами:

вы вошли такъ неожиданно. Но мы можемъ сдѣлать видъ, что слегка знакомы. Секретъ не годится: Пархоменко все оболтнетъ.

— Да и здѣсь, можетъ-быть, стѣны слышать, что мы говоримъ съ вами,—прошепталъ ему на ухо Розановъ.

— Идемте, однако,—сказалъ Райнеръ.

— Пойдемте.

— Нѣтъ, вмѣстѣ нельзя; идите вы впередъ, вотъ въ эту дверь: она ведетъ въ буфетъ и васъ тамъ встрѣтитъ человѣкъ.

Розановъ отодвинулъ занавѣску, потомъ отворилъ дверь, за нею другую дверь, и вышелъ изъ шкапа въ чистенькую каморочку, гдѣ стояла опрятная постель слуги и буфетный шкапъ.

Его встрѣтилъ слуга и черезъ дверь, сдѣланную въ дощатой перегородкѣ, отдѣлявшей переднюю отъ буфета, проводилъ до залы.

По залѣ ходили два господина. Одинъ высокій, стройный брюнетъ, лѣтъ двадцати пяти; другой маленькій блондинчикъ, щупленькій и какъ бы сжатый въ комочекъ. Брюнетъ былъ очень хорошъ собою, но въ его фигурѣ и манерахъ было очень много изысканности и чего-то говорящаго: «не тронь меня». Черты лица его были тонки и правильны, но холодны и дышали эгоизмомъ и безучастностью. Вообще физіономія этого красиваго господина тоже говорила «не тронь меня»; въ ней видимо преобладали цинизмъ и половая чувственность, мелкая завистливость и злобная мстительность исподтишка. Красавецъ былъ одѣтъ безукоризненно и не снималъ съ рукъ тонкихъ лайковыхъ перчатокъ блѣднозеленаго цвѣта.

Блондинчикъ, напротивъ, былъ грязноватъ. Его сухіе, изжелта-сѣрые, нѣсколько волнистые волосы лежали весьма некрасиво; бѣлье его не отличалось такою чистотою, какъ у брюнета; одѣтъ онъ былъ въ пальто безъ талии, сшитое изъ коричневаго трико, съ какою-то малиновою искрой. Маленькіе сѣрые глазки его безпрестанно щурились и смотрѣли умно, но измѣнчиво. Минутю въ нихъ глядѣла самонадѣянность и заносчивость, а потомъ вдругъ это выраженіе быстро падало и уступало мѣсто какой-то робости самоуничиженію и давленности. Маленькія сѣрыя ручки и сморщенное сѣрое личико блондина придавали всему ему

какой-то неотмываемо грязный и неприятный видъ. Словно сквозь кожистые покровы проступала внутренняя грязь.

Розановъ, проходя, слегка поклонился этимъ господамъ, и въ отвѣтъ на его поклонъ брюнетъ отвѣчалъ самымъ вѣжливымъ и изысканнымъ поклономъ, а блондинъ только прищурилъ глазки.

Въ гостиной сидѣли панъ Ярошинскій, Араповъ, хозяинъ дома и какой-то рыжій, растрепанный коренастый субъектъ. Араповъ продолжалъ бесѣду съ Ярошинскимъ, а Рациборскій разговаривать съ рыжимъ.

При входѣ Розанова, Рациборскій всталъ, пожалъ ему руку и потомъ отрекомендовалъ его Ярошинскому и рыжему, назвавъ при этомъ рыжаго Петромъ Николаевичемъ Бычковымъ, а Розанова—пріятелемъ Арапова.

При вторичномъ представленіи Розанова Ярошинскому полякъ держалъ себя такъ, какъ будто онъ до сихъ поръ ни разу нигдѣ его не видѣлъ.

Не успѣлъ Розановъ занять мѣсто въ укромной гостиной, какъ въ залѣ послышался веселый, громкій говоръ и вслѣдъ затѣмъ въ гостиную вошли три человѣка; блондинъ и брюнетъ, которыхъ мы видѣли въ залѣ, и Пархоменко.

Пархоменко былъ черномазенькій хлопчикъ, лѣтъ весьма молодыхъ, съ широкими скулами, непропорціонально узкимъ лбомъ и еще болѣе непропорціонально узкимъ подбородкомъ, на которомъ, по вычисленію пріятелей, съ одной стороны росло семнадцать коротенькихъ волосинокъ, а съ другой — двадцать четыре. Держалъ себя Пархоменко весьма развязнымъ и весьма нескладнымъ развихляемъ, питалъ національное предубѣжденіе противъ носовыхъ платковъ и въ силу того безпрестанно дергалъ лѣвою щекою и носомъ, а въ минуты размышленія съ особеннымъ тщаніемъ и ловкостью выдавливалъ пальцемъ свой правый глазъ. Лиза нимало не ошиблась, назвавъ его «дурачкомъ» послѣ меревского бала, на которомъ Пархоменко впервые показался въ нашемъ романѣ. Пархоменко былъ такъ себѣ, шальной, дурашливый, петербургскій хохликъ, что называется «безглазая леданица».

При входѣ Пархоменки, опять началась рекомендація.

— Прохоръ Матвѣевичъ Пархоменко, — сказалъ Рациборскій, представивъ его разомъ всей компаніи, и потомъ поочередно назвалъ ему Ярошинскаго и Розанова.

— А мы давно знакомы!—воскликнул Пархоменко при имени Розанова, и протянул ему по-приятельски руку.

— Гдѣ же вы были знакомы?

— Мы познакомились нынѣшнимъ лѣтомъ въ провинціи, когда я ѣздилъ съ Райнеромъ.

— Такъ и вы, Райнеръ, старые знакомые съ докторомъ?

— Да, я мелькомъ видѣлъ господина Розанова и, виновать, не узналъ его съ перваго раза, — отвѣчалъ Райнеръ.

Радиборскій познакомилъ Розанова съ блондиномъ и брюнетомъ. Брюнета онъ назвалъ Петромъ Сергѣевичемъ Бѣлоярцевымъ, а блондина Иваномъ Семеновичемъ Завулоновымъ.

«Такъ и есть, что изъ семи-овчинныхъ утробъ», подумалъ Розановъ, принимая крохотную, костлявую ручку сѣренькаго Завулонова, который тотчасъ же крикнулъ, зашелестилъ ладонью по своей желтенькой гривкѣ и, взявъ за локоть Бѣлоярцева, потянулъ его опять въ залу.

— Ну что, Пархомъ удобоносительный, что новаго? — спросилъ шутливо Араповъ Пархоменку.

Пархоменко, значительно улыбувшись, вытащилъ изъ кармана нѣсколько вчетверо свернутыхъ листиковъ печатной бумаги, ударилъ ими шутя по головѣ Арапова и сказалъ:

— Семь дней всего какъ изъ Лондона.

— Что это: *Колоколь*?

— А то что жъ еще?—съ улыбкою отвѣтилъ Пархоменко и, сѣвъ съ нѣкоторою, такъ-сказать, либеральною важностію на кресло, тотчасъ же засунулъ указательный палецъ правой руки въ глазъ и выпятилъ его изъ орбиты.

Араповъ сталъ читать новый нумеръ лондонскаго журнала и прочелъ его отъ первой строчки до послѣдней. Всѣ слушали, кромѣ Бѣлоярцева и Завулонова, которые, разговаривая между собою полушопотомъ, продолжали попрежнему ходить по залѣ.

Начался либеральный разговоръ, въ которомъ Ярошинскій мастерски облагалъ сомнѣніями всякую мысль о возможности революціоннаго успѣха, оставляя, однако, всегда незагороженнымъ одинъ какой-нибудь выходъ. Но зато выходъ этотъ, послѣ высказанныхъ сомнѣній Ярошинскаго во всемъ прочемъ, незамѣтно становился такимъ яснымъ, что Араповъ и Бычковъ виѣ себя хватались за него и начинали именно его отстаивать, уносясь, однако, каждый

разъ опрометчиво далѣе, чѣмъ слѣдовало, и открывая вновь другія слабыя стороны. Ярошинскій неподражаемо мягко бралъ ихъ за эти пагисъ бока и, слегка пощекочивая своимъ скептицизмомъ, началъ обонуть разомъ до нѣкотораго бѣшенства.

— Все такъ, все такъ, — сказалъ онъ, наконецъ, послѣ двухчасоваго спора, въ которомъ никто не принималъ участія, кромѣ его, Бычкова и Арапова, только шкода людей, да и нима людей.—Что жъ эта газета, этихъ мыслейъ еще никто въ Россіи не понимаетъ.

— Что! что! Этихъ мыслейъ мы не понимаемъ? — закричалъ Бычковъ, давно уже оравшій во всю глотку. — Это мысль наша родная; мы съ ней родились; ее сосали въ материнскомъ молокѣ. У насъ правда по закону свята, принесли ту правду наши дѣды черезъ три рѣки на нашу землю. Еще Гагстаузенъ это видѣлъ въ нашемъ народѣ. Вы думаете тамъ, въ Польшѣ, что онъ намъ образецъ?.. Онъ намъ тѣфу! — Бычковъ плюнулъ и добавилъ: — вотъ что это онъ намъ теперь значить.

Ярошинскій тихо и внимательно глядѣлъ молча на Бычкова, какъ будто видя его насквозь, и только соображая, какъ идутъ и чѣмъ смазаны въ немъ разныя, то безъ пардона бѣгущія, то заскакивающія колесца и пружинки; а Бычковъ входилъ все въ бѣльшій азартъ.

Такъ прошло еще съ часъ. Говорилъ ужъ рѣшительно одинъ Бычковъ; даже араповскимъ словамъ не было мѣста.

«Что за чортъ такой!» — думалъ Розановъ, слушая страшныя угрозы Бычкова. Это не были пероновскія желанія Арапова полюбоваться пылающей Москвою и слушать стонъ и плачь *des boyards moskovites*. Араповскія стремленія были нѣживейшая сентиментальность передъ тѣмъ, чего желалъ Бычковъ. Тотъ бралъ шире: «залить кровью Россію, перерѣзать все, что къ штанамъ карманъ пришло. Ну пятьсотъ тысячъ, ну милліонъ, ну пять милліоновъ, говорилъ онъ. Ну, что жъ такое? Пять милліоновъ вырѣзать, зато пятьдесятъ пять останется и будутъ счастливы».

— Пятьдесятъ пять не останется, — замѣтилъ Ярошинскій.

— Отчего такъ?

— Такъ. Вотъ мы, напимѣрь, первые такей революціи не потребуемъ: не въ нашемъ характерѣ. У насъ земля

купіона, альбо тожъ унаслѣдовапа. Каждый повиненъ удовольниться тѣмъ, що ему Панъ Богъ далъ, и благодарить Его.

— Ну, это у васъ... Впрочемъ, что жъ: отдѣляйтесь. Мы васъ держать не станемъ.

— И Литва тежъ такой революціи не прагнетъ.

— И Литва пусть идетъ.

— И козаччина.

— И она тоже. Пусть всѣ отдѣляются, кому съ нами не угодно. Мы стараго, какого-то мнимаго права собственности признавать не станемъ; а кто не хочетъ съ нами: живи самъ себѣ. Пусть и финны, и лифляндскіе нѣмцы, пусть всѣ идутъ себѣ доживать свое право.

— Запомнилъ панъ мордву и цыганъ, — замѣтилъ, улыбаясь, Ярошинскій.

— Всѣ, всѣ пусть идутъ, мы съ своимъ народомъ все сдѣлаемъ...

— А вашъ народъ собственности не любитъ?

Бычковъ нѣсколько затруднился, но тотчасъ же вмѣсто отвѣта сказалъ:

— Читайте Гагетгаузена: народъ нашъ исповѣдуетъ естественное право аграрнаго коммунизма. Онъ гнушается правомъ поземельной собственности.

— Правда, такъ панове?—спросилъ Ярошинскій, обратясь къ Розанову, Райнеру, Барилочкѣ, Рациборскому, Пархоменкѣ и Арапову.

— Да, правда,—твердо отвѣтилъ Араповъ.

— Да,—произнесъ такъ же утвердительно и съ сознаниемъ Пархоменко.

— Мое дѣло, «скачи враже, якъ *миръ* каже», — шуточно сказалъ Барилочка, измѣняя однимъ русскимъ словомъ значеніе грустной пословицы: «Скачи, враже, якъ панъ каже», выработавшейся въ дни польскаго панованья. — А что до революціи, то я и душой, и тѣломъ за революцію.

Оба молодые поляка ничего не сказали и, къ тому же, Рациборскій всталъ и вышелъ въ залу, а оттуда въ буфетъ.

— Ну, а вы, пане Розановъ?—вопросилъ Ярошинскій.

— Для меня, право, это все ново.

— Ну, однако, якъ вы уважаете на то?

— Я знаю одно, что такой революціи не будетъ. Утверждаю, что она невозможна въ Россіи.

— Отъ чловѣкъ, такъ чловѣкъ! — радостно подхватилъ Ярошинскій:—Россія повинна сѣдзецъ и чакаць.

— А отчего-съ это она невозможна?—сердито вмѣшался Бычковъ.

— Оттого, что народъ не захочеть ея.

- А вы знаете народъ?

- Мнѣ кажется, что знаю.

— Вы знаете его, какъ чиновникъ, — ядовито замѣтилъ Пархоменко.

— А! Такъ бы вы и сказали: я бы съ вами и спорить не сталъ, — отозвался Бычковъ. — Народъ съ служащими русскими не говоритъ, а вы послушайте, что народъ говорить съ нами. Вотъ, разспросите Бѣлоярцева или Завулонова: они ходили по Россіи, говорили съ народомъ и знаютъ, что народъ думаетъ.

— Ничего, значить, народъ не думаетъ,—отвѣтилъ Бѣлоярцевъ, который незадолго передъ этимъ вошелъ съ Завулоновымъ и сѣлъ въ гостиной, потому что въ залѣ чловѣкъ началъ готовить закуску.—Думаетъ теперича онъ, какъ ему, что ни въ самомъ что ни есть наилучшемъ видѣ сосѣда поприжать.

— По-душевному, милый чловѣкъ, по-душевному, по-божннному,—подсказалъ въ тонѣ Бѣлоярцеву Завулоновъ.

Оба они чрезвычайно искусно подражали народному говору и этими короткими фразами заставили всѣхъ разсмѣяться.

— Закусить, господа,—пригласилъ Рациборскій.

Господа проходили въ залу группами и доканчивали свои разговоры.

— Конечно, мы ему за прежнее благодарны, — говорилъ Ярошинскому Бычковъ:—но для теперешняго нашего направленія онъ отсталъ; онъ слабъ, сентименталенъ; слишкомъ перемопливъ. Размягченіе мозга ужъ чувствуется... Ужъ такой возрастъ... Разумѣется, мы его вызовемъ, но только съ тѣмъ, чтобы ужъ онъ насъ слушалъ.

— Да,—говорилъ Райнеру Пархоменко:—это необходимо для однообразія. Теперь въ тамошнихъ школахъ будутъ читать и въ здѣшнихъ. Я двумъ распорядителямъ ужъ роздалъ по четыре экземпляра «звѣздъ» и Фейербаха на школу, а то черезъ васъ вышло.

— Да вы еще останьтесь здѣсь на нѣсколько дней.

— Не могу; то-то и есть, что не могу. Птицынь ищеть, чтобы я немедленно ѣхалъ: они тамъ безъ меня не знаютъ, гдѣ что пораспахано.

— Такъ, или нѣтъ? — раболѣпно спрашивалъ, проходя въ двери, Завулоновъ Бѣлоярцева.

— Я постараюсь, Иванъ Семеновичъ, — отвѣчалъ пріятнымъ баскомъ Бѣлоярцевъ.

— Пожалуйста, — приставалъ молитвенно Завулоновъ: — мнѣ только бы съ нею развязаться, и чортъ съ ней со-всѣмъ. А то я сейчасъ сяду, изображу этакую штучку въ листикъ, или въ полтора. Только бы хоть двадцать пять рубликовъ впередъ.

— Да ужъ я постараюсь, — отвѣчалъ Бѣлоярцевъ, а Завулоновъ только крикнулъ селезнемъ и сдѣлалъ движеніе, въ которомъ было что-то говорившее: «знаемъ мы, какъ ты, подлець, стараешься! Еще нарочно отсовѣтуешь».

Какъ только всѣ вышли водки, Ярошинскій ударилъ себя въ лобъ ладонью и проговорилъ:

— О, до сту дѣзьябловъ; и запомнилъ потрактовать пановъ моею старопольской водкой; не пойте панове, я заразъ, — и Ярошинскій выбѣжалъ.

Но предостереженіе послѣдовало поздно: паны уже вышли по рюмкѣ. Однако, когда Ярошинскій появился съ дорожною фляжкой въ рукахъ и съ серебряною кружечкою съ изображеніемъ Косцюшкн, всѣ еще попробовали и «польской старки».

Перваго Ярошинскій попотчивалъ Розанова и обманулъ его, выпивъ самъ рюмку, которую держалъ въ рукахъ.

Райнеръ и Рациборскій не пили «польской старки», а всѣ прочіе, кромѣ Розанова, во время закуски два раза приложились къ мягкой, маслянистой водкѣ, безъ всякаго сивушнаго запаха. Розановъ не повторилъ, потому что ему показалось, будто и первая рюмка какъ-то ужъ очень сильно ударила ему въ голову.

Ярошинскій выпилъ двѣ рюмки, и за каждую изъ нихъ проглотилъ по маленькой сахарной лепешечкѣ.

Онъ ничего не ѣлъ, жаловался на слабость стараго желудка.

А гости сильно опьянѣли и опьянѣли сразу: языки раз-вязались и болтали вздоръ.

— Пейте, Райнеръ, — приставалъ Араповъ.

— Я никогда не пью и не могу пить, — спокойно отвѣчалъ Рейнеръ.

— Эхъ вы, нѣмецъ!

— Что нѣмецъ, — нѣмецъ еще пьетъ, а онъ баба, — подсказалъ Бычковъ. — Нѣмецъ говоритъ: *Wer liebt nicht Wein, Weib und Gesang, der bleibt ein Narr sein Leben lang.*

Райнеръ покраснѣлъ.

— А панъ Райнеръ и женщины не любитъ? — спросилъ Ярошинскій.

— И нѣсенъ тоже не люблю, — отвѣтилъ, мѣшаясь, застѣнчивый въ подобныхъ случаяхъ, Райнеръ.

— Ну, да. Пословица какъ разъ по шерсти, — замѣтилъ неспособный стѣсняться Бычковъ.

Райнера эта новая наглость бросила изъ краски въ мертвенную блѣдность, но онъ не сказалъ ни слова.

Ярошинскій всѣхъ наблюдалъ внимательно и не давалъ застыть живымъ темамъ. Разговоръ о женщинахъ, вѣроятно, представлялся ему очень удобнымъ, потому что онъ его поддерживалъ во время всего ужина и, начавъ полупути, полусерьезно говорить объ эротическомъ значеніи женщины, перешелъ къ значенію ея, какъ матери, и, наконецъ, какъ патриотки и гражданки.

Райнеръ весь обращался въ слухъ и вниманіе, а Ярошинскій все болѣе и болѣе распространялся о значеніи женщины въ исторіи, цитировалъ цѣлыя латинскія мѣста изъ Тацита, изобличая познанія, нисколько не отвѣчающія званію простаго офицера бывшихъ войскъ польскихъ, и, наконецъ, свелъ какъ-то все на необходимость женскаго участія во всякомъ прогрессивномъ движеніи страны.

— Да, у насъ есть женщины, — у насъ была Мароа Посадница новгородская! — воскликнулъ Араповъ.

— А чтò было, то не есть и не пишется въ реестръ, — отвѣтилъ Ярошинскій.

Между тѣмъ со стола убрали тарелки и оставалось одно вино.

— Цѣли Мароы Посадницы узки, — крикнулъ Бычковъ. — Что-жъ, она стояла за вольности повгородскія, ну, и что-жъ такое? Что-жъ такое государство? — фикція. Аристократическая выдумка и ничего больше, а свобода отношеній есть фактъ естественной жизни. Наша задача и задача нашихъ женщинъ шире. Мы прежде всѣхъ разовьемъ свободу отно-

шений. Какое право неразделимости? Женщина не может быть собственностью. Она родится свободною: съ какихъ же поръ она дѣлается собственностью другого?

Розановъ улыбнулся и сказалъ:

— Это напоминаетъ старый анекдотъ изъ римскаго права: когда яблоко становится собственностью человѣка: когда онъ его сорвалъ, когда съѣлъ или еще позже?

— Что намъ ваше римское право!—еще пренебрежительнѣе крикнулъ Бычковъ:—у насъ свое право. Наша правда по закону свята, принесли ту правду наши дѣды, черезъ три рѣки на нашу землю.

— У насъ такое право: заперъ покрѣпче въ коробью, такъ вотъ и *мос*,—произнесъ Завулоновъ.

— Мы бракъ долой.

— Такъ зачѣмъ же наши женщины замужъ идутъ?—спросилъ Ярошинскій.

— Оттого, что еще неурядица пока во всемъ стоитъ; а устроимъ общественное воспитаніе дѣтей и будутъ свободныя отношенія.

— Маткамъ шкода будетъ дѣтей покидать.

— Это вздоръ: родительская любовь предразсудокъ — и только. Связь есть *потребность*, законъ природы, а остальное должно лежать на обязанностяхъ общества. Отца и матери, въ извѣстномъ смыслѣ слова, вѣдь нѣтъ же въ естественной жизни. Животныя, вырастая, не соображаютъ своихъ родословныхъ.

У Райнера набѣжали на глаза слезы, и онъ, выйдя изъ-за стола, прислонился лбомъ къ окну въ гостиной.

— У женщины, съ которой я живу, есть ребенокъ, но что это до меня касается?..

Становилось ужъ не одному Райнеру гадко.

Ярошинскій всталъ, взявъ изъ угла очень хорошую гитару Рациборскаго и, сыгравъ нѣсколько аккордовъ, запѣлъ:

«Kwarta, da półkwarty
To półtory kwarty,
A jeszcze półkwarty,
To będzie dwie kwarty.
O la, o la!
To będzie dwie kwarty.»

Бѣлоярцевъ и Завулоновъ вполголоса попробовали подтянуть refrain.

Ярошиньскій сыгралъ маленькую вариацийку, и продолжалъ:

«Tereźniejsze chłopcы,
To со wietrzne młyny,
Latają od jednej
Do drugiej dziewczyny.
O la! o la!
Do drugiej dziewczyny.»

Бѣлоярцевъ и Завулоновъ хватили:

«О ля! о ля!
До другой дѣвчины.»

Пѣсенка пропѣта.

Ярошиньскій заигралъ другую и запѣлъ:

«Wyрił Kuba,
Do Jakóba,
Paweł do Michała.
Curu, ĩuru,
Ёuru, сuru,
Kompanja сага.»

— Ну-те, російскую,—попросилъ Ярошиньскій.

Бѣлоярцевъ взялъ гитару и заигралъ «Ночь осеннюю». Спѣли хоромъ.

— Вотъ еще, якъ это поется: «Ты помнишь ли, товарищъ славы бранной!»—спросилъ Ярошиньскій.

— Э, пѣть, чортъ съ ними, эти патріотическіе гимны!—возразилъ опьянѣвшій Бычковъ, и запѣлъ, пародируя извѣстную арію изъ оперы Глинки:

«Слався свобода и честный нашъ трудъ!»

— О, сильныя эти російскія спѣвы! Поментая, якъ ихъ поють на Волгѣ,—проговорилъ Ярошиньскій.

Гитара заняла, застонала въ рукахъ Бѣлоярцева какимъ-то широкимъ, разметистымъ стономъ, а Завулоновъ, зажавъ рукою ухо, запѣлъ:

«Эхъ, что жъ вы, ребята, призауныли;
Иль у васъ, ребята, денегъ нѣту?»

Араповъ и Бычковъ были вѣ себя отъ восторга.

Араповъ мычалъ, а Бычковъ выбивалъ тактъ и при послѣднихъ стихахъ запѣлъ въ разладъ:

«Разводите, братцы, огонь пожарчѣе,
Кладите въ огонь вы мого дядю съ теткой.
Тутъ-то дядя скажетъ: «денегъ много»;
А тетушка скажетъ: «смѣты нѣту».

У Бычкова даже ротъ до ушей растянулся отъ удовольствія, возбужденнаго словами пѣсни. Выраженіе его рыжей физиономіи до отвращенія вѣрно напоминало морду борзой собаки, лижущей въ окровавленные уста молодую лань, загнанную и загрызанную ради безчеловѣчной человѣческой потѣхи.

Русская публика становилась очень пьяна; хозяинъ и Ярошинскій шли мало; Слободзинскій шлъ, но молчалъ, а Розановъ почти ничего не шлъ. У него все ужасно кружилась голова отъ рюмки польской старки.

Бѣлоярцевъ началъ скоромить.

Онъ сдѣлалъ гримасу и зашѣлъ нѣсколько въ носъ солдатскимъ отхватомъ:

«Ты куды, куды, ежъ ползешь?
Ты куды, куды, собачій сынъ, идешь?
Я иду, иду на барскій дворъ,
Къ Акулини Степановиѣ,
Къ Лизавети Богдановиѣ.»

— «Стукъ, стукъ у воротъ»,—произнесъ театрално Завулоновъ.

— «Кто тамъ?»—спросилъ Бѣлоярцевъ.

Завулоновъ отвѣчалъ:

— «Ежъ».

— «Куда, ежъ, ползешь?»

— «Попить, погулять, съ красными дѣвушками поиграть».

— «Много ли денегъ несешь?»

— «Грошъ».

— «Ступай къ чорту, не гошъ».

Пьяный хоръ подхватилъ припѣвомъ, въ которомъ «ежъ» жаловался на жестокость красныхъ дѣвушекъ, старухъ и молодухекъ.

Это была такая грязь, такое сало, такой цинизмъ и насмѣшка надъ чувствомъ, что даже Розановъ не утерпѣлъ, всталъ и подошелъ къ Райнеру.

Черезъ нѣсколько минутъ къ нимъ подошелъ Ярошинскій.

— Какое знаніе народности!—сказалъ онъ по-французски, восхищаясь удачею пѣвцовъ.

— Только на что оно употребляется, это знаніе, — отвѣтилъ Розановъ.

— Ну, молодежь... Что ее осуждать строго, — проговорилъ снисходительно Ярошинскій.

А пѣвцы все пѣли одну гадость за другою и потому вдругъ заспорили. Вспоминали разныя женскія и мужекія имена, дѣлали изъ нихъ грязнѣйшія комбинаціи, и, наконецъ, остановясь на одной изъ такихъ пошлыхъ и совершенно неслѣзныхъ комбинацій, раздѣлились на голоса. Одни утверждали, что *да*, а другіе, что *нѣтъ*.

На сценѣ было имя маркизы: Розановъ, Ярошинскій и Райнеръ это хорошо слышали.

— Что тамъ спорить, воскликнулъ Бѣлоярцевъ: — дѣло всѣмъ извѣстное, коли про то ужъ пѣсня поется; изъ пѣсни слова не выкинешь, — и, дернувъ рукою по струнамъ гитары, Бѣлоярцевъ запѣлъ на голосъ «Ивушка»:

«Ты Баралиха, Баралиха,
Шальная голова,
Что жъ ты, Баралиха,
Не весела сидишь?
— Что жъ ты, Баралиха,
Не весела сидишь?»

подхватывалъ хоръ, и, продолжая пародію, пропѣлъ подлѣйшее предположеніе о причинахъ невеселаго сидѣнья «Баралихи».

Розановъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Это ужъ изъ рукъ вонъ подло.

Но Райнеръ совсѣмъ не совладѣлъ собой. Блѣдный, дрожа всѣмъ тѣломъ, со слезами, брызнувшими на щеки, онъ скоро вошелъ въ залу и сказалъ:

— Господа, объявляю вамъ, что это низость.

— Что такое?—спросили остановившіеся иѣвцы.

— Низость, это низость, ходить въ домъ къ честной жещицѣ и пѣть на ея счетъ такія гнусныя пѣсни. Здѣсь нѣтъ ея дѣтей, и я отвѣчаю за нее каждому, кто еще скажетъ на ея счетъ хоть одно непристойное слово.

Вмѣшательствомъ Розанова, Ярошинскаго и Рациборскаго сцена эта прекращена безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Райнера увели въ спальню Рациборскаго; веселой компаніи откупорили новую бутылку.

Но у иѣвцовъ уже не заваривалось новое веселье. Они полушопотомъ подтрунивали надъ Райнеромъ и пробовали-было запѣть что-то, чтобы не изболнчать своей трусости и конфуза, но ужъ все это не удавалось, и они стали собираться домой.

Только не могли никакъ уговорить идти Барилочку и Арапова. Эти уперно отказывались, говоря, что у нихъ здѣсь еще дѣло.

Бычковъ, Пархоменко, Слободзинскій, Бѣлоярцевъ и Заулоновъ стали прощаться.

— Вы не сердитесь, Райнеръ, — увѣщательно сказала Бѣлоярцевъ.

— Я и не сердился, — отвѣчалъ тотъ вѣжливо.

— То-то, это вѣдь смѣшно.

— Ну, это мое дѣло, — проговорилъ Райнеръ, высвобождая слегка свою руку изъ руки Бѣлоярцева.

Переходя черезъ залу, компанія застала Арапова и Барилочку за музыкальными занятіями.

Барилочка щипала безъ толку гитару и пѣла.

«Попереду иде Согайдачный,
Що промяявъ жинку,
Да тютунь, да люльку
Необачный!»

А Араповъ дурѣлъ:

«Слався свобода и честный нашъ трудъ!»

Какъ ихъ ни звали, чѣмъ ни соблазняли «въ почной тишинѣ», — «дѣло есть», отвѣчалъ коротко Араповъ и опять, хлопнувши себя ладонями по колѣнямъ, задувалъ:

«Слався свобода и честный нашъ трудъ!»

А Барилочка, въ отвѣтъ на приглашеніе, махала головой и ревелъ:

«Эй, вирныся Согайдачный,
Возьми свою жинку,
Поддай мою люльку
Необачный.»

Бычковъ пошелъ просить Розанова, чтобы онъ взялъ Арапова.

Когда онъ вошелъ въ спальню Радиборскаго, Райнеръ и Розановъ уже прощались.

— Вотъ то-то я и муваю, — говорилъ Ярошнисьскій, держа въ своей рукѣ руку Розанова.

— Да. Надо ждать; все же теперь не то, что было. «Сила есть и въ терпѣньѣ». Надо испытать все мирныя средства, а не подводить народъ подъ страдающаго.

— Такъ, такъ, — утверждалъ Ярошнисьскій.

— По крайней мѣрѣ вѣрно, что задача не въ томъ, чтобы мстить,—тихо сказалъ Райнеръ.

— Народъ и не помышляетъ ни о какихъ революціяхъ.

— Такъ, такъ,—хлопы всегда хлопы.

— Нѣтъ, не то, а они благодарны теперь,—вотъ что.

— Такъ, такъ,—опять подтвердилъ Ярошинскій: — какъ это отъ разу видать, что панъ Розановъ знаетъ свою краину.

— Къ чорту, этакое знаніе! — крикнулъ Бычковъ. — Народъ нужно знать по его духу, а въ вицмундрѣ его не узнаютъ.

Райнеръ и Розановъ пошли вопъ, и ничего не отвѣчая на эту выходку.

— Ой, шкода людей, шкода такихъ отважныхъ людей, какъ вы,—говорилъ Ярошинскій, идучи сзади ихъ съ Бычковымъ.—Цалый край еще дикій.

— Мы на то идемъ,—отвѣчалъ Бычковъ.—Отмстимъ за вѣковое порабощеніе и ляжемъ.

— Жалую васъ, вельми жалую.

— На наше мѣсто вырастетъ поколѣніе: мы удобримъ ему почву, мы польемъ ее кровью,—яростно сказалъ Бычковъ и захохоталъ.

Ярошинскій только пожалъ ему сочувственно руку.

Прощаясь, гости спрашивали Ярошинскаго, увидятся ли они съ нимъ снова.

— Я мыслю, я мыслю,—это какъ мой племянникъ. Какъ не выгнать, такъ я поѣду еще дней кильки. До jutра,—сказалъ онъ, прощаясь съ Слободзинскимъ.

— До jutра,—отвѣтилъ Слободзинскій, и компанія, топоча и шумя, вышла на улицу.

У воротъ дома капитанши Давыдовской компанія приглашала Розанова и Аранова ѣхать провести повеселѣе ночьку.

Розановъ наотрѣвъ отказался, а Райнера и не просили.

— Отчего вы не ѣдете? — приставалъ Арановъ къ Розанову.

— Полноте, у меня есть семья.

— Что жъ такое, семья? И у Бѣлоярцева есть жена, и у Барплочки есть жена и дѣти, да вѣдь ѣдутъ же.

— А я не поѣду—усталъ и завтра буду работать.

Компанія съѣла. Суетившійся Завулоновъ занялъ у Розанова три рубля и тоже поѣхалъ.

По улицѣ раздавался пьяный голосъ Барилочки, кричавшаго:

«Мени съ жинкой по возыться,
А тютюнь да люлька
Казаку въ дорози
Знадобится.»

Чтобъ стязаться отъ веселаго товарищества, Райнеръ зашелъ ночевать къ Розанову, въ кабинетъ Нечая.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Патеръ Родень и аббатъ д'Егриньи.

Какъ только орава гостей хлынула за двери квартиры Рациборскаго, Ярошинскій быстро повернулся на каблучкахъ и, пройдя молча черезъ залъ, гостиную и спальню, вошелъ въ уединенную рабочую хозяина.

Ласковое и внимательное выраженіе съ лица Ярошинскаго совершенно исчезло: онъ былъ серьезенъ и сухъ.

Проходя по гостиной, онъ остановился и, указавъ Рациборскому на кучу пепла и сора, сказалъ:

— Велите убрать эту мерзость.

Рациборскій поклонился и вернулся къ человѣку, а Ярошинскій вошелъ въ рабочую.

Черезъ десять минутъ Рациборскій два раза стукнулъ въ дверь этой комнаты.

— Войдите, — отвѣчалъ изнутри голосъ Ярошинскаго по-польски.

Но Ярошинскаго здѣсь не было. Не было здѣсь добродушнаго, сѣдого офицера бывшихъ войскъ польскихъ. По комнатѣ быстрыми шагами ходилъ высокій, сухой человѣкъ, лѣтъ тридцати-пяти или сорока. Его черные какъ смоль и блестящіе волосы изрѣдка начинали покрываться раннею серебряною искрой. Судя по живому огню глазъ и живости движеній, сѣдина очень торопилась сходить на эту, подъ бритву остриженную, голову. Лицо незнакомца дышало энергіей. Его далеко выдававшійся впередъ широкій подбородокъ говорилъ о волѣ, прямыя и тонкія блѣдныя губы — о холодности и хитрости, а прекрасный, гордый польскій лобъ съ ранними, характерно ломавшимися надъ тонкимъ носомъ морщинами, — о сильномъ умѣ и искушенномъ тяжелыми опытами прошломъ.

Теперь на томъ, кого мы до сихъ поръ называли Яро-

шишьскимъ, былъ надѣтъ длинный черный сюртукъ. Толсто-настеганная венгерка, въ которой онъ сидѣлъ до этого времени, лежала на диванѣ, а на столѣ, возлѣ лампы, былъ брошенъ артистически-устроенный сѣдой, клочковатый парикъ и длинные польскіе усы.

Рациборскій, взоидя, переложилъ ключъ и заперъ за собою дверь. Онъ дернулъ-было занавѣску другой двери, что вела въ буфетъ, но Ярошинскій сказалъ:

— Здѣсь уже заперто.

Рациборскій подошелъ къ печкѣ и, заложивъ назадъ руки, сталъ молча.

— Велите ложиться спать лакею, — сказалъ Ярошинскій, продолжая быстро ходить по комнатѣ и смотря въ полъ.

— Михаль! ложись спать, — крикнулъ по-польски Рациборскій въ фальшивый отдушникъ и, тотчасъ же закрывъ его войлочнымъ колпачкомъ, лежавшимъ на шкафу, сталъ снова у печки.

Съ минуты выхода гостей здѣсь все говорили по-польски.

Прошло болѣе часа, какъ загадочный человекъ сдѣлалъ послѣднее домашнее распоряженіе, а онъ все ходилъ по комнатѣ, опустивъ на грудь свою умную голову и смотря на схваченныя спереди кисти бѣлыхъ рукъ. Онъ былъ необыкновенно интересенъ: его длинная черная фигура, съ широко-раздувающимися длинными полами тонкаго матерчатого сюртука, придавала ему видъ какого-то мрачнаго духа, а мрачная печать, лежавшая на его бѣломъ лбу, и неслышные шаги по мягкому ковру еще болѣе увеличивали это сходство. Онъ не ходилъ, а точно леталъ надъ поломъ на своихъ черныхъ, крылообразно-раздувающихся фалдахъ.

Рациборскій стоялъ молча. Столовые часы мелодически прозвонили три раза.

— Это все, что я видѣлъ? — спросилъ незнакомецъ, продолжая ходить и смотрѣть на свои опущенныя къ колѣнямъ руки.

— Это все, панъ каноникъ, — отвѣчалъ тихо, но съ достоинствомъ Рациборскій.

— Странно!

— Это такъ есть.

Опять началось долгое молчаніе.

— И другого ничего?

— Ксендзъ канонникъ можетъ мнѣ вѣрить.

— Я вѣрю,—отвѣчала канонникъ, и послѣ долгой паузы сказала: — Я желаю, чтобы вы мнѣ изложили, почему вы такъ дѣйствовали, какъ дѣйствуете.

— Я сходилъ и наблюдалъ; болѣе я ничего не могъ дѣлать.

— Почему вы увѣрены, что, кромѣ этихъ господъ, нѣтъ другихъ удобныхъ людей?

— Я съ ними сходилъ: здѣшніе почти все въ этомъ родѣ.

— Въ этихъ *родкахъ* скажите: они все разнo мыслятъ.

— Таковы все; у нихъ что ни человекъ, то партія.

По тонкимъ губамъ канонника пробѣжала презрительная улыбка.

— Нужно выбрать что-нибудь поэффективѣе и поглушѣе. Эти скоты ко всему пристанутъ.

Канонникъ опять походилъ и добавилъ:

— Арановъ и рыжій весьма удобные люди.

— Фразеры.

— А что вамъ до этого?—сказала канонникъ, остано́ваясь и быстро вскинувъ голову.

— Съ ними ничего нельзя сдѣлать.

— Отчего?

— Пустые люди: всехъ выдадутъ и все испортятъ.

— А вамъ что за дѣло?

— Общество очень скоро пойметъ ихъ.

— А пока пойметъ?

— Они попадутся.

— А вамъ что за дѣло?

— Не перегубять другихъ.

— Вамъ что за дѣло? Что вамъ за дѣло?—спрашивала съ удареніемъ канонникъ.

Рациборскій молчалъ.

— Ваше дѣло не разсуждать, а повиноваться: законы ордена вамъ извѣстны?

— Я прошу позволенія...

— Вы должны слушать, молчать.

— Ксендзъ канонникъ Кракувка!—вспыльчиво вскрикнулъ Рациборскій.

— Что, папъ поручикъ московской службѣ?—съ презрительной гримасой произнесъ Кракувка, оглянувшись черезъ плечо на Рациборскаго.

Рациборскій вздохнулъ, медленно провелъ рукою по лбу и, сдѣлавъ шагъ на середину комнаты, спокойно сказалъ:

— Я прошу извиненія.

— Прощенія, а не извиненія,— сухо замѣтилъ канонникъ, не обращая никакого вниманія на Рациборскаго.

— Я прошу прощенія,—выговорилъ молодой человекъ.

Канонникъ не отвѣтилъ ни слова и продолжалъ ходить молча.

— Принесите мнѣ стаканъ воды съ сиропомъ,—прошепталъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.

Рациборскій вышелъ и, пока онъ возвратился, Кракувка что-то черкнулъ карандашомъ въ своемъ бумажникѣ.

— Вы дурно дѣйствовали, — началъ Кракувка, выпивъ воды и поставивъ стаканъ на столъ.

— Здѣсь ничего нельзя дѣлать.

— Неправда; дураковъ можно заставить плясать, какъ куколъ. Зачѣмъ они у васъ собираются?

— Они любятъ сходиться.

— Бездѣльники! Что жъ они думаютъ, зачѣмъ они собираются у васъ?

— Имъ кажется, что они дѣлаютъ революцію.

— Только и умно, что вы тѣпите ихъ этой обстановкой. Но что они ничего не дѣлаютъ—это ваша вина.

— Ксендзь канонникъ многого отъ меня требуетъ.

— Многого?—съ презрѣніемъ спросилъ Кракувка.—Они бредятъ коммунизмомъ своего народа, да?

— Да.

— Такъ я имъ завтра дамъ, что дѣлать, — сказалъ съ придыханіемъ Кракувка.

— Но и это не все; лучшіе, умнѣйшіе изъ нихъ не пойдутъ на это.

— А зачѣмъ вамъ лучшіе? Зачѣмъ вамъ этотъ лѣкарь?

— Мнѣ его рекомендовалъ Арановъ.

— Это очень глупо: онъ только можетъ мѣшать.

— Онъ знаетъ страну.

— Надо держать крѣпче тѣхъ, которые меньше знаютъ. У васъ есть Арановъ, рыжій, этотъ Пархоменко и капитанъ, да Райшеръ, — помните, чего жъ вамъ? А что эти Бѣлоярцевъ и Завулоповъ?

— Трусы.

— Совсѣмъ трусы?

— Совѣтъ трусы и не глупы.

— Гм! Ну, этихъ можно бросить, а тѣхъ можно употребить въ дѣло. При первой возможности, при первомъ случаѣ, пустить ихъ. Каждый дуракъ имѣетъ себѣ подобныхъ.

— Райнеръ не дуракъ.

— Энтузіастъ и неоплатоникъ, — это все равно, что и дуракъ: матеріаль дѣлкій.

— Розановъ тоже уменъ.

— Одолжить его. Въ чемъ онъ нуждается?

— Онъ ищетъ мѣста.

— Дать ему мѣсто. Послѣзавтра вышлите мнѣ въ Петербургъ его бумаги,—и онъ можетъ пригодиться. Ваше дѣло, чтобъ онъ только зпалъ, что онъ намъ обязанъ. А что это за маркиза?

— Женщина очень пылкая и благородная.

— А, это прекрасно.

— Она «бллая».

— Это все равно.

— Она ни въ чемъ не годна: только суетится.

— Надо ее увѣрить, что она дѣйствуетъ.

— Она это и такъ думаетъ.

— И прекрасно. Спутать ихъ какъ можно больше.

— Ксендъ канонникъ...

— Панъ поручикъ!

— Между ними есть честиѣйшіе люди. Я не смѣю возражать ничего противъ всѣхъ, но Розанова, Райнера и маркизу... за что же ихъ? Они еще могутъ пригодиться?

— Кому? кому?—опять съ придыханіемъ спросилъ канонникъ.—Этой шизмѣ вы бережете людей. Ей вы ихъ берегаете?

— Я не могу не уважать человѣческихъ достоинствъ во всякомъ.

— Кто хвалитъ чужое, тотъ уменьшаетъ достоинства своего.

— Они также могутъ содѣйствовать человѣческому счастью.

Канонникъ остановился посреди комнаты, заложилъ назадъ руки и, закинувъ голову, спросилъ:

— Вы вѣруете въ чистоту и благость стремленій общества Иисусова?

— Свято вѣрую,—отвѣчалъ съ искреннимъ убѣжденіемъ Рациборскій.

— Такъ помните же, — подлетая на своихъ черныхъ крыльяхъ къ Рациборскому, началъ канонникъ, — помните, что со временъ Иосефина намъ нѣтъ здѣсь мѣста и мы пресмыкаемся здѣсь или въ этомъ шутовскомъ маскарадѣ (ксендзъ указалъ на свой парикъ и венгерку), или въ этомъ московскомъ мундирѣ, который хуже всякаго маскарада. Помните это!

— Я помню.

— Австрія, эта проклятая ракушанка, даетъ намъ пріютъ, а въ нашей хваленой Россіи мы хуже жидовъ.

— Они не понимаютъ святыхъ заботъ общества.

— Такъ надо, чтобъ они ихъ поняли, — произнесъ, захотавъ, Кракувка. — Первый случай, и въ ходъ всѣхъ этихъ дураковъ. А пока пріобрѣтайте ихъ довѣріе.

— Это, ксендзъ канонникъ, не стоить труда: эти готовы вѣрить всякому, и никѣмъ не пренебрегаютъ, — даже «чортомъ».

— И отлично; нѣтъ ли еще гдѣ жида крещенаго?

— Можетъ-быть, найдутъ.

— И отлично. Чего же вамъ? Съ такимъ-то матеріаломъ не заложить постройки!

— Я искалъ другихъ людей.

— Лучше этихъ не надо. Полезиѣ дураковъ и энтузіастовъ нѣтъ. Ихъ можно заставить дѣлать все.

— Глушое, — сказалъ Рациборскій.

— Ничего умнаго и не надо намъ; поручикъ не стоить au courant съ интересами отечества.

Рациборскій грустно молчалъ.

Кракувка остановился, посмотрѣлъ на него, и, медленно подойдя къ висѣвшему надъ столомъ женскому портрету, сказалъ съ разстановкой:

— Уреула слишкомъ поторопилась дать свое слово: она не можетъ быть и никогда не будетъ женою нерѣшительнаго человѣка.

Рациборскій встрепенулся и взглянулъ на ксендза умоляющимъ взоромъ.

— Дайте мнѣ еще воды и простимся, — день наступаетъ, — тихо произнесъ Кракувка.

Если читатель вообразить, что весь описанный нами разговоръ шелъ съ безконечными паузами, встрѣчающимися въ разговорахъ обыкновенныхъ людей, то ему станетъ по-

пятно, что при этихъ словахъ, сквозь густыя шторы Рациборскаго, на іезуитовъ взглянуло осеннее московское утро.

Въ десять часовъ Ярошинскій давалъ аудіенцію пѣ-
коему Доленговскому, пожилому человѣку, занимающемуся
въ Москвѣ стряпческими дѣлами.

Главнымъ предметомъ разговора было внушеніе Долен-
говскому строгой обязанности неуклонно наблюдать за каж-
дымъ шагомъ Рациборскаго и сообщать обо всемъ Ярошин-
скому, адресуя въ Вѣну, *poste-restante*, на имя сеньора
Марцикани.

Потомъ дана была аудіенція Слободзинскому, на которой
молодому человѣку, между прочимъ, было велѣно слѣдить
за его университетскими товарищами и обо всемъ писать
въ Парижъ, патеру Кракувкѣ, *rue St.-Sulpice*, № 6, для
передачи Ярошинскому.

При этомъ Слободзинскому оставлена пѣкоторая сумма
на беззудное житье въ университетѣ.

Въ двѣнадцать часовъ Рациборскій проводилъ Ярошин-
скаго на петербургскую желѣзную дорогу, постоялъ у барьера,
пока тронулся поѣздъ и, кивнувъ другъ другу, іезуитъ под-
чищенный разстался съ іезуитомъ начальникомъ.

Ѣдучи съ Рациборскимъ на желѣзную дорогу, Кракувка
объявилъ, что онъ долженъ брать отпускъ за границу и го-
товиться въ Парижъ, гдѣ онъ получитъ обязанности болѣе
сообразныя съ его характеромъ, а на его мѣсто въ Москву
будетъ назначено другое лицо.

Эту ночь не спали еще Розановъ и Райнеръ.

Райнеръ говорилъ, что въ Москвѣ все ненадежныя люди,
что онъ ни въ комъ не видитъ серьезной преданности, и
что, наконецъ, не знаетъ даже, съ чего начинать. Онъ раз-
сказывалъ, что былъ у многихъ изъ извѣстныхъ людей, но
что всѣ его приняли холодно и даже подозрительно.

— Это же,—добавлялъ Райнеръ:—все деморализовано до
конца.

Райнеръ очень жалѣлъ, что онъ сошелся съ Пархоменко;
говорилъ, что Пархоменко непременно напутаетъ чего-ни-
будь сквернаго, и сѣтовалъ, что онъ никому, ни здѣсь, ни
въ Петербургѣ, ни въ другихъ мѣстахъ, не можетъ открыть
глазъ на этого человѣка.

Вообще Райнеръ казался какъ-то разбитымъ и, при ночномъ разговорѣ съ Розановымъ, на него будто находили порою столбняки.

Розановъ рѣшительно говорилъ, что надо все бросить и не возиться; что никакихъ элементовъ для революціи нѣтъ.

Райнеръ слушалъ терпѣливо все, что Розановъ сообщалъ ему о настроеніи народа и провинціального общества, но не могъ отказаться отъ своей любимой идеи произвести социально-демократическій переворотъ, начавъ его въ Россіи.

— Все это такъ, но мы, вѣдь, не знаемъ, что народъ думаетъ,—говорилъ онъ.

— Отчего же не знаемъ?

— Да такъ. Мы слышимъ, что онъ говоритъ, а не знаемъ, что онъ думаетъ.

О партіи московскихъ умѣренныхъ Райнеръ отозвался съ сострадательной улыбкой, что на нихъ вовсе нечего разсчитывать.

— Или кабинетныя муміи, или шуты,—говорилъ онъ:— та же фраза, та же рисовка и ничего болѣе. Вотъ поѣдемте въ воскресенье къ маркизѣ, — тамъ разный народъ бываетъ, — увидите сами.

— Какъ она такъ рискуетъ, принимая людей, за которыми навѣрное уже смотрятъ?

— Ахъ, ничѣмъ она не рискуетъ: тамъ ничего не дѣлаютъ, только болтаютъ.

— Она, говорятъ, всегда была близка съ передовыми людьми.

— Лжетъ, какъ мавзолей,—ничему вѣрить нельзя.

— Такъ изъ-за чего же она бьется?

— Все это эффекты и ничего болѣе. Да вотъ присмотритесь, сами увидите, — добавилъ онъ и, закрывъ глаза, задремалъ въ креслѣ, въ то самое время, когда Рациборскій подалъ Краувкѣ второй стаканъ воды съ морсомъ.

На слѣдующее утро Розановъ познакомилъ Райнера съ Печасемъ и его женою.

Райнеръ имъ очень понравился, а Печай тоже произвелъ на него хорошее впечатлѣніе.

Рациборскій отдалъ Розанову визитъ на другой день послѣ отъѣзда Краувки.

Онъ былъ необыкновенно милъ, любезенъ и такъ дели-

катно вызвался помочь Розанову, въ полученіи пока ординаторскаго мѣста, что тотъ и не замѣтилъ, какъ отдалъ Рациборскому свои бумаги, немедленно уѣхавшія въ Петербургъ къ галиційскому помѣщику Ярошиньскому.

Рациборскій, между словъ, узналъ, что Розановъ скоро познакомится съ маркизой, и сказалъ, что ему будетъ очень пріятно съ нимъ тамъ встрѣчаться, что это домъ очень почтенный.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Углекислыя феи Чистыхъ-Прудовъ.

На Чистыхъ-Прудахъ всѣ дома имѣютъ какую-то пыливую физіономію. Всѣ они точно къ чему-то прислушиваются и спрашиваютъ: что тамъ такое? Между этими домами самую любопытную физіономію имѣлъ домъ полковника Сте—цкаго. Этотъ домъ не только спрашивалъ: что тамъ такое? но онъ говорилъ: ахъ, будьте милосердны, скажите, пожалуйста, что тамъ такое?

Домъ этотъ состоялъ изъ главнаго двухъэтажнаго корпуса, выходившаго на Чистые-Пруды, и множества самыхъ странныхъ флигелей, настроенныхъ въ серединѣ двора.

Въ бель-этажѣ главнаго дома обитала маркиза Ксенія Григорьевна де-Бараль, съ сыномъ, девятнадцатилѣтнимъ маркизомъ, и двумя взрослыми дочерьми, дѣвицами.

Въ нижнемъ этажѣ жилъ либеральный московскій архитекторъ, Истукарій Михайловичъ Брюхачевъ, съ молодой женою и недавно произошедшимъ отъ сего союза приплодомъ.

Во флигеляхъ мѣстилось множество самыхъ разпородныхъ людей, но самый большой изъ этихъ флигелей занимали пять сестеръ Ярославцевыхъ: Серафима Романовна, Рогнеда Романовна, Ариадна Романовна, Ранса Романовна и Зоя Романовна.

Всѣ сестры Ярославцевы жили въ дѣвствѣ, а маркиза вдовствовала.

Эти-то шесть женщинъ, т.-е. пять сестеръ Ярославцевыхъ и маркиза де-Бараль, назывались въ нѣкоторыхъ московскихъ кружкахъ углекислыми феями Чистыхъ-Прудовъ, а домъ, въ которомъ онѣ обитали, былъ извѣстенъ подъ именемъ вдовьяго загона.

Мы непременно должны познакомиться и съ углекислыми феями Чистыхъ-Прудовъ, и съ законами вдовьяго загона.

Старшею феею, по званію, состоянію и общественному положенію, была маркиза де-Бараль. У нея былъ соединенный гербъ. Въ одной сторонѣ щита были изображены козачья со стрѣлами и накрестъ татарская погайка, а въ другой вертелъ. Первая половина щита свидѣтельствовала о какой-то услугѣ, оказанной предкомъ маркизы, казанскимъ татаршиномъ Маймуловымъ, отцу Ивана IV, а вторая должна была символически напоминать, что какой-то предокъ маркизиннаго мужа накормилъ сбивнагося съ дороги короля Людовика Святого.

Маркизъ было подъ пятьдесятъ лѣтъ. Теперь о ея красотѣ, конечно, уже никто и не говорилъ; а смолоду, рассказывали, она была очень неавантажна. Маленькая, вертящая и сухая, съ необыкновенно подвижнымъ лицомъ, она была весьма непрезентабельна. Разсуждала она рѣшительно обо всемъ, о чемъ вы хотите, но болѣе всего любила говорить о томъ, какое значеніе можетъ имѣть просвѣщенное содѣйствіе, или просвѣщенная оппозиція просвѣщенныхъ людей, «стоящихъ на челѣ общественной лѣстницы». Маркиза не могла разсуждать спокойно и послѣдовательно; она не могла, такъ сказать, *разсуждать разсудительно*. Она, какъ говорятъ поляки, «*miała zajaca w głowie*», и этотъ заяцъ до такой степени безпутно шнырялъ подъ ея черепомъ, что догнать его не было никакой возможности. Даже никогда нельзя было видѣть ни его заднихъ лапокъ, ни его кудаго, поджатаго хвостика. Безпокойное шнырянье этого торопливаго звѣрка чувствовалось только потому, что изъ-подъ его ножекъ вылетали: «чела общественной лѣстницы» и прочія умныя слова, спутанныя въ самыя безпутныя фразы.

Однако, несмотря на то, что маркиза была персона не видная, и что у нея шнырялъ въ головѣ очень безпокойный заяцъ, были въ Москвѣ люди, которые очень долго этого вовсе не замѣчали. По уставу, царицею углекислыхъ фей непременно должна быть дѣвица и притомъ настоящая, совершенно непорочная дѣвица, но для маркизы, даже въ этомъ случаѣ, было сдѣлано исключеніе: въ описываемую нами эпоху она была ихъ царицею. Феи оперлись на то, что маркизъ совершенно безопасно можно было ввѣрить огонь, и вручили ей всѣ знаки старшинства.

Принявъ во вниманіе возрастъ, котораго достигла мар-

киза, на Чистыхъ-Прудахъ никто не думалъ упрекать фей въ легкомысліи. Всѣ одобряли ея избраніе. Къ тому же, маркиза была поэтъ: ее любила погребальная муза. У маркизы хранилось шесть большихъ стихотвореній: на смерть Пушкина, который, во время ея дѣтства, посадилъ ее однажды къ себѣ на колѣни; на смерть Лермонтова, который, однажды, во время ея дѣтства, подарилъ ей бойбоньерку; на смерть двухъ-трехъ московскихъ ученыхъ, которыхъ она знала и считала своими друзьями, и на смерть Шарлотты Кордаи, Марии Ангуанеты и madame Роланъ, которыхъ она хотя лично не знала, но тоже считала своими друзьями. Кромѣ того, у маркизы было заготовлено стихотвореніе на смерть Мирабо, но оно было написано только до половины и остановлено безъ окончанія, до тѣхъ поръ, пока будетъ нѣкоторое основаніе опровергнуть весьма распространенный слухъ о политической продажности этого умѣреннаго либерала. Далѣе, было у нея нѣсколько стихотвореній только начатыхъ. Въ нихъ маркиза намѣрена была оплакивать кончину своихъ живущихъ друзей. Углекислѣя фен каждая имѣла себѣ по отдѣльному стихотворенію, и самое большое изъ нихъ назначалось Рогидѣ Романовѣ. Это прекрасное стихотвореніе было уже совсѣмъ отдѣлано и даже переписано на почтовую бумагу. Оно называлось «Пѣснь женщины надъ гробомъ чистѣйшаго созданія», и начиналось такъ:

Дружбѣ вѣнокъ безкорыстный
Женскою, слабой рукою, и т. д.

Стихи были бѣлые и бѣлизна ихъ доходила до такой степени, что когда маркизъ случайно зажметъ ими свою трубку, то самая бумага, на которой они были написаны, сгорѣла совершенно безцвѣтнымъ пламенемъ.

Это печальное обстоятельство случилось на третью весну послѣ бракосочетанія маркиза, а послѣ этой весны маркиза уже видѣла двадцать два раза, какъ таять зимній ледъ на Чистыхъ-Прудахъ.

Несмотря на то, что маркиза никогда не была оцѣнена по достоинству своимъ мужемъ и рано осталась одна съ двумя дочерьми и двумя сыновьями, она все-таки была замѣчательно счастливою женщиною. У нея всегда была хорошенькая квартирка, понугай, лошадь съ дрожками, лакей въ вигянхъ бѣлыхъ перчаткахъ, канарейка въ клеткѣ и множество друзей. Главнѣйшимъ образомъ счастье маркизы

заключалось во множествѣ друзей. Они ей были рѣшительно необходимы и у нея въ нихъ никогда не было никакого недостатка. У нея были друзья всякіе: были друзья, которые ей льстили; были друзья, которые ее злили, какъ кошку; были друзья, которые считали ее набитою дураю и сумасшедшею; но зато у нея былъ одинъ истинный другъ, имѣвшій всѣ нужныя свойства, чтобы назваться истиннымъ другомъ. Онъ былъ безкорыстенъ, мягкосердеченъ, благодаренъ и глушъ. Вдобавокъ, этотъ другъ былъ женщина, потерявшая всякую надежду вкусить сладости любви. Звали эту женщину Рогнѣдой Романовной. Словомъ, это была вторая углекислая фея Чистыхъ-Прудовъ.

Конечно, не всякій можетъ похвалиться, что онъ имѣлъ въ жизни такого друга, какимъ была для маркизы Рогнѣды Романовна, но маркиза была еще счастливѣе. Ей казалось, что у нея очень много людей, которые ее нѣжно любятъ и готовы за нею на край свѣта. Положимъ, что маркиза въ этомъ случаѣ очень сильно ошибалась, но, тѣмъ не менѣе, она все-таки была очень счастлива, заблуждался такимъ пріятнымъ образомъ. Это сильно поддерживало ея духовныя силы и давало ей то, что въ Москвѣ называется «форсомъ».

У маркизы былъ сынъ Орестъ, который долго назывался «Оничкой», дочь Антонина, дѣвица взрослая, дочь Сусанна, дѣвица на возрастѣ, и сынъ Веніаминъ, молодой человѣкъ еще въ самой зеленой порѣ. Маркиза относилась къ своему Веніамину совѣтъ не такъ, какъ относилась къ своему Веніамину патриархъ Іаковъ. Она боготворила Оничку. Одинъ увѣряли, что это идолослуженіе Оничкѣ основано на томъ, яко бы, что извѣстная Ленорманъ, посмотрѣвъ на этого мальчика, закричала: «Vicomte! — Marquis! — Ministre! — Poète! Homme célèbre»; другіе же просто говорили, что маркиза любила Оничку болѣе всѣхъ потому, что онъ былъ ея первенецъ, и этому можно вѣрить, потому что родительская нѣжность маркизы къ Оничкѣ нимало не пострадала даже послѣ того, когда московскій пророкъ Иванъ Яковлевичъ назвалъ его «ослицей Вааловой».

Дочерей маркиза тоже любила не равно. Антонина пользовалась у нея несравненно большимъ фаворомъ, чѣмъ Сусанна, и зато Антонина любила свою мать на маковое зерно болѣе, чѣмъ Сусанна, которая не любила ея вовсе.

Сусанна росла недовольною Коринной у одной своей

тетки, а Веніаминъ, обличавшій въ своемъ характерѣ нѣкоторую весьма раннюю нетерпимость, получалъ отъ родительницы каждое первое число по двадцати рублей и жилъ съ нѣкоторыми военными людьми въ одномъ казенномъ заведеніи. Онъ оттуда какимъ-то образомъ умѣлъ приходить па университетскія лекціи, но къ матери являлся только разъ въ мѣсяць. Да, впрочемъ, и сама мать стѣснялась его посященіями.

— Онъ какъ-то огрубѣлъ и опустился,—говорила Рогнѣда Романовна болтливымъ людямъ, удивлявшимся, что у маркизы никогда не видно ея Веніамина.

Рогнѣда Романовна отъ природы была очень правдива, и, можетъ-быть, она не лгала даже и въ настоящемъ случаѣ, но все-таки ей нельзя было во всемъ вѣрить на слово, потому что она была женщиною «политичная». — Давно извѣстно, что въ русскомъ обществѣ недостатокъ людей *политическихъ* всегда щедро вознаграждался обиліемъ людей *политичныхъ*, и Рогнѣда Романовна была однимъ изъ лучшихъ экземпляровъ этого завода.

Вообще было много основаній съ большою обстоятельностью утверждать, что политичность Рогнѣды Романовны, всѣхъ ея сестеръ и самой маркизы много выигрывала отъ того, что онѣ не знали ничего такого, что стоило бы скрывать особенно ловкими приемами, но умѣли жить какъ-то такъ, что какъ-то всѣмъ о нихъ хотѣлось разспросить.

Маркизинъ зайчикъ тутъ больше всѣхъ работалъ, и нужно ему отдать справедливость, онъ былъ самый первый политиканъ во всемъ вдовьемъ загонѣ.

Кромѣ того, этотъ маленькій звѣрѣкъ обладалъ непомятымъ самолюбіемъ. Онъ никогда не занимался обыкновенными, недаленовидными людьми и предоставлялъ имъ полное право вѣрить въ маркизинъ умъ, предполагать въ ней обширныя способности и даже благоговѣть предъ ея фразами. Но зато онъ вволю потѣшался надъ людьми умными.

Когда умнымъ людямъ случалось заходить къ маркизѣ, а уходя отъ нея размышлять о томъ, что она при нихъ говорила, умные люди обыкновенно спрашивали себя:

— Однако, чортъ меня возьми совѣмъ, если можно понять, что у нея сидитъ въ мозгу!

— Чортъ возьми, что же это у нея сидитъ въ мозгу?— спрашивалъ себя умный человѣкъ, даже задувая дома свѣчку

и оборачивался къ стѣнкѣ; но ни одного раза ни одинъ умный человѣкъ не отгадалъ, что въ мозгу у маркизы просто сидитъ заяцъ.

Это открытіе принадлежитъ къ самымъ позднѣйшимъ открытіямъ и оно совершилось гораздо позже избранія маркизы царицею углекислыхъ фей на Чистыхъ-Прудахъ.

По справедливости этотъ санъ гораздо болѣе шелъ къ Аріаднѣ Романовнѣ, чѣмъ къ маркизѣ; онъ болѣе шелъ бы даже къ Серафимѣ Романовнѣ, но онѣ его не получили.

Рогнѣда Романовна не могла претендовать ни на какое первенство, потому что въ ней надо всѣмъ преобладало чувство преданности, а Раиса Романовна и Зоя Романовна были особы безъ рѣчей. Судьба ихъ нѣкоторымъ образомъ имѣла нѣчто трагическое и общее съ судьбою Тристрама Шанди. Когда онѣ только-что появились близнецами на свѣтъ, повивальная бабушка, растерявшись, взяла вмѣсто пеленки пустой мѣшочекъ и обтерла имъ головки новорожденныхъ. Съ той же минуты младенцы сдѣлались совершенно глупыми и остались такими на цѣлую жизнь.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, углекислыя феи, которыя въ свое время играли нѣкоторыя роли на Чистыхъ-Прудахъ и не могутъ пройти совсѣмъ незамѣтными для снисходительныхъ читателей этого романа.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Красные, бѣлые, пестрые и буланые.

Прекраснымъ осеннимъ вечеромъ, когда румяная заря яркимъ полымемъ догорала на золоченыхъ кремлевскихъ вышкахъ, Розановъ съ Райнеромъ выѣхали изъ одного переулка въ Чистые-Пруды и остановились у воротъ дома полковника Сте—цкаго.

Углекислыя феи нынѣшній годъ немножко замѣшкались въ Кунцовѣ, и только сколо двухъ недѣль перенеслись въ свои зимовыя обиталища.

Тотчасъ за воротами было два подъѣзда: направо къ маркизѣ, налево къ Ярославцевымъ.

Маркиза жила въ бель-этажѣ, начинавшемся съ параднаго подъѣзда не совсѣмъ чистою переднею.

Розанова и Райнера встрѣтилъ высокій, смуглый лакей въ сѣромъ казинеговомъ сюртукѣ, не по сезону, и въ бѣ-

лыхъ бумажныхъ перчаткахъ. Онъ не пошелъ о нихъ докладывать, а только отворилъ имъ двери въ залу.

По залѣ прогуливались: молодая дѣвушка весьма развязнаго вида, часто встряхивавшая черныя кудри своей совершенно круглой головки, некрасивой, но весьма оригинальной; высокая, худая фея, съ черными вороньими глазами, длиннымъ, мертвенно-синимъ носомъ и съ чернубрыми веснушками. Этихъ двухъ особъ сопровождали: съ одной стороны низенькій офицеръ въ темнозеленомъ сюртукѣ, съ бѣлыми аксельбантами, и молодой человекъ весь въ черномъ. Офицеръ былъ съ виду очень невзрачный, желтенькій и плюгавенькій, съ бурымъ войлокомъ, вмѣсто волосъ, на головѣ. Молодой же человекъ, въ черномъ, не могъ нравиться ни одной женщинѣ, достигшей извѣстнаго возраста, но его непременно должны были обожать институтки. Онъ былъ похожъ на всѣхъ Малекъ-Аделей, которыхъ «кафушки» начинаютъ рисовать карандашами, а выпускныя иллюминуютъ красками и видятъ во снѣ крадущимися изъ-за шторъ полутемнаго дортуара. Смугленькій, чистенькій, съ черными, лоснящимися и слегка вьющимися волосами, черными, продолговатыми глазками, тоненькими, черными же усиками, слегка выпущающеюся бородкою и маленькимъ ротикомъ, съ остренькими пунцовыми губками, въ видѣ выпуклой пуговочки. Совсѣмъ, такъ-таки совсѣмъ былъ институтскій Малекъ-Адель: вотъ сейчасъ поцѣлуешь, завернется краснымъ плащомъ и, улегшись въ мусульманскую гробницу, скажетъ: «плачь обо мнѣ, прекрасная христианка, и умри на моемъ гробѣ».

Райнеръ подошелъ къ этой группѣ, поздоровался со всѣми и потомъ отрекомендовалъ Малекъ-Аделю Розанова.

Малекъ-Адель былъ старшій сынъ маркизы, надъ которымъ madame Ленорманъ и Иванъ Яковлевичъ сдѣлали два разнорѣчивыя предсказанія.

Малекъ-Адель поздоровался съ Розановымъ вѣжливо, но холодно, съ тѣмъ особымъ оттѣнкомъ, который умѣютъ придавать своимъ привѣтствіямъ министры и вообще люди, живущіе открытымъ домомъ и равнодушно смотрящіе на всякаго новаго посѣтителя.

— Маша у себя въ гостиной, — сказалъ онъ Райнеру, и молодой маркизъ присталъ опять къ разгуливающей тройкѣ.

Во время этого короткаго церемоніала Розановъ слышалъ,

какъ изъ гостиной несся шумный говоръ, изъ котораго выдавался восторженный женскій голосъ.

Розановъ только могъ разобрать, что этотъ голосъ произносилъ: «звонокъ дзынь, влетаетъ одинъ: il est mort; опять дзынь,—другой: il est mort, и еще, и еще. Полноте, говорю, господа, вы мнѣ звонокъ оборвете».

Въ довольно хорошенькой гостинной была куча народа, располагавшагося и группами, и вразбивку. Здѣсь было человѣкъ болѣе двадцати пяти обоего пола.

Самая живая группа, изъ семи особъ, располагалась у одного угольнаго окна, на которомъ сидѣлъ бѣлый попугай, а возлѣ него, на довольно высокомъ креслѣ, сама маркиза въ черномъ чепцѣ, черномъ кашемировомъ платьѣ, безъ кринолина и въ яркой полосатой турецкой шали.

Около нея помѣщались рыжій Бычковъ, Пархоменко, Ариадна Романовна — фея собою довольно полная и приятная, но все-таки съ вороньимъ выраженіемъ въ глазахъ и въ очертаніи губъ и носа, Серафима Романовна — фея мечтательная, Раиса Романовна и Зоя Романовна — феи прихлопнутыя. Воронье выраженіе было у всѣхъ углекислыхъ. Исключеніе составляла Серафима Романовна, въ которой было что-то даже приятное. Тутъ же помѣщался Бѣлоярцевъ и нѣкій господинъ Сахаровъ. Послѣдній очень смахивалъ на большого, выращеннаго и откормленнаго кантониста, отпущеннаго для пропитанія родителей. Его солдатское лицо хранило выраженіе завистливое, искательное, злое и, такъ сказать, челоуѣконенавистное; но онъ могъ быть челоуѣкомъ способнымъ всегда «стать на точку вида» и спрятать въ карманъ доуѣрчиваго ближняго. Бѣлоярцевъ былъ нынче выхолень, какъ показатель конь на выводъ, и держался показно, позволяя любоваться собою со всѣхъ сторонъ. Онъ сидѣлъ какъ куколка, не прислоняясь къ стѣнкѣ, но выдвигаясь вѣпередъ,—образецъ мужской скромности, своего рода московской изящности и благовоспитанности; гладко вычищенную шляпочку онъ держалъ на колѣняхъ, а на ся поляхъ держалъ свои правильныя руки, въ туго натянутыхъ лайковыхъ перчаткахъ.

Райнеръ представилъ маркизѣ Розанова.

Она сердечно обрадовалась, съ радушіемъ встала, потрясла ему руку и усадила въ свой кружокъ.

— Я, мой милый Райнеръ, — начала она, оживляясь и

слегка дергаясь на стулѣ, только-что рассказывала, какъ миѣ приносили вѣсть. Только-что я встала и еще не была одѣта, какъ вдругъ «дзынь», входитъ одинъ: «il est mort»; потомъ другой...

— Вы миѣ это говорили.

— Говорила? Да, это ужасно было, — обратилась она къ Розанову. — Только одинъ взойдетъ, другой «дзынь», — il est mort, а по улицамъ люди, люди, люди...

— Маркиза! — произнесъ у двери гармоническiй жежекiй голосъ.

Всѣ оглянулись на дверь, а лицо маркизы одушевилось артистическимъ восторгомъ и слезка блеснула на ея черныхъ глазкахъ.

На порогѣ, опустясь на колѣни, сложивъ на груди руки и склонивъ очаровательную головку, стояла прелестная молодая женщина въ легкомъ черномъ платьѣ и черной тюлевой наколкѣ.

Надъ этой изящной, колѣнопреклоненной фигурой рисовалась широкая грудь, на которой сидѣла большая русая голова, съ русою же окладистою бородою и голубыми глазами.

Задняя фигура могла быть очень удобна въ живои картинѣ, гдѣ былъ бы нуженъ типъ извѣстнаго русскаго чело-вѣка, торгующаго своимъ братомъ, скотомъ.

— Марейчка! — воскликнула маркиза. — Икаръ, поднимите ее и подведите ко миѣ.

Русая головница нагнулась, безцеремонно подняла за локти красивую даму и подвела ее къ маркизѣ.

Всѣ встали и дали дамѣ мѣсто преклониться предъ маркизой, а маркизѣ обнять и облобызать даму.

— Маркиза, я преступница! — шутливо, но съ сознаниемъ тяжелой вины начала дама, не вставая съ колѣней и обнимая маркизу за талию.

— Что такое? въ чемъ это?

— Нѣтъ, прежде простите меня: до тѣхъ поръ не скажу.

— Ну, прощаю, прощаю, — шутила маркиза.

— Браслетъ, — проговорила дама, наморщивъ брови, но не скрывая внутренняго смѣха.

— Что браслетъ, моя милясюснiйка?

— Потеряла, маркиза.

— Потеряла?

— Да, я знаю, что это фамильная вещь, что вы ею дорожите, и хотѣла умереть, чтобъ ужъ не сказать вамъ этого горя.

— О, моя мила, мила, что-жъ дѣлать,—произнесла маркиза, поцѣловала врасосъ подымающуюся даму и, посадивъ ее противъ, стала любоваться ею, оглаживая ея головку и роскошные черные волосы.

Это были заброшенный сирота, приемышь маркизы (нынѣ архитекторъ) Брюхачевъ и его жена Марья Николаевна, окрещенная маркизою, по страсти къ передѣлкѣ именъ въ ласкательныя клички, пѣз Марьи въ Марсичку.

Марья Николаевна Брюхачева была очнь красива, изящна, граціозна и все, что вы хотите, но полюбить ее могъ только Брюхачевъ, волочиться за нею могли только пламенные кавалеристы до штабъ-офицерскаго чина. Но зато, если бы ея дѣвственная юность была обставлена повальяжнѣй, на ней смѣло могъ бы жениться кто-нибудь пофигурнѣе.

Потѣсенный новымъ наплывомъ, кружокъ маркизы раздвинулся, разбился и заговорилъ на разныя темы.

— Какая сласть, — сказала Бычковъ Бѣлоярцеву, глядя на Марсичку.

— Марья Маревна, Киперская королевна-то? — спросилъ Бѣлоярцевъ и сейчасъ же добавилъ: — недурна, должно быть, въ натуральномъ видѣ.

А между тѣмъ гости снова оглядывались и ворошились.

По гостинной, съ таинственнымъ, мрачнымъ видомъ проходилъ Араловъ. Онъ не далъ перваго, обычнаго привѣтствія хозяйкѣ, но проходилъ, пожимая руки всѣмъ по ряду и не смотря на тѣхъ, кого удостоивалъ своего рукожатія. Къ маркизѣ онъ тоже отнесся съ рядовымъ привѣтствиемъ, но что-то ей буркнулъ такое, что она, эффектно улыбнувшись, сказала:

— Ну, батюшка, несправимъ, хоть брось.

— Красный, совершенно красный, яростный, — шепнула маркиза, съ серьезной миною, стоявшему возлѣ нея Розанову и сейчасъ же снова обратилась къ Марсичкѣ. А Араловъ, обойдя знакомыхъ, взялъ за руку Быčkoва и отвелъ его въ уголь.

— Конвентъ въ маломъ видѣ, — опять проговорила маркиза, кивнувъ съ улыбкой на Быčkoва и Аралова. — А

смотрите, какая фигура у него, — продолжала она, глядя на Арапова, — какие глаза-то, глаза — страсть. А тотъ-то, тотъ-то — просто Маратъ. — Маркиза засмѣялась и злорадно сказала: — Будетъ имъ, будетъ, какъ эти до нихъ доберутся да начнутъ ихъ трепать.

А судя по портрету надо полагать, что маркиза не обидѣла Бычкова, сравнивая его съ Маратомъ. Въ звѣрскомъ, сорока-лѣтнемъ лицѣ Марата не было, по крайней мѣрѣ, низкой чванливости и преступнаго легкомыслія, лежавшихъ между всякой всячины на лицѣ Бычкова.

— И они это напечатали? — спрашивалъ Бычковъ разсказывавшаго ему что-то Арапова.

— Какъ же: я хочу вздуть ихъ, вздуть.

— Подлецы!

— Они тамъ этакъ фигурничаютъ, «съ точки зрѣнія справедливости», да то, да другое, а все-таки не честно объ этомъ говорить.

— Разумѣется; вы напишите, что это подло, растолкуйте имъ, что смертная казнь должна быть, но она должна быть только въ странахъ республиканскихъ...

— Батюшка! батюшка мой, пожалуйста-ка сюда! — говорилъ Араповъ, подзывая къ себѣ Сахарова. — Что-жъ это у васъ печатается?

— Отстаньте, Бога ради, ничего я этого не знаю, — отвѣчалъ, смѣясь, кантонистъ, пущенный для проинтанія родителей.

— Какъ не знаете?

— Такъ, не знаю: «мы люди скромные, не строимъ баррикады и преспокойнѣйше гниемъ въ своемъ болотѣ».

— Да гадости копаете?

— Да гадости копаемъ, — отвѣчалъ также шуточно кантонистъ. — Нѣтъ, вотъ вамъ, Бычковъ, спасибо: пробрали вы насъ. Я сейчасъ узналъ по статейкѣ, что это ваша. Терифты не могу этого блага либерализма: то-есть чортъ знаетъ, что за гадость.

— Они все говорить будутъ, когда нужно дѣло. Вонъ въ Петербургѣ ужъ дѣлаютъ.

— Что-жъ, что тамъ дѣлаютъ? — впился Сахаровъ.

— Помилуйте, тамъ ужъ аресты идутъ. Недѣлю назадъ, говорятъ, двадцать человѣкъ въ одну ночь арестовали.

Къ товарищамъ подошелъ высокій, благообразный юноша лѣтъ двадцати-двухъ.

— Вонъ, Персіянцевъ, людей ужъ арестовываютъ десятками: видно идетъ дѣло.

— Ахъ, когда бы, когда бы дѣло какое-нибудь!—тоскливо проговорилъ Персіянцевъ, смотря своими чистыми, но тоскливо скучающими дѣтскими глазами.

— Мой милый! мой милый!—звала кантониста маркиза:— вы тамъ съ ними не очень сближайтесь: вы еще довѣрчивы, они васъ увлекутъ.

— Да-съ, увлечемъ,—отвѣтилъ, глядя исподлобья, Араповъ.

— Любви никакой нѣтъ-съ, это иллюзія и только,—говорилъ Пархоменко, выпячивая колѣни къ платью Маречки.

— Какъ нѣтъ любви? Какъ нѣтъ любви?—вскипѣла маркиза:—Гггааа! это ихъ петербургскій матеріализмъ: радуйтесь. Вы матеріалистъ? Вы матеріалистъ? — пристала она къ Пархоменку.

Пархоменко сробѣлъ и сказалъ, что онъ не матеріалистъ.

— Я только противъ брака. Я разсуждаю по разуму, — говорилъ онъ, стараясь поправиться отъ конфуза.

— Ну, и что-жъ такое? Ну, и что-жъ такое вы разсуждаете противъ брака?—взѣлась на него опять маркиза.

— Что брака не должно быть въ наше время.

— А что-жъ должно быть? Развратъ?

— Гм!.. что вы еще называете развратомъ,—надо знать.

— А я называю развратомъ вотъ такую пошлую болтовню при молодой женщинѣ, которая только-что вышла замужъ и, слѣдовательно, уважаетъ бракъ.

Пархоменко заковыривалъ все глубже глазъ и видя, что къ нему подходятъ Бычковъ и Араповъ, воодушевлялся.

— Да мало ли что въ Москвѣ могутъ уважать!—произнесъ онъ, засмѣявшись и хракнувъ носомъ.

Маркиза закусила поводья, зайчикъ нырнулъ ей въ самый затылокъ и мозги у нея запрыгали:

— Гггааа! Что вы этимъ хотите сказать? То, что Москва сберегла свою физиономію; то, что по ней можно читать исторію народа; то, что она строена не по плану присяжнаго архитектора и взведена не на человѣческихъ костяхъ; то, что въ ней живы памятники великаго прошлаго; то, что...

Маркиза понеслась зря. Всѣ ее слушали, кто удерживая

смѣхъ, кто съ изумленіемъ, и только одна Рогіѣда Романовна, по долгу дружбы, съ восторгомъ, да Малекъ-Адель— съ спокойною важностью, точно барышня вырѣзала его изъ картинки и приставила дыбки постоять у стѣнки. А Бѣлоярцевъ, смиренно пригнувшись къ уху Арапова, слегка отпрукивая маркизу, произнося съ разстановкой: «тиру, тпру, тпрусь, милочка, тпрусь».

Заяцъ швырялъ и ногами, и ушами: неоцѣнимыя заслуги Москвы и богопротивныя мерзости Петербурга такъ и летѣли, закидывая съ головы ногъ ледащинькаго Пархоменку, который все силится насмѣшливо и ядовито улыбаться, но вмѣсто того только мялся и не зналъ, какъ по достоинству выйти изъ своего положенія.

Онъ ухватился за казармы и сказалъ:

— Наши казармы, по крайней мѣрѣ, менѣе вредны.

— Да, въ нихъ воздухъ чище, — насмѣшливо возразила, оглядываясь по сторонамъ, маркиза.

— Именно воздухъ чище: въ нихъ меньше все прокурено ладаномъ, какъ въ вашихъ палатахъ. И еще въ Москвѣ нѣтъ разума: онъ потерянъ. Здѣсь идетъ жизнь не по разуму, а по предразсудкамъ. Свободомыслящихъ людей нѣтъ въ Москвѣ,—говорилъ ободренный Пархоменко.

— Какъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Это вы серьезно говорите?

— Серьезно.

— Господинъ Араповъ! я рѣшительно не могу васъ благодарить за доставленіе мнѣ знакомства съ господиномъ Пархоменко.

Маркиза дернулась и отвортилась лицомъ къ окну.

Араповъ сдѣлалъ поклонъ, который можно было истолковать различно, а Бѣлоярцевъ опять прошепталъ у него надъ ухомъ: «тпрусь, милая, тпру».

Ново было впечатлѣніе, произведенное этою сценою на Розанова и Райнера, но всѣ другіе оставались совершенно покойны, будто этому всему неизмѣнно такъ и надо быть.

Никто даже не удивился, что маркиза, послѣ сдѣланнаго ею реприманда Пархоменкѣ, не усидѣла долго, оборотясь къ окну, и вдругъ, дернувшись снова, обратилась къ нему съ словами:

— А у васъ что? Что тамъ у васъ? Гггааа! ни одного

человѣка путнаго не было, нѣтъ и не будетъ. Не будетъ, не будетъ!—кричала она, доходя до истерики.—Не будетъ потому, что вашъ воздухъ и болота не годятся для русской груди... И вы... (маркиза задохнулась) вы смѣете говорить о нашихъ людяхъ, и мы васъ слушаемъ, а у васъ нѣтъ терпимости къ чужимъ мнѣнiямъ; у васъ Марать — богъ; золото, чины, золото, золото да развратъ—вотъ ваши боги.

— Все же это положительное,—возразилъ Пархоменко.

— Да что жъ это положительное-то?

— Все. А ваши ученые, что они сдѣлали? Что вашъ Грановскiй?

— Гггааа!

Маркиза закатилась.

— Ма снѣге,—шепнула сзади Рогнѣда Романовна.

— Ну, ну, что Грановскiй?

— Ма снѣге!—целкнула опять Рогнѣда Романовна, тропувшись за плечо маркизы.

— Постой, Нэда,—отвѣчала маркиза и пристала:—ну, что, что нашъ Грановскiй? Не честный человѣкъ былъ, что ли? Не свѣтлыя и высокiя имѣлъ понятiя?..

— Какiя же понятiя? Извѣстное дѣло, что онъ вѣрилъ въ безсмертiе души.

— Ну такъ что жъ?

— И только.

— И только?

— И этого довольно. Одной только пошлости довольно.

— Да, ужъ вашей къ этому прибавить нельзя,—прошептала, совсѣмъ вскипѣвъ, маркиза и, вставъ à la Ristori, съ протянутою къ дверямъ рукою, произнесла:—господишь Пархоменко! прошу васъ выйти отсюда и болѣе сюда никогда не входить.

Выговоривъ это, маркиза схватила съ окна бѣлый платокъ и побѣжала на балконъ.

Видно было, что она душитъ рыданiя.

За нею вышли три фен, Марсичка, Брюхачевъ, который мимоходомъ наступилъ на ногу одиноко сидѣвшему Завулонову, и попугай, который имѣлъ страсть исподтишка долбить людей въ ноги и теперь мимоходомъ прорвалъ сапогъ и пустилъ слегка кровь Сахарову.

— Сапогомъ его чорта,—сказалъ Бычковъ; но Саха-

ровъ не ударилъ поугая сапогомъ, а только всѣмъ показывалъ дырку.

Какъ праотець, изгнанный изъ рая, вышелъ изъ воротъ маркизнаго дома Пархоменко на улицу и, увидѣвъ на балконѣ маркизино общество, самымъ твердымъ голосомъ сторговалъ, за пятиалтынный, извозчика въ гостиницу Шевалдышева.

Когда успокоившаяся маркиза возвратилась и сѣла на свой пружинный тронъ, Бычковъ ткнулъ человѣкъ трехъ въ ребра и подступилъ къ ней съ словами:

— Однако, хороша и ваша терпимость мнѣній! За что вы человѣка выгнали вонъ?

— Я не могу слушать мерзостей, — отвѣчала маркиза, снова уже кипящая и кусая кончикъ носового платка.

— Значитъ, то же самое.

— Я не за мнѣніе, а за честную память вступилась.

— За память мертваго обижать живого.

— Память такихъ людей священна.

— Съ памятью извѣстныхъ людей связано почтеніе къ извѣстной идеѣ, — произнесъ тихо, но твердо Персіянцевъ.

Розановъ оглянулся: ему почудилось, будто онъ Помаду слышитъ.

— Ерундища какая-то, — произнесъ Бычковъ: — мертвые берегутъ идеи для живыхъ, вмѣсто привѣта — вонъ, и толковать еще о какой-то своей терпимости.

— А у васъ, что ли, у васъ, что ли, терпимость? — забарабанила маркиза: — Ггааа! у васъ ножъ, а не слово, вотъ ваша терпимость.

И пошло. Только порою можно было слышать:

— Такъ всѣхъ, что ли, порѣжете?

— Всѣхъ, — рѣшала Бычковъ.

— А съ кѣмъ сами останетесь?

— Кто уцѣлѣетъ, тотъ останется, — вмѣшивался Араповъ.

— Ггаа! — гоготала, всплескивая руками, маркиза.

— Ггаа! — гоготали и каркали за нею углекислыя фен.

Брюхачевъ стоялъ за женою и по-временамъ цѣловалъ ей ручки, а Бѣлоярцевъ, стоя рядомъ съ Брюхачевымъ, не цѣловалъ рукъ его жены, но далеко запуская свои черные глаза подъ ажурную косынку, закрывавшую трепещущія, еще почти дѣтственныя груди Марыи Маревны, Кплерской королевы. Сахаровъ все старался залѣпить вырванный по-

пугасмъ клочокъ сапога, въ то время, какъ Завулоновъ, ударяя себѣ въ грудь, говорилъ ему:

— Сдѣлайте милость, Сергѣй Сергѣевичъ, выхлопочите мнѣ хоть рублей бы такъ съ восемь или десять: очень нужно, ей-Богу, очень нужно. Настасья больна, и гроша нѣтъ.

— Да что вы съ ней не развяжетесь?—шутливо и язвительно замѣчалъ Сахаровъ.

Завулоновъ кряхтѣлъ и увѣрялъ, что непременно развяжется, только бы деньжонокъ.

— Вонъ просилъ этого буланаго,—говорилъ онъ, указывая на Бѣлоярцева:—такъ что жъ, развѣ онъ скажетъ за кого слово: адъ холодный.

Персіянецъ вздыхалъ около Райнера и, смотря на него скучающими, дѣтскими глазками, говорилъ:

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! хоть бы какое-нибудь дѣло.

Райнеръ молча слушалъ споръ маркизы съ Бычковымъ и дослушалъ его какъ разъ до тѣхъ поръ, пока маркиза стала спрашивать:

— Такъ по-вашему и Робеспьеръ, съ самомъ дѣлѣ, былъ хорошій человекъ?

— Робеспьеръ дуракъ.

— Насилу-то!

— Онъ даже подлець, не умѣлъ рѣзать въ то время, когда надо было все вырѣзать до конца.

— Марать, значить, лучше?

— Еще бы! Не будь этой мерзавки, онъ бы спасъ чело-вѣчество.

— Это кого же, кого назвали мерзавкой?

— Корде. Не угодно ли вамъ и меня выгнать вонъ!

— Нѣтъ, зачѣмъ же; вы еще зарѣжете, — пошутила маркиза.

— Да я и такъ зарѣжу.

— И насъ всѣхъ зарѣжете?

— Еще бы! Всѣхъ.

Картина, дѣйствительно, выходила живенькая и характерная: Бычковъ сидитъ, точно лупоглазый ночной филинъ, а около него стрекочутъ и каркаютъ денныя вороны.

— Гаа! гаа! гаа! — каркаютъ всѣ встревоженные фен, а онъ сидитъ, да словно и въ самомъ дѣлѣ думаетъ: «дайте-ка вотъ еще понадвинетъ потемнѣе, такъ я васъ перещелкаю».

— Общество краснѣть! краснѣть общество! — восклицала маркиза, отбирая отъ всѣхъ показаніе, кто красный, кто бѣлый.

Искренно отвѣтили только Араповъ и Бычковъ, назвавшіе себя прямо красными. Остальные, даже не исключая Райнера, играли словами и выходили какими-то пестрыми. Неприкосновенную бѣлизну сохранили однѣ феи, да еще Брюхачевъ съ Бѣлоярцевымъ не солгали. Первый ничего не отвѣтилъ и цѣловалъ женину руку, а Бѣлоярцевъ сказалъ, что онъ въ жизни понимаетъ только одно прекрасное и никогда не будетъ принадлежать ни къ какой партіи.

Впрочемъ, Бѣлоярцевъ тѣмъ и отличался, что никогда не вмѣшивался ни въ какой разговоръ, ни въ какой серьезный споръ, вѣчно отходя отъ нихъ своимъ художественнымъ направленіемъ. Онъ съ мужчинами или сквернословилъ, или пѣлъ, и только иногда развязывалъ языкъ съ женщинами, да и то тамъ, гдѣ надъ его словами не предвидѣлось серьезнаго контроля.

— Да, я и забыла, что вы поэтъ и художникъ, — отозвалась маркиза.

Часъ былъ поздній и стали прощаться. Кажется, ужъ не изъ чего бы начаться новымъ спорамъ, но маркиза въ два слова дошла съ Бычковымъ до того, что, вмѣсто прощанья, Бычковъ кричалъ:

— Да ужъ не жирондисты съ Чистыхъ-Прудовъ что-нибудь сдѣлаютъ.

— И не монтаньяры со Вшивой-Горки, — отвѣчала въ экстазѣ маркиза.

— Да ужъ не жирондисты.

— Да ужъ и не монтаньяры.

— И не жирондисты.

— И не монтаньяры.

Розановъ и Райнеръ оставались еще нѣсколько минутъ, послушали, какъ маркиза поносила монтаньяровъ со Вшивой-Горки и говорила о печальной необходимости принимать этихъ неотесовъ, свидѣтельствуясь въ этомъ, безъ всякой нужды, примѣромъ *madame* Роланъ, которая пускала въ свой салонъ нѣкоторыхъ якобинцевъ.

Чортъ знаетъ, что дѣлалось съ Райнеромъ и Розановымъ отъ этихъ столкновеній съ особеннымъ выдѣленіемъ московскаго люда.

Розановъ только чувствовалъ, что и здѣсь опять какъ-то все гадко и неумно будто. Но иногда, такъ же какъ Райнеръ размышлялъ о народѣ, онъ размышлялъ объ этихъ людяхъ: это они кажутся такими, а чортъ ихъ знаетъ, что они думаютъ и что могутъ сдѣлать.

Онъ еще завернулъ раза три къ маркизѣ и всякій разъ заставлялъ у нея Сахарова. Маркиза ему искала мѣста. Розанову она тоже взялась протектировать и отдала ему самому письмо для отправления въ Петербургъ, къ одному важному лицу. Розановъ отправилъ это письмо, а черезъ двѣ недѣли къ нему заѣхалъ Рациборскій и привезъ извѣстіе, что Розановъ опредѣленъ ординаторомъ при одной гражданской больницѣ; сообщая Розанову это извѣстіе, Рациборскій ни однимъ словомъ не далъ почувствовать Розанову, кому онъ обязанъ за это опредѣленіе.

Розановъ благодарилъ и Рациборскаго, и маркизу, которая была серьезно увѣрена, что это она его устроила.

Розановъ ей пока очень нравился умѣренностью своихъ воззрѣній, что маркиза принимала за чистый жпрондизмъ.

Такъ нашъ Розановъ и сдѣлался временнымъ московскимъ гражданиномъ. При больницѣ были холостыя помѣщенія для четырехъ ординаторовъ и одно изъ нихъ теперь доставалось Розанову.

Дмитрій Петровичъ былъ очень обрадованъ, со слезами благодарилъ за радушіе Нечаевъ, подарилъ на послѣднія деньги платье и рубашечекъ ихъ дѣтямъ, простился съ Лефортовымъ и, переѣхавъ въ больницу, занялся службой.

Оглавленіе.

ІХ ТОМА.

Некуда. Романъ въ трехъ книжкахъ.

Книга первая: **Въ провинціи.**

	стр.
XXV. Два внутренне міра	5
XXVI. Что на русской землѣ бываетъ	12
XXVII. Кадриль въ двѣ пары	23
XXVIII. Глава безъ названія	29
XXIX. На одномъ полѣ разныя ягоды	35
XXX. Half-yearly review.	41
XXXI. Великое переселеніе народовъ и вообще глава, резюмирующая первую книгу	79

Книга вторая: **Въ Москвѣ.**

I. Дальнее мѣсто	86
II. Первые дни и первая знакомства	91
III. Чужой человѣкъ	102
IV. Свои люди	125
V. Патеръ Роденъ и аббатъ д'Егриньи	149
VI. Углекислый фенъ Чистыхъ-Прудовъ	157
VII. Красные, бѣлые, пестрые и буланые	162